

Belle Festres

Аньес Ледиг

Я возвращаюсь к себе

Agnès Ledig
à Toute Petite
Seine

Annotation

Эта история началась с потери. Девушка, несколько лет назад пережившая болезненное расставание, забывает чемодан на центральном вокзале Страсбурга. Инцидент неожиданно переворачивает ее жизнь, заставляя отправиться в путешествие в поисках себя самой. Ее проводниками становятся опытный кинолог Адриан, сильный, но уязвимый человек, и его необычайно чувствительный пес Блум. Смогут ли две потерянные души найти общий язык и помочь другу другу? «Я возвращаюсь к себе» – пронзительная история о том, как пройти через боль утраты и одиночество, чтобы обрести исцеление. Аньес Ледиг мастерски переплетает судьбы героев, и вопрос о том, найдут ли они силы принять прошлое и открыться будущему, остается открытым до последних страниц романа.

Странное чувство. Что это была за сцена и почему Ивон так поспешно ретировался? Обычно он не отказывает себе в злом удовольствии позабавиться с мышкой – клевать и смотреть на ее мучения. Он из тех, кто наслаж дается чужими страданиями, упивается ими, утверж дая свою власть. А девушка – почему она так безутешно рыдает из-за такого, в сущности, пустяка? Не могу же я просто взять и уйти. Только ледяное сердце останется равнодушным к слезам.

- [Аньес Ледиг](#)
 -
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)

- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)

- [Глава 82](#)
 - [Глава 83](#)
 - [Глава 84](#)
 - [Глава 85](#)
 - [Глава 86](#)
 - [Глава 87](#)
 - [Глава 88](#)
 - [Глава 89](#)
 - [Примечания](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Рекомендуем книги по теме](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Аньес Ледиг

Я возвращаюсь к себе

Перевод *Наталья Красавина*

Перевод стихотворений *Евгения Молькова*

Редактура *Татьяна Коршунова*

Главный редактор *Яна Грецова*

Заместитель главного редактора *Дарья Петушкова*

Руководитель проекта *Анна Василенко*

Арт-директор *Юрий Буга*

Дизайнер *Денис Изотов*

Корректоры *Татьяна Редькина, Мари Стимбирис*

Верстка *Максим Поташкин*

Разработка дизайн-системы и стандартов стиля *DesignWorkout®*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Flammarion, 2021

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2024

* * *

AGNÈS LEDIG

La toute petite reine

Betty

FLAMMARION

Аньес Ледиг

Я возвращаюсь к себе

Роман

Перевод с французского

Lettres

BELLES LETTRES

Москва, 2024

*Сильным
женщинам,
которых порой
нужно защищать...*

*Чутким
мужчинам,
которые
зачастую прячутся
за щитом...*

*Моему отцу,
надежному
и чуткому.*

*Памяти
старшего капрала
Максима Бласко*

*Часто
в одиночестве
зарождаются
встречи.*

*Шарль Пепен.
Встреча,
философия*

*Волен случай
избавлять,
Волен случай
пасть звездой,*

*Лоб мой
вечным небосводом
Раскрывается
под солнцем,*

*Вечной волей
случая.*

*Поль Элюар. Волен
случай*

Глава 1

Два имени на почтовом ящике

Я слишком стар и ни на что не годен.

Они даже хотели запихнуть меня в дом престарелых.

Никогда, слышите? Не дождетесь!

Я хочу умереть здесь. По возможности прямо на этой скамейке, на краю леса.

Отсюда я смотрю на дом внизу и думаю о Мадлене.

Единственная от меня, старика, польза – помнить.

И идите вы все к черту, кто хочет, чтобы я сбрендил в вашем заведении! Голова моя пока со мной, а значит, в ней еще живет Мадлена.

Что меня сводит с ума, так это то, что дом разваливается. А ведь мы могли бы свить в нем семейное гнездышко. Мадлена и Жан Петижене. Славно бы смотрелось на почтовом ящике.

Вот бы оставить от прошлого только хорошее.

Вот бы это прошлое исправить. Я бы не сидел тут один, как дурак, на двух досках и не мечтал, чтобы в память о Мадлене жизнь вернулась на эту старую ферму.

Только из-за этого, поди, еще не помер.

Хочу знать, кто вдохнет в нее эту жизнь.

Глава 2

Мотылек

– Это мой! Подождите, ЭТО МОЙ!

Полиция уже оцепила участок, все службы в боевой готовности, моя собака ждет команды, чтобы обнюхать подозрительный предмет. Под сводами огромной крыши, раскинувшейся над девятью платформами Страсбургского вокзала, женский голос звенит, словно под куполом собора.

Обернувшись, я вижу запыхавшуюся девушку. На ней кроссовки, черные колготки и платье, плащ развеивается за спиной, сумка прижата к животу, чтобы не мешала бежать. Девушка легко прорвалась мимо сотрудника безопасности, который пытался остановить ее наверху у эскалатора при выходе на платформу и теперь трусит за ней без особого рвения. Другому, ближе к оцеплению, удастся преградить ей путь.

– Пожалуйста, это мой чемодан! – умоляет она.

На крики подходят полицейские и показывают, чтобы ее пропустили.

Она не успевает ни отдышаться, ни извиниться. Симоне, начальник Службы железнодорожной безопасности, набрасывается на нее, как коршун на добычу, готовый терзать плоть злобными когтями. Ни разу не видел, чтобы он проявил доброжелательность или понимание. Даже интересно, он что, и в личной жизни такой? Есть у него жена, дети, способен он проявить нежность? Сомневаюсь.

– Вы понимаете, сколько времени мы из-за вас потеряли? Делать мне больше нечего, чтоб вам... Взорвали бы чемодан, и поделом!

– Мне очень...

– Молчать! Документы! – рявкает он.

Представляю, что бы я делал на ее месте, как у меня скрутило бы живот. Такого приема она не ожидала. Отчитывают, как девчонку, а ведь она и так осознала свою вину. Вижу по глазам, что ей стыдно. И вдруг в них полыхнула ярость.

– Вы не имеете права так со мной разговаривать, даже если я совершила ошибку!

– Ошибку? Я буду с вами разговаривать так, как хочу. Повыступайте мне еще! Документы!

Она пытается сдержать негодование, роется в сумочке, бормоча, что знает свои права. Просит его представиться. Он не отвечает, продолжая мрачно смотреть на нее своим тяжелым взглядом. Симоне не выносит тех, кто не гнется перед ним. Кто осмеливается возражать. Особенно если они не правы. Впрочем, если правы – тоже. Его бесит, когда дают отпор. Я знаю. Будет только хуже.

Я подхожу, надеясь разрядить обстановку.

– Успокойся, Ивон. Мне кажется, девушка и так сожалеет.

– Срать я хотел на ее сожаления. Ты видел, сколько народу на уши поставили из-за одной безмозглой дуры?

– Ивон!

– Пусть платит за свое разгильдяйство!

Она молча протягивает удостоверение личности, сосредоточенно глядя себе под ноги, которые вот-вот обмякнут.

Мне хорошо знакомы всплески ярости, за которыми следует опустошение, когда не за что ухватиться и все разом валится в пропасть.

Она опускается на скамейку платформы номер три в нескольких метрах от нас, обхватывает голову руками и заливается слезами; рыдает навзрыд, словно отдавшись наконец неуправляемой лавине.

Я с трудом удерживаю Блума, который возбужден сильнее обычного. С поиском взрывчатки он всегда справляется на отлично, но человеческие конфликты выбивают его из колеи. А уж слезы – тем более.

– Твою мать! Дерьмо! – бормочет мой коллега из Службы железнодорожной безопасности, не отрывая глаз от документа и как будто колеблясь. – Ладно, верни ей чемодан, – говорит он подчиненному, – пусть идет, сворачиваемся.

Затем, не говоря ни слова, быстрым шагом удаляется в сторону лестницы, ведущей в подземные коридоры. Он не просто уходит, а исчезает, спасается бегством. Ярость шлейфом следует за ним, словно запах плохих духов. Недоволен, что ему не дали как следует разгуляться.

Чемодан девушке возвращает младший офицер, вчерашний подросток. Он протягивает удостоверение, не зная, что сказать. Она

не поднимает головы и продолжает плакать. Он осторожно кладет карточку на чемодан, будто тот сейчас и правда взорвется, и, сконфуженный, уходит.

Я не могу поступить так же.

Странное чувство. Что это была за сцена и почему Ивон так поспешно ретировался? Обычно он не отказывает себе в злобном удовольствии позабавиться с мышкой – клевать и смотреть на ее мучения. Он из тех, кто наслаждается чужими страданиями, упивается ими, утверждая свою власть. А девушка – почему она так безутешно рыдает из-за такого, в сущности, пустяка? Не могу же я просто взять и уйти. Только ледяное сердце останется равнодушным к слезам.

Блум сидит и, поскуливая, смотрит в сторону скамейки.

Я отстегиваю поводок: «Ну, давай!»

Пес устремляется к ней, но на полпути притормаживает, бегаёт взад-вперед, кружит, потом наконец решается подойти и просовывает морду ей под руки, пытаясь дотянуться до лица.

Она отворачивается. Тогда он садится рядом и кладет морду ей на ногу, тоненько поскуливая.

Спустя несколько минут она достает из сумки большой белый платок, вытирает слезы и гладит собаку, пытаясь улыбнуться.

– Надеюсь, вы не боитесь собак.

– К счастью, нет...

– Блум бойкий, но ласковый.

– Я заметила.

– С вами все хорошо?

– Да. Наверное. Спасибо.

Она избегает моего взгляда, ей все еще стыдно за то, что произошло.

Мне хочется спросить, как ее зовут, сохранить хоть какой-то след, что-то конкретное. Не дать ей бесследно раствориться в безбрежном безымянном океане людей, из которого она вынырнула ко мне.

Или самому назваться. «Меня зовут Адриан, и мне хочется вас защитить».

Я смотрю, как она поднимается, пытается взять себя в руки, поправляет платье, улыбается мне так, что я ни капли не верю, и, пошатываясь, пьяная от опустошенности и горя, уходит, волоча за собой чемодан.

Я сажусь туда, где она сидела, и глажу напарника, хвалю за острый нюх и человеколюбие. Мое оказалось не готово к решительным действиям.

Эта девушка разбила мне сердце. Как я от него устал, оно рвется на части по любому поводу, от рыданий любого незнакомого человека.

Но тут в кои-то веки Блум со мной согласен. Он тоже подозревает, что внутри этой девушки спрятана бомба, которая вот-вот взорвется.

Я смотрю на пассажиров на платформе номер один – стоящих, идущих, высоких и низких, в кроссовках и в туфлях, с телефоном в руке или уставившихся в пустоту. Куда они едут? На важную встречу? На свидание? Навестить тяжелобольного родственника? Сколько в них спрятано бомб?

Моя взорвалась несколько лет назад. Я до сих пор разгребая обломки.

Надо было завести собаку-спасателя, обученную поисковой работе под завалами. Сэкономил бы время.

Мне хочется снова увидеть эту девушку, сам не пойму почему. Когда я смотрел, как она вытирает слезы о мою собаку, передо мной за долю секунды промелькнуло возможное будущее – как прошлое перед смертью. Наше с ней будущее. Это глупо. Я даже не знаю ее. И скорее всего, больше не увижу.

А мне ведь почти удалось стать невосприимчивым к ужасу этого мира, Мали мне в этом очень помогла. Но не в этот раз, не с ней. Я почувствовал, что стою на краю бездны страданий, как на вершине скалы, что пустота зовет меня и надо броситься туда, чтобы спасти эту девушку. Диана бы сказала, что моя природа опять берет свое. Защищать, защищать, защищать.

Но еще сильнее меня поразила та сила, которая исходила от этой маленькой, съездившейся на скамейке фигурки. Непокосимая сила, которая притягивала меня, как мотылька – свет.

Срочный вызов спасает меня от бестолковых мыслей. Подозрительный пакет в аэропорту.

Жизнь продолжается, и плевать она хотела на чьи-то рыдания и на мотыльков.

Глава 3

Такая роль

Адели звонит нечасто. Но раз уж звонит, повод обычно серьезный: либо ей нужна помощь, либо она хочет в очередной раз склонить меня к экологически ответственному поведению. Будет трезвонить, чтобы спросить, прилепил ли я на почтовый ящик наклейку «Просьба не бросать рекламу», и не повесит трубку, пока я не пообещаю это сделать.

Я отхожу в угол цеха, жестом показывая коллеге, что должен ответить. Когда я работал на производственной линии, то не мог прерываться. Теперь я бригадир, свободы побольше, хотя я ею не злоупотребляю. Несмотря на шум станков, с первых же слов племянницы я понимаю, что что-то случилось.

– Где она?

– Все еще в отделении, они завтра посмотрят и решат. Должны выписать. Дежурный врач посоветовал специалиста, который будет ее наблюдать.

– Наблюдать за чем?

– За ее душевным состоянием.

– Что с ней?

– Не знаю, дядя. Понятия не имею.

Злясь на сестру и волнуясь, Адели рассказывает, что случилось.

– Я ее позвала на нашу студенческую вечеринку по случаю начала учебного года, и она там начала пить. Прямо напиться. Ты же знаешь, она так обычно не делает. Я еле успела ее вытащить, такие же бухие парни на нее прямо лезли. И тут у нее случился какой-то срыв, она начала плакать навзрыд. А потом ей стало нехорошо, и мы вызвали скорую.

Мне сложно представить, чтобы Капуцина могла устроить что-то подобное. Она всегда была рассудительной, серьезной, благоразумной. Даже чересчур.

– Из-за чего такое могло произойти?

– ...

– Адели?

– Незадолго перед этим я ей сказала, что бросаю медицину. А еще она забыла в поезде свой чемодан. Когда она вернулась на вокзал, там полицейские уже все оцепили из-за подозрительного багажа и отчитали ее по полной программе. Переизбыток эмоций за день.

– Ты блестяще окончила первый курс и бросаешь медицину?

– ...

– Адели? Ты уверена?

– Уверена!

– Понимаю, почему она могла быть не в себе.

– Это моя жизнь!

– Ты прекрасно знаешь, что ее это тоже касается! Я могу ее навестить?

– Давай подождем, пока она вернется домой. Я дам тебе знать.

У одной срыв, другая ни в грош не ставит свой успех. Я вешаю трубку с тяжелым сердцем. Капуцина и Адели – самое дорогое, что у меня есть. Я часто думаю, будет ли у них когда-нибудь тихая жизнь. Непохоже.

Сколько мне, молчаливому свидетелю их переживаний, доводилось видеть взлетов и падений... Сколько кризисов за все эти годы. Больших и маленьких, на час и на годы. Взять подростковый период Адели, она тогда всем дала жару. Капуцина держалась молодцом, все взвалила на себя. А сегодня гнется, как молодой весенний саженец под зимним ветром. Снежные хлопья слишком рано легли на неокрепшие ветви.

Я чувствую себя беспомощным. Младшая все решила, не поинтересовавшись моим мнением, у старшей нервный срыв, а я ни о чем не подозревал. И конечно, будет выкарабкиваться сама, всегда так делала. Сгусток смелости и решимости до остервенения; слепа и глуха к предостережениям – лишь бы не ударить в грязь лицом, лишь бы не опозориться. «Может, тебе стоит... Ты не думаешь, что... Ты не пробовала... Будь осторожней...» Все без толку. Упрямится себе во вред.

Все-таки схожу ее проведать, поговорю, приведу в порядок машину Жан-Батиста, к которой она по-прежнему не хочет прикасаться, подготовлю кусты к зиме, займусь садом. В цветах она прекрасно

разбирается сама, ухаживает, заботится о них, мне же доверяет небольшой огород, который я разбил для них лет десять назад. Говорит, я единственный, у кого получается вырастить овощи, действительно похожие на овощи. Не буду спорить, есть у меня к этому некоторый талант, от деда. Тот целыми днями возился в земле. Он меня всему и научил. К тому же так я могу побыть с ней, пусть и молча. Когда мы вместе работаем в саду, то общаемся через цветы. Смотрим на подсолнухи вдоль забора и думаем, как мудро они тянутся к свету. Наблюдаем, как из года в год по воле ветра самосевом разносится огуречник, не спрашивая нашего разрешения. Как прорастают молодые побеги тысячелистника, и терпеливо ждем, когда на них появятся целебные цветы.

Такая у меня роль. Быть рядом, когда я нужен племянницам, и не вмешиваться все остальное время. Так бы хотел брат.

Большого я сделать не мог.

Хотя мне бы очень хотелось.

Глава 4

Пробудиться от хаоса

Разбуженная резкой болью на тыльной стороне ладони, она открывает глаза. Постепенно выходя из оцепенения, начинает различать детали окружающей обстановки. Металлическая кровать, белая дверь и стены, телевизор на стене, стол и стул. Из коридора доносятся приглушенные звуки – там кипит жизнь, подчеркивая царящую в комнате тишину. Больница. Где в каждой палате своя история и единственное связующее звено между ними – медсестры. История Капуцины бесславна. И довольно безрадостна. Как у всех остальных. В отделение скорой помощи не попадают от избытка счастья. Правда, она никогда не поддавалась искушению побыть жертвой – отдохнуть, перевести дух, просто плыть по течению, а ведь это так заманчиво. Капуцина – боец, стойкий оловянный солдатик, который никогда не жалуется. Да и кому? Вырвать бы засунутую под кожу пластиковую трубку, что так мучает ее, встать и уйти. Но нет, она лежит, заторможенная, под капельницей.

Все четче проступают и воспоминания. Как бы ей хотелось забыть...

Забыть новость, которую сообщила младшая сестра. От сердца, как от старого гобелена, будто оторвали целый кусок, обнаживший серую стену.

Забыть этого мерзкого типа на вокзале. Он прилюдно ее обляял, выставив безмозглой тупицей, которая всех достала своим слабоумием. А она не такая. И никогда такой не была. Капуцина порядочный и надежный человек, она ничего не пускает на самотек и всегда держит себя в руках. Она не сумела за себя постоять. Ей не дали оправдаться. А оправдание было.

Забыть это нелепое желание утопить свои мысли в алкоголе, пытаясь сбежать от реальности и рискуя выставить себя на посмешище второй раз за день.

Забыть непристойные жесты таких же пьяных, как она, парней. Чью-то руку в ее трусиках, палец, ищущий влажный вход. Чужие руки на груди, на шее. Рты, пробующие ее на вкус. Идиотский смех, которым

они смеялись, и она вместе с ними, как будто в ее тело вселилась другая девушка: оттеснила Капуцину в дальний темный угол и велела заткнуться, пока она, веселая, раскованная, раскрепощенная, забавляется.

Забыть злость сестры, обнаружившей ее в таком состоянии в углу комнаты, крики Адели, прорывающиеся сквозь оглушительную музыку.

Забыть, как она пришла в себя, рыдая, в карете скорой помощи, забыть, с какой жалостью смотрел на нее один из санитаров.

Забыть эту странную жизнь, от которой она вдруг так резко очнулась и которая ведет в никуда. В ней нет ничего конструктивного, ничего конкретного.

Пустота. Одна лишь пустота. Которую она попыталась заполнить алкоголем в тот безумный, отчаянный вечер.

Пустота, которую сейчас заполняет капельница с транквилизатором. Прозрачный пластиковый пакет пустеет и сжимается; когда в палату входит врач, ей тоже хочется съежиться и исчезнуть.

Врач терпелив и добродушен. Дежурному психиатру необходимы терпение и добродушие.

Он спрашивает, как Капуцина себя чувствует, кладет руку ей на запястье, делая вид, что щупает пульс. От его теплой руки Капуцине становится легче, ей ужасно холодно в этой стерильной кровати, в безликом больничном халате и тяжелых доспехах страданий и горя.

– Мы вас выписываем. Я договорился с доктором Дидро, чтобы он побыстрее вас принял, через две недели. Я его лично знаю, он хороший врач. За вами приедет сестра, она привезет вам одежду. Ваша не слишком чистая. Скажу медсестре, чтобы вам сняли катетер. Я вам назначил лечение, по крайней мере до консультации, а дальше решите с моим коллегой. У вас есть вопросы?

– У меня что-то серьезное?

– Ну, все могло быть гораздо хуже, не вмешайся ваша сестра. Но вы быстро восстановились. Что же касается сути – я не знаю. Обсудите с доктором Дидро. Мой коллега подскажет вам, что делать. Удачи. Я в вас верю.

Он направляется к двери, берется за ручку, медлит, затем возвращается к Капуцине.

– Думаю, просто прорвало плотину, заслонки не выдержали напора. Вам придется заново укреплять берега, чтобы в будущем ваша жизнь протекала спокойнее. Все в ваших руках.

Глава 5

Рашель не отвечает

Одиннадцатью годами ранее.

Я дремлю на заднем сиденье, убаюканный движением машины. Сегодня я немного выпил. За рулем Рашель. Она болтает с Катрин, которая приехала погостить на пару дней. Мы приятно провели вечер. Я только что написал Капуцине, что мы скоро приедем. Адели, наверное, давно уже спит.

Я слышу крик Рашель за мгновение до того, как меня ослепляют две огромные фары, возникшие из ниоткуда. Потом удар – чудовищной силы.

Меня приводит в чувство автомобильный гудок. Я потерял сознание. Мне вроде бы не больно, а может быть, наоборот, так больно, что мозг включил анестезию. Я не могу двигаться. Где-то спереди стонет Катрин. Я пытаюсь позвать Рашель. Из рта вырывается еле слышный хрип. Я прилагаю нечеловеческие усилия, чтобы голос звучал громче.

Рашель не отвечает.

Подушки безопасности окрасились в красный. Машина искорежена. Оглушительно гудит клаксон. Во рту металлический привкус. Стекла, хоть и разбились вдребезги, все еще не рассыпались. Я различаю уличные фонари и вдруг вижу тень. Лицо, прильнувшее к стеклу. Я хочу попросить, чтобы меня вытащили отсюда, спасли Рашель, но сил нет. Через обломок стекла я вижу его глаза, они пару секунд пристально смотрят на меня. Холодные, бесстрастные. Затем тень исчезает. Он не пытался открыть дверцу. Наверняка пошел за подмогой.

Раиель не отвечает.

Глава 6

Плотская пустыня

Это частный дом в тихом районе Страсбурга. Вокруг небольшой сад, достаточно зеленый, чтобы в доме было прохладно в летний зной. Отдельные листочки начинают желтеть, а на лужайке появились первые безвременники. Как в прошлом году. Я так давно хожу в этот медицинский кабинет, что научился распознавать первые приметы скорой смены времен года. Кабинет расположен на первом этаже, на втором живет хозяйка. Как-то после приема я помог ей завести газонокосилку, которая вечно барахлила. Через неделю она в знак благодарности подарила моей собаке мячик.

Блум часто приходит со мной. Я знаю, что Диане нравится, когда я привожу его. Пока мы ждем в холле, он, положив голову между лапами, внимательно наблюдает из-под стула за другими пациентами, провожая их взглядом.

Собака беспокойная, но толковая. Может, поэтому мы сразу поладили. Дрессировщики из центра подготовки полицейских собак в Грама говорили, что никогда не видели такого симбиоза. У него были свои тараканы, у меня – свои, но они отлично поладили. Диана всегда сначала спрашивает, как дела у собаки, потом – как у меня. Она знает, что, говоря о нем, я невольно рассказываю о себе.

– На нашей последней встрече вы сказали, что Блум в следующем году уходит на покой. У вас будет новый напарник?

– Не представляю, как работать с другой собакой. Да и стоит ли вообще продолжать.

– Что же, на этом и конец вашему призванию?

– Думаете, это было мое призвание?

– Это вы мне скажите...

Что мне в ней нравится – она всегда копает в нужном месте в нужное время. Задает правильный вопрос. Тот, который не хочешь слышать, потому что убегаешь от ответа. Который бьет в больное место. Туда она будет давить с особым упорством. Как Обеликс на печень Абракурсикса в «Арвенском щите»^[1]. Надавить на боль,

чтобы она ушла. Диана прекрасно делает свою работу. За три года терапии мы прошли длинный путь. Она предлагала закончить курс, но я не готов. Мне до сих пор снятся кошмары. Она научила меня принимать их. Но пока мне и подумать страшно, чтобы отпустить ее спасательный круг. По крайней мере пока я изображаю крепкого парня в форме, которую, возможно, мне не стоило надевать.

Я знаю, что она не слезет с этой темы, пока я не отвечу, поэтому собираюсь с мыслями. Помню, как в день своего шестнадцатилетия объявил о своем решении матери. Школу я все-таки окончил – на всякий случай, хотя уже решил, чем хочу заниматься. Диану, естественно, интересует не дата моего решения, а его причины.

– Потому что хотел быть как отец, чтобы он мной гордился? Или потому, что не выносил несправедливости, а с детства у меня запечатлелся его образ как человека жесткого, но справедливого? Или потому, что форма и короткая стрижка придают уверенности? Потому что так было проще кадрить девчонок?

– А вы как считаете?

– Сложное сплетение бессознательных мотивов?

– О чем вы думали, ставя свою подпись?

– Что мной будут восхищаться, как я восхищался отцом. Что я должен жертвовать собой ради других, как пожертвовал он.

– Жалеете?

– Нет.

– Тогда почему не готовы служить дальше?

– Мои страхи меня измотали. И от людской злобы я устал. Иногда мне хочется быть собакой.

– Может, в следующей жизни, кто знает, – если будете очень сосредоточенно об этом думать в великом туннеле реинкарнации! Но пока вы еще молодой человек...

– Который уперся лбом в стену.

Она говорит, что через любую стену можно перелезть, если знать, за что схватиться и куда поставить ноги. Добавляет, что за шероховатости цепляться легче.

Ее слова находят во мне отклик. Мне хочется рассказать ей о забытом чемодане.

– У меня вчера была странная встреча...

– Да?

- Скорее всего, без продолжения...
- Вот как!
- Она была прекрасна и трагична одновременно...
- Встреча или человек?
- И то и другое. Пытаюсь ее забыть – и не могу.
- Так не забывайте.

Мы целых полчаса говорим о девушке с платформы номер три. О том, что я как будто ее знаю, о сильном желании ее спасти и смятении от того, что я дал ей уйти, об ощущении силы, которая от нее исходила, и о ее злости на несправедливость как об отзвуке моего собственного гнева. О тревожной реакции Блума.

– На многие вопросы у собак есть ответы, которые мы, люди, не хотим принять. Доверьтесь ему.

Она хорошо меня изучила за эти годы. Кто-то скажет, что мы уже исчерпали все возможности терапии, но я по-прежнему цепляюсь за ее фразочки, которые заставляют покопаться в себе, за простые и дельные советы.

Блум тоже здесь обвыкся. Он сидит у ее кресла, прикрыв глаза, голова возле ее руки, и позволяет этой элегантной, бойкой и веселой женщине себя гладить. Я смотрю на него и думаю, что и мне бы не помешала такая ласка. Не здесь, конечно, не от нее. Просто немного нежности, заботы и внимания. Моя жизнь – сплошная плотская пустыня. По моей вине: когда терять людей невыносимо, проще не привязываться. Но я так изголодался.

– Может, вы еще ее увидите? Страсбург – маленький город.

– Я даже не знаю, живет она здесь или нет. Может, просто пересаживалась с одного поезда на другой, была проездом. Она может жить где угодно во Франции и даже за границей.

– И даже на Луне, если совсем не повезет... Не беспокойтесь, жизнь знает, что делает. Однажды она уже спасла вас, не так ли?

Глава 7

Скала слез

Дверной звонок гулко звенит в пустом доме, дверь заперта.

У меня есть ключи, но я ими никогда не пользуюсь. Я здесь не живу. Да и чувствую себя не в своей тарелке посреди этой роскоши. Меня, простого работягу, огромная вилла пугает, как чудовище, которое того и гляди проглотит мою душу, мою скромную жизнь, так что предпочитаю держаться подальше. Когда девочки дома, вилла теряет свое могущество, спесь и важность, превращаясь в обычные четыре стены с крышей и наклейкой «Просьба не бросать рекламу» на почтовом ящике.

Машина на месте. Капуцина уже несколько дней как вернулась из больницы, но я дал ей время прийти в себя. Она не любит показывать свою слабость, даже мне. Ей нужно бегать. Вот уже одиннадцать лет для нее это как воздух. Ее терапия. Бежать до потери пульса, чтобы не потерять почву под ногами. Ярость предельных физических усилий вернула ей крылья. Те, что опалила авария.

В детстве она была пухленькая и высохла за несколько месяцев. Я волновался за нее. За них обеих. И винил себя. Бывало, даже орал на себя. После аварии я был единственным, кто мог взять их на воспитание. Но я подкачал: холостяк, нестабильная работа и проблемы с алкоголем. С точки зрения общества и закона все лампочки мигают красным. Я даже не пытался. Но я за ними присматривал. Издалека, но присматривал. Они даже не догадываются, сколько раз вечерами я садился на велосипед и приезжал сюда из соседней деревни – все легкие выкашляешь, пока заберешься на этот чертов холм, – наворачивал пару кругов вокруг дома, осматривал окрестности, проверял, не шастает ли кто. Сколько раз во время перемены я незаметно ходил по тротуару возле школы, смотрел, не обижают ли Адели во дворе.

Я присел на скамью на террасе. В тени глицинии, которая начинает ронять листья. Виноград, вьющийся по стене сарая, скоро созреет.

Старый сорт. Я подарил им эту лозу, когда родилась Адели. Они росли вместе.

Снизу, из суматошного центра города, доносится приглушенный шум.

Над Оберне возвышается гора Насьональ, с нее открывается великолепный вид на Эльзасскую равнину и предгорья Вогезов. Девочки родились вон в том роддоме внизу и провели здесь все детство, ходили в школу, потом в лицей. Помню, как Капуцина стыдилась, что она из «богатенького района» наверху. Одни ученики дразнили ее, другие завидовали. Учителя ждали хороших результатов – ведь дети богатых родителей обязательно должны хорошо учиться. Я с тоской наблюдал, как разverzается пропасть между ее нетерпимым отношением к моему положению, которое она считала несправедливым, и восторгом перед отцом, его успехом. Капуцине было необходимо, чтобы он тоже ею гордился. Крайне необходимо.

Отсюда видна крыша моего дома. А ведь у меня могла быть такая же красивая вилла, как у брата. Но, сломленная школьной системой, моя голова так и не вписалась ни в какие рамки. Я понял это слишком поздно.

И что бы я делал с таким большим домом, ведь я не создан для семейной жизни?

Теперь Капуцина живет в этом большом доме одна. Адели переехала в квартирку в Страсбурге, где ночевал их отец, когда допоздна задерживался в операционной. Захотела жить отдельно от сестры-перфекционистки, порой слишком требовательной.

Вон она, Капуцина, в самом низу, на тропинке. Бежит быстро. Впереди еще лестница. Тоненькая фигурка летит над землей, крутой подъем ей нипочем.

Через несколько минут она будет здесь, может, удивится, увидев меня, а может, и нет. Я не буду знать, что сказать. Она спросит, как у меня дела, хотя это она попала в передрагу. Сперва о других, потом о себе, как ее отец. Он был блестящий хирург, талантливый и с участием относился к родителям тех малышей, чью жизнь держал в своих руках. Перед смертью он наверняка думал о дочерях, думал, что

больше никогда их не увидит, его сердце сжималось от страха за их будущее. Как бы я хотел его успокоить.

– А, ты здесь? Очень мило, что зашел. Как дела?

Сперва о других...

– Долго бегала? – спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ.

– Чуть больше двух часов, – отвечает, слегка запыхавшаяся.

– После пробежки тебе лучше?

– Вроде да. Пойду переоденусь. Налей себе сока, в холодильнике стоит.

Капуцина всегда была ко мне внимательна, особенно когда я выбирался из ада алкогольной зависимости. Она прошла этот путь со мной, понимая, что стоит на кону, насколько велики риски и опасность малейшей капли. Она была рядом, крепко держала, когда меня трясло от ломки, отвечала на звонки в любое время дня и ночи и была моим спасательным кругом, не давая сорваться. Она пронесла меня через эту битву, хотя сама балансировала на тонком канате, натянутом над пропастью.

Мы ставим стаканы на круглый металлический столик антрацитового цвета и садимся рядышком в беседке.

– Ты в таком состоянии из-за Адели?

– Она тебе сказала?

– Когда говорила, что тебя увезли на скорой.

– И что ты думаешь?

– Ничего.

– Ничего?

– Это ее жизнь, она совершеннолетняя. С недавних пор, но все-таки. И что ты собираешься делать? Заставить ее учиться?

– Вразумить, убедить, что это бред...

Она разговаривает удивительно спокойным тоном, сосредоточенно наблюдая за пчелой, которая ползает по ее ладони. Пчел в саду по-прежнему много. Надо сказать, и цветов полно, цветут по очереди с весны до осени. У племянницы всегда все цветет. Может, дело в ее имени: Капуцина – «настурция». На клумбе вдоль террасы уже распустились хризантемы, на альпийской горке внизу – вереск. Вокруг виллы она посадила разные сорта роз и бережно за ними ухаживает. На краю лужайки, по соседству с фиолетовыми и желтыми примулами, появились первые крокусы. У нее, пожалуй, самый цветущий сад

в округе, и последние пчелы находят здесь пристанище. Та, что гуляла по ее руке, только что улетела.

– Попробую с ней поговорить. А тебе бы о себе подумать.

– Думаешь, ей моя забота больше не нужна?

– Думаю, она справится сама. Вполне самостоятельная девочка.

Теперь пора позаботиться о себе.

– И об Оскаре. Что-то я последнее время совсем его забросила.

– И об Оскаре, если хочешь. Понимаю: когда ты заботаешься о нем, то заботаешься о себе.

Пока мы пили апельсиновый сок, солнце ушло за горы. Капуцина смотрела вдаль, но я знал, что, устремив взгляд на горизонт, она заглядывает в свою внутреннюю пропасть. Затем она встала, быстро смахнув со щеки слезинку.

– Извини, я в душ. Захлопнешь за собой дверь?

Скала, которая скрывает, что через трещины сочится вода.

Я ушел.

Глава 8

Соленый душ

Ей нравится запах бега на липкой, соленой коже. Резковатый, терпкий, он говорит о силе ее тела. О бесповоротной решимости. Не меньше ей нравятся и сладкий аромат мыла и ощущение чистоты и новизны, которые следуют потом. Крошечное возрождение после битвы.

Она встает на цыпочки и выглядывает в форточку: дядя уходит, не оглядываясь. Со временем он понял, что, в отличие от сестры, Капуцина не из тех, кто машет из окошка. Чем бесконечно прощаться, лучше покончить разом – разлука и без того дело нелегкое. И все же она провожает взглядом дядю до конца улицы. Сурово, конечно, она его выставила. Но он не против, знает, что ей лучше побыть одной, когда нет настроения.

Она подставляет обнаженное тело под обжигающий душ и смотрит, как запотеваает стеклянная перегородка. Брызги пены стекают по ней дорожками, словно бегут наперегонки. Даже у мыльных пузырей есть социальная жизнь. «А ты – ты все бежишь в одиночестве».

Она стоит и стоит под душем. Ну и черт с ней, с экологией. Адели знать необязательно. И все же Капуцина чувствует себя виноватой, несмотря на удовольствие. Она переводит кран на режим тропического дождя. Еще один способ блаженствовать под струями воды, более нежный.

Она задумывается: а много ли места в ее жизни занимает нежность?

Сладость жизни? Не до того. Собранность, сосредоточенность, усердие – вот что от нее требовалось.

Любовная нежность? И для нее не было места.

Сестринская нежность? Адели не обнимала ее с подросткового возраста.

Сладость бега? Преодоление себя, суровое, грубое, резкое.

Нежность Оскара – единственная, которую она регулярно впускает в свою жизнь.

Она думает о приеме психиатра на следующей неделе – с этим условием ее выписали из больницы. Как ей не хочется туда идти. Что рассказывать? Раньше она как-то справлялась. Психиатр не может ничего изменить. И уж точно не вернет родителей.

Лучше она еще побегает.

Еще, еще и еще.

Бежать, а не довериться кому-то.

Глава 9

Если бы только

Я бываю слишком добр. Эдуард, мой лучший друг, твердит мне это со школьных времен. Кому и знать, как не ему. Две недели назад позвонил коллега и попросил срочно принять молодую девушку, у которой случился нервный срыв. Он назвал фамилию, и мои опасения подтвердились: я не смог отказать, назначил ей время перед первой утренней консультацией. Пришлось встать на рассвете. Я больше не принимаю по вечерам: Диана не любит поздно ужинать. С тех пор как она перешла на интервальное голодание, мы ужинаем, когда многие еще не полдничали. Но я привык, похоже, это полезно для здоровья, хотя мой график немного уплотнился. Я предлагал садиться за стол без меня. Но она этого терпеть не может. Наши ужины для нее священны. После целого дня консультаций ей нужно общение.

Диана встала вместе со мной по будильнику и отправилась в парк Оранжери смотреть на последних аистов, еще не улетевших в теплые края. Ей нравится наблюдать величественное действо природы, которой нет дела до нас, крошечных людишек. Мы копошимся под их гнездами, весь год суетимся и переодеваемся, следуя ежевечернему телепрогнозу девушки-синоптика на высоченных каблуках, а эти большие птицы без лишних раздумий улетают за тысячи километров, оставляя позади все. Все – это, по сути, ничего, кроме гнезда, к которому они каждое лето добавляют пару веточек. Диана говорит, наблюдение за аистами учит смирению.

Я провел пациентку в кабинет и на минуту вышел в соседнюю комнату. За окном день почти совсем вытеснил ночь. Осень – сложное время для большинства наших клиентов. Моральный дух падает с уменьшением светового дня. На первой консультации я всегда ненадолго оставляю пациента одного в моем кабинете, чтобы он мог спокойно осмотреться, освоиться в незнакомой обстановке. Не глядеть по сторонам во время консультации, а сосредоточиться на погружении в себя. Поэтому у меня сдержанный и спокойный интерьер, не то что у моей жены и коллеги, чей кабинет пестрит разноцветными вещами.

Она считает, что для каждого должна найтись безделушка по вкусу, чтобы почувствовать себя как дома.

Когда я вхожу, девушка сидит в старом кожаном кресле, положив руки на потертые подлокотники. Кушетка для первой встречи не подходит. А иногда не подходит вовсе. Для некоторых пациентов без моего взгляда, за который можно зацепиться, самоанализ оказывается слишком головокружительным занятием.

Она выглядит спокойной. Собранной. Всё под контролем. Но веки выдают, что она недавно плакала. Похоже, эта девушка из категории «не подавать вида». Вижу по глазам, она поняла, что назад пути нет. А глаза у нее – растерянного дикого зверя. Я сажусь в кресло напротив с блокнотом и ручкой и пытаюсь понять, какое животное она мне напоминает.

– Вы первый раз на консультации?

– Да.

– Вы чувствуете в этом потребность?

– Не то чтобы у меня был выбор.

– Вы пришли против воли?

– Нет.

Короткие, резкие ответы. Я ступаю по тонкому льду. Знаю, что должен подобрать правильные слова, чтобы не настроить ее против себя, помочь ей принять свои слабости, несмотря на силу характера, которая чувствуется сразу. Она не из тех, кто станет себя жалеть. Если я хочу, чтобы она пришла еще раз, мне нужно ее приручить. Наглядно доказать, что разговор лечит.

– Капуцина Клодель, верно?

– Да.

– Вы дочь Жан-Батиста Клоделя?

– Да.

– Мы с женой хорошо знали Рашель.

– Правда? Это помешает терапии?

– Нет, только если вас это беспокоит. Не могли бы вы рассказать, почему вы здесь?

Она явно не знает, с чего начать. Предлагаю восстановить ход событий в обратном порядке, начиная с госпитализации.

Сначала в общем, детали потом. Она говорит нерешительно, спотыкается, начинает заново. Словно она загнана в ловушку, в клетку, откуда не сбежишь, и я ее тыкаю длинной палкой. А я действую крайне осторожно, демонстрируя, что не желаю ей зла, что мы никуда не торопимся и, если она расскажет хоть немного, ей полегчает. В конце концов, она неохотно признается, что последние одиннадцать лет живет как под свинцовым колпаком.

Невозможно представить, что скрывается за несколькими строками газетной хроники. Чернила на бумаге, холодные факты, трагическая авария, а на следующей странице – золотая свадьба Эмиля и Жаклин и фотография самой большой форели, пойманной в этом году в деревенском пруду.

Пара фраз – и поломанные жизни, без золотых свадеб и форели-рекордсменки.

Капуцина рассказывает. О наспех принятых решениях, заброшенных мечтах, крушении планов на будущее, об одиночестве, редких радостях, отошедших на второй план, почти забытых, за что себя укоряет.

Мы проговорили целый час. Ее сопротивление спадает. Она умна. Даже очень. И растеряна. Ей страшно приподнять крышку и взглянуть на то, что она отказывалась видеть в себе все эти годы. И все же ей пришлось признать: пережитое десять лет назад было похоже на взрыв, из которого ей не удалось выбраться целой и невредимой, и она так сильно стискивала зубы, что, похоже, сломала челюсть.

Если бы только она пришла раньше.

Чуть позже вернется Диана. Она расскажет мне об аистах. Я ей – о Капуцине.

– Образец самопожертвования, какой нечасто встретишь. Она трогательная и очень решительная. Непросто будет заставить ее ослабить хватку. Работа обещает быть интересной. Это дочь Жан-Батиста и Рашель.

– Ого. Когда это было?

– Одиннадцать лет назад.

– И она столько времени продержалась!

– Жертвенность бывает на редкость упряма. Вцепится и не отпускает. Человек видит свою единственную цель в том, чтобы

жертвовать собой ради кого-то.

– И все рушится, когда в этом больше нет смысла или когда он отдал всего себя, и осталась только пустота...

– Именно.

– А в данном случае?

– И то и другое...

Львица.

Глава 10

Несмелое желание

В этот раз я без собаки, приехал на поезде и пересел на велосипед, чтобы после терапии проехаться по другой части города. Мне нравится такая схема. Все кажется близко, когда крутишь педали. И какое наслаждение эти первые осенние деньки, пахнущие летом, отдаляющие зиму. Солнечные лучи приятно греют кожу, но в воздухе, где-то в глубине, уже чувствуется свежесть. В глубине воздуха – забавно, как будто у него есть дно и поверхность, как у воды. Впрочем, может, и так.

Глупо, но мне кажется, что сеансы терапии без Блума какие-то более задушевные. Как будто мне проще говорить на личные темы, когда он не слушает, хотя не то чтобы я занимался самоцензурой в его присутствии. Сегодняшняя консультация очень кстати. Ночью меня опять мучили жуткие кошмары. Боюсь, я никогда от них не избавлюсь. Буду вечно нести на себе отпечаток травмы, которую помню весьма смутно. Это диссоциация, как сказала Диана в начале терапии. Ты чуть не умер, а мозг забывает об этом, пытаюсь себя защитить. И картина происшествия складывается из чужих рассказов. Прошлое хранится в недоступном сейфе, но страх смерти остается и настигает тебя в других, иногда совсем безобидных ситуациях. Между тем Диана оптимистично настроена и считает, что мы многого добились. Она специализируется на посттравматических стрессовых расстройствах и привыкла к таким пациентам, как я. А я вернулся к нормальной жизни. Уже почти год, как у меня не было флешбэков, панических атак, случаев избегающего поведения. Я довольно быстро вышел на работу, хотя и в другой области, в Африку я больше не поеду. Я мечтаю, чтобы симптомы исчезли полностью, а Диана считает, что у меня огромный прогресс. Пусть так. Я ей доверяю. Она ждет, что однажды я все же сумею рассказать о том, что со мной случилось. У меня не выходит. Мозг не может найти ключ от сейфа.

Пригнувшись, я с раздражением пытаюсь припарковать велосипед у идиотской стойки, как вдруг вижу на другой стороне улицы девушку; она выходит из дома, куда я направляюсь. Девушка с платформы.

На ней тот же плащ, в руках та же сумочка. Утомительное, но иногда полезное свойство – я хорошо запоминаю детали. Я узнал девушку еще до того, как увидел ее лицо. Волосы собраны в простой пучок. Узнаю походку, хотя она не тащит за собой чемодан. Она идет, немного сутулясь, как будто несет часть страданий рода человеческого. Даже малая их часть – слишком много. У меня перехватывает дыхание. От радости и удивления колотится сердце. Вероятность увидеть ее второй раз за две недели была настолько ничтожна, что я не разрешал себе об этом думать. Значит, она живет не в другом городе, не в другой стране и не на Луне. Я мог бы встать, побежать за ней, окликнуть, сказать, что мы уже виделись. Мог бы порадоваться счастливой случайности и даже увидеть в ней знак судьбы. Я ничего этого не делаю. Оцепенев, в смятении сижу на корточках, прячась за пустотой между спицами заднего колеса. Все это длится несколько секунд. Я чувствую себя фотографом, который ждет неделями, не шелохнувшись, и вдруг на него выходит снежный барс. Когда она скрывается за углом, я вспоминаю о велосипеде, замок тут же защелкивается вокруг стойки и рамы, и я кидаюсь в приемную, мне не терпится рассказать обо всем Диане. У нее дверь закрыта. Наверное, девушку ведет доктор Дидро. Мы разминулись в саду буквально на несколько секунд. Даже не знаю, сожалею я об этом или испытываю облегчение. Такая неожиданная встреча застала бы меня врасплох. Мне нужно все знать заранее, предвидеть, несколько раз проиграть сцену в голове, прежде чем прожить ее в реальности. Это очень помогало в Мали. Я был готов к любому развитию событий. А случилось то, чего мы не предвидели. Но мы выпутались. Хотя Диана считает, что непредсказуемость и неожиданность усугубили травму, сделали ее более стойкой. Что злосчастное происшествие лишь усилило потребность предвосхищать события, а не избавило от нее.

Я вскакиваю со стула, как только открывается дверь.

– Вот это прыть! – удивляется Диана.

Я рассказываю, в чем дело.

Девушка, которая вышла из кабинета минутой раньше, – та самая, которую я не могу забыть, потому что она всколыхнула во мне что-то. Желание увидеть ее снова. Смесь досады от того, что мы разминулись, и облегчения от того, что я не впал в ступор, внезапно ее встретив.

- Вы могли догнать ее.
- Между возможностью и действием – стена, которую мне не всегда удается преодолеть.
- Чего вы испугались на этот раз?
- Что ей будет неприятно, она не захочет говорить и я все испорчу.
- Сложно испортить то, чего еще нет. Думаете, у вас получится?
- Легко.
- Каким образом?
- Получу от ворот поворот и сдамся окончательно.
- Тогда эта фраза Сенеки для вас: «Дерево вырастает сильным и крепким лишь там, где его постоянно сотрясают порывы ветра; терзаемое бурей, оно становится тверже и прочнее вонзает корни в землю»^[2].
- Я себя чувствую кустиком, посаженным на песке. Мне опять снились кошмары.

От этого бесконечного падения я всегда просыпаюсь с криком ужаса. Блум, который спит в гостиной, прибегает и прыгает на кровать, зарываясь мордой под мою влажную руку. Потом я больше часа не могу уснуть, преследуемый теми немногими воспоминаниями об операции в пустыне, что у меня сохранились. Животный страх, боль, неподвижное тело товарища. Стоит закрыть глаза, как всплывают обрывки воспоминаний, и приходится снова открыть глаза, чтобы увидеть светильник на потолке и убедиться, что я в безопасности, лежу в своей кровати.

- Мне кажется, эти мысли будут преследовать меня всю жизнь.
- Мы работаем над этим. Потребуется время. Посмотрите, какой путь мы прошли.

Едва закончив фразу, Диана встает, открывает окно, расстегивает верхнюю пуговицу блузки, возвращается к столу, достает из ящика веер, резким жестом раскрывает его и лихорадочно обмахивает лицо.

Моя мать только что прошла через это, было непросто. Я годами наблюдал, как она открывает окна в доме, в машине, закрывает их, жалуется на жару, холод и бессонницу, пытается справиться с перепадами настроения, плачет из-за того, что не влезает в старую,

и так уже просторную одежду. Иногда плачет без повода – молча, потому что «никто не поймет и нельзя об этом говорить».

На висках у Дианы блестят капельки пота. Она жестом предлагает мне продолжать.

– Полагаю, вы не скажете, как зовут девушку, о которой я вам рассказываю?

– Ту, в которую вы не влюблены?

– Именно!

– Конечно, нет.

– Это было бы слишком просто.

– Еще проще было бы догнать ее на улице.

Глава 11

Немного помочь случаю

В десять часов у нас перерыв на кофе, Диана ждет меня за столом в крошечной кухне. Это коридор между нашими кабинетами, длинный и узкий, не шире двустворчатого окна. Мы поставили туда стол и два стула, холодильник, духовку, кофеварку и чайник. Несложно было и установить раковину. Двадцать лет назад мы поразились, насколько идеальна планировка первого этажа для нашей совместной практики. У каждого свой кабинет, холл, туалет и эта маленькая кухня, где мы можем выпить кофе и поговорить. Хозяйка, очаровательная дама, теперь уже в возрасте, регулярно дарит нам букеты цветов из своего сада, чтобы немного оживить обстановку. Я иногда выхожу прогуляться с пациентами, когда чувствую, что кислород на исходе. Прогулка среди деревьев развязывает язык. Мы наматываем по саду столько кругов, сколько нужно для того, чтобы найти правильные слова.

Когда Диана вот так теребит заколку, я знаю, что ей не терпится мне что-то сказать. Мы знаем друг друга до мелочей. Она задает направление – я ее притормаживаю. Она своенравна – я предсказуем, она легка – я основателен, она движима интуицией, я – логикой, она светлая – я мрачный. Мы идеально уравниваем друг друга, как чаши весов. Мы могли бы составить целый словарь едва уловимых сигналов, незаметных чужому глазу, но понятных для нас. Манера поправлять волосы, поднимать бровь, легкое подрагивание нижней губы, поза, сдержанный смешок, заколка.

Я даже не успеваю открыть рот.

– Когда придет девушка, которая была у тебя утром?

– Не помню. Зачем тебе?

Я сосредоточенно мою руки, поэтому соображаю не сразу. Она так долго молчит, что я оборачиваюсь. Искорки в глазах и легкая ухмылка.

– О нет!

– Почему нет?

– Потому что нельзя вот так помыкать судьбой.

– Мы же ничего плохого не делаем.

– Слепые свидания без согласия сторон!

– Подстроим как бы случайно...

– Да, но мы-то знаем...

– Если полагаться только на пресловутый случай, далеко не уедешь. И мы бы, замечу, не были вместе.

– В последний раз у нас ничего не вышло!

– А два предыдущих раза не считаются?

На это возразить трудно. От «неожиданных» встреч в холле уже родились двое младенцев.

– Тут шансов еще больше. Мой пациент разговаривал с ней на вокзале. Эта девушка действительно его зацепила.

– Он просил у тебя ее координаты?

– Да, но я сразу прикрылась щитом профессиональной тайны. Он видел, как она от нас выходила. Разве это не знак?

– Случайность. Настоящая случайность! Она попала к моему однокурснику в отделении скорой помощи, и тот позвонил мне, просил ее принять без очереди.

– Ну вот, ты сам признаешь, что случайность может быть счастливой!

– Он уже влюблен?

– Да, то есть нет.

– Да или нет?

– Да и нет.

– Дорогая, ты меня совсем запутала.

– Тогда ответ «да», но он об этом еще не знает.

– А ты уже в курсе?

Она сделала жест тренера, запрашивающего тайм-аут, встала, открыла кран и сбрызнула лицо холодной водой, потом сорвала с холодильника картонный календарь и принялась обмахиваться. Сперва закатила глаза, затем откинула голову, подставляя шею потоку воздуха.

– Не знаю, это эрос или филия^[3], но чем-то таким от него определенно веет, когда он о ней говорит.

– Я волнуюсь.

– Шучу, Дени. Мне об этом ничего не известно. Встреча его взбудоражила, а я уже неплохо его знаю, он славный парень. И разве ты

не говорил, что она живет одна? Может, она от этого страдает? Девушка заслуживает счастья, так почему слегка не помочь судьбе?

– При условии, что мы больше не будем их обсуждать. Чтобы это не мешало нашей работе. Больше ни слова. Согласна?

– Ты же помнишь, мы и раньше неукоснительно соблюдали это правило. Нам есть кого обсудить, у нас полно не знакомых друг с другом пациентов.

Прилив жара миновал. Диана присаживается за стол, пьет кофе и довольно улыбается, как маленькая девочка, которая получила что хотела. Набирает в телефоне сообщение своему пациенту. Я знаю, она держит кулачки, чтобы он смог прийти в нужный момент.

Я так ее люблю.

Глава 12

Магия яблочных пончиков

После разговора с Капуциной не могу сосредоточиться на работе. Парни подкальвают: «Что, влюбился? Как ее зовут?» Знали бы они, что меня тревожит... Я бы предпочел влюбиться. Вежливо улыбаюсь – пусть болтают. А сам думаю, как быть. Я обещал, что постараюсь переубедить Адели, хотя понимаю, что дело безнадежное. Я слишком хорошо знаю их обеих. Их характеры, нужды, болевые точки. Всю неделю я работаю в первую смену, поэтому позвал племянницу прогуляться по виноградникам сегодня после обеда, завлекая домашней выпечкой. «Дяде-пирожку» хорошо известно, что сестры любят с детства. Адели обожает яблочные пончики. У меня погреб забит фруктами. На полках запасы на зиму – яблоки уложены попросторнее, чтобы не сгнили. Пожилая соседка отдает мне половину урожая за то, что я ей немного помогаю в саду. Этот сорт идеально подходит для пончиков. Яблоки не разваливаются при готовке, а остаются хрустящими внутри нежного теста. Я мог бы стать великим кондитером, если б сумел выдержать дисциплину профессиональной кухни. Теперь наверстываю на своей собственной. В конце концов, удовольствия получаю не меньше. Я всегда задерживаюсь у витрины шикарных кондитерских в Оберне, чтобы почерпнуть новые идеи, хотя кроме племянниц угощать мне особо некого.

Коробочка с пончиками ждет на тумбочке в прихожей, я обуваюсь и выхожу. Мы встречаемся на пригорке, у ворот деревенского кладбища. Очаровательное место. Длинная аллея, ведущая к кладбищу, придает ему торжественности. Что должно меня подготовить к разговору, обреченному на провал.

Адели приезжает на велосипеде, запыхавшаяся, взмокшая, с сияющей улыбкой. На вопрос, откуда она прикатила с таким энтузиазмом, отвечает:

– Из дома. Приехала погостить у Капуцины пару дней, потом мы с парнем уезжаем.

– Присядем куда-нибудь перекусить яблочными пончиками?

– Ты всегда знаешь, чем меня пронять! Давай сначала пройдемся, ладно?

Она часто заставляет меня шевелить ногами, а также извилинами, чтобы, как она говорит, я не потерял форму и свежесть восприятия.

Адели превратилась в молодую девушку, расцветающую с каждым днем. Высокая, голубоглазая, с короткими вьющимися, всегда растрепанными волосами. Носит широкие брюки с разноцветными свитерами. Совсем непохожа на сестру, производит впечатление веселой и беспечной. Она может показаться легкомысленной, но на самом деле очень мудрая. Ни из чего не делает трагедии, как будто для нее вся боль и тяжесть мира сосредоточились в единственном событии – аварии, унесшей жизнь родителей, когда ей было всего семь лет. С тех пор она пытается спасти все, что может. Людей, животных, растения. Все живое ей безразлично. Все, что ему угрожает, приводит ее в ужас. Она стала вегетарианкой, сторонницей осознанного потребления и активисткой. Ее глубоко возмущает несправедливость и то, куда катится мир. Она всегда была бунтаркой. Острая на язык, напористая, она знает, чего хочет и, главное, чего не хочет. И переубедить ее очень трудно. Я готов потерпеть поражение, но должен попытаться ее образумить. Я обещал.

Она объявляет, что у нее с собой карта, изданная Государственным институтом картографии, по ней проложен пеший маршрут вокруг деревни и нам предстоит пройти 4,6 километра.

– Представь, что это расстояние соответствует истории нашей планеты от ее возникновения в Солнечной системе до сегодняшнего дня, каждый метр как миллион лет.

– И что?

– Это ведь поразительно! Сейчас я тебе расскажу об основных этапах этого чуда на временной шкале.

Мы бодро шагаем. Чтобы потренировать мое сердце, уточняет она. Я думаю, как начать разговор, чтобы ее не задеть. Через 600 метров она сообщает, что появились прокариоты. Я начинаю высматривать их в кустах. Она смеется и говорит, что это клетки без ядра. В ответ я заявляю, что кое о чем имею понятие, подписан на журнал «Наука и будущее» и сидел за партой еще до того, как она сама стала клеткой.

– Так ты бросаешь медицину? Жаль. Сколько вас, студентов, сдали сессию с первого раза?

– Мог бы подождать, пока я набью рот пончиками, тогда бы и спросил!

– Почему ты хочешь уйти из университета?

– Я нужна на других фронтах.

– На каких?

– Мы с Самюэлем вступаем в группу молодежи, которая устраивает акции в защиту климата.

– Адели, ты уверена, что это хорошая идея?

– Уверена. Планета гибнет, и нужны люди, которые будут ее защищать.

– Люди тоже гибнут, и нужны врачи, чтобы их спасти.

– Я не хочу выпадать из жизни на десять лет. Я хочу прямо сейчас заниматься тем, что для меня важно. И потом, дядя, это не выбор, а стремление жить.

– Скажи хотя бы, что вы не собираетесь прибегать к насилию или нарушать закон.

– Я против насилия, ты же знаешь. Что касается закона, ничего обещать не могу. Иногда неповиновение – единственно возможная форма сопротивления.

Она останавливается, чтобы сообщить мне, что мы прошли 2,6 километра и что на Земле уже появились эукариоты. Я спрашиваю, не о клетках ли с ядром идет речь. Она улыбается, пожимает плечами и идет дальше не оборачиваясь. Я усаживаюсь на камень у дороги и протягиваю ей пончик.

– А твой парень – это серьезно?

– Дядя! Мне восемнадцать. Я уже большая девочка.

– И что, уже и спросить нельзя, что он за человек!

– Мы отлично подходим друг другу, и он так же предан делу.

Она берет пончик и вгрызается в него так, будто хочет загрызть насмерть. Я чувствую, что она нервничает и одновременно полна решимости. Ясно, что этот разговор ее раздражает. Мне бы на ее месте тоже не понравились нотации старого неудачника, что она должна делать и что не должна. Старого бездетного неудачника, у которого нет никакого права на отцовский тон, так мало ей знакомый.

– На что ты будешь жить?

– На деньги из банка. У нас их достаточно, чтобы потратить на что-то полезное. Найду подработку, если потребуется. Знаешь, мы с моим парнем сторонники минимализма и хотим жить проще.

– Ты же понимаешь, почему Капуцина расстроена?

– Расстроена, потому что я не пошла по тому пути, который она сама бросила, чтобы заботиться обо мне? Ну, теперь она свободна. Ей двадцать девять, у нее вся жизнь впереди. Я бесконечно благодарна за все, что она сделала, но не обязана воплощать ее мечты.

Сказала как отрезала, и возразить нечего, она права. Как ни печально, абсолютно права. Возможно, это Капуцине больнее всего. Младшая сестра разбила ее собственную мечту.

Адели не впряглась в семейное ярмо успешности, она никому ничего не должна: ни родителям – их больше нет, ни мне – я всего-навсего дядя, ни сестре. И я разрываюсь пополам. Я понимаю Адели с ее жаждой свободы и Капуцину с ее обидой. И всегда знал, что рано или поздно сестринское рвение и безграничная жертвенность ей аукнутся. Я думал, она достаточно нахлебалась, когда Адели была подростком – хуже всех остальных подростков, вместе взятых: хлопала дверьми, поздно приходила, водилась с сомнительными компаниями и творила всякие непотребства, то мылась без конца, то вообще отказывалась идти в душ, перепробовала всевозможные стрижки всех цветов радуги, хамила учителям, из-за чего Капуцину вызывали в школу. Учителя вспоминали, какой прилежной, смышленной и милой ученицей была старшая сестра, какие надежды подавала, и недоумевали, почему младшая так на нее непохожа. Для Капуцины это звучало как упрек: «Но ведь это вы ее воспитываете». А потом Адели как-то вдруг угомонилась, взялась за ум, прилежно училась последние годы в лицее и блестяще сдала экзамены, словно желая доказать всему миру, что может добиться чего угодно, стоит ей только захотеть. Как сейчас.

Мы молча проходим еще чуть больше километра, прежде чем вдали показывается кладбище. Бодрая прогулка вымотала меня. Мне привычней возиться в саду, чем скакать как кролик. Она останавливает меня и сообщает, что осталось 430 метров и что в это время жизнь вышла из воды на сушу. Мы преодолеваем еще 50 метров и наблюдаем

появление первых деревьев, потом динозавров, их вымирание, затем появляются первые птицы, за 140 метров до отправной точки маршрута – первые цветы, за 7 метров – первые прямоходящие. Мы идем совсем медленно, чтобы она успела рассказать мне о всех новых формах жизни, которые возникли на планете за такое короткое время.

– За 40 сантиметров, то есть 400 000 лет назад, – освоение огня. За 10 сантиметров – *Homo sapiens*. На расстоянии ногтя от сегодняшнего дня возникло сельское хозяйство.

– Впечатляет.

– А мы, люди индустриальной эпохи, меньше заусенца на моем ногте, собираемся все это взять и уничтожить за промежуток времени, который в масштабах этой прогулки невооруженным глазом не видно. Понимаешь, дядя, почему я хочу бороться и почему у меня нет времени на медицину?

– Да, я понимаю тебя. Но и Капуцину понимаю.

– Знаешь, это очень тяжело, когда кто-то пожертвовал собой ради тебя. Мне кажется, что само мое существование испортило ей жизнь. Я имею право дышать, чувствовать, делать то, что считаю важным. И мне хочется, чтобы она это осознала.

А может, я сейчас нужен старшей, раз младшая так повзрослела?

Глава 13

Ценная древесина

Адели еще не вернулась с велосипедной прогулки. Пока ее нет, Капуцина решила наведаться в мастерскую, которую забросила в последние пару недель. В подвал свет проникает из небольшого окна. Единственная небольшая лампа на верстаке создает такую же игру светотени, как на висящей над ним картине Жоржа де Латура «Новорожденный». Проигрыватель потрескивает, крутя пластинку Джоан Баэз. Так спокойно в этой приятной обстановке, вдали от мирских тревог. Эти моменты детского счастья помогают ей держаться в безжалостном взрослом мире, куда она попала слишком рано. И то, что она рождает здесь, освобождает ее ум, в сократовском понимании майевтики^[4]. Она заботится о том, что держит в руках, как о ребенке, хрупком и драгоценном. Ребенке ее отца.

Здесь она подолгу сидела с отцом, разговаривая обо всем и ни о чем, или молча слушала, как ловко он работает остро заточенными инструментами, перекрывая звуки музыки. Всегда поглощенный работой – делом всей его жизни, он подпитывался молчаливой близостью с дочкой. Это помогало ему расслабиться после долгих часов в операционной, где он держал в руках крошечные сердца. Сбросить с себя ношу хирурга-спасителя, как называли его родители.

«Прости, Оскар. Я тебя забросила в последнее время. Голова была занята другим. Знаешь, мне тяжело. Как будто опять все рушится, а у меня нет сил еще раз все выстраивать заново. Я не знаю, что делать. Адели я больше не нужна. Впрочем, кому я нужна? Дай-ка вспомнить, на чем я остановилась в прошлый раз. Последний шейный позвонок. Мне пришлось переделать зуб аксиса, он был немного великоват, и доработать верхние суставные поверхности атланта, чтобы они как следует соединялись с мышечками затылочной кости. Может, потому я тяну время – мне страшно переходить к черепу. Это самая сложная часть. Я буду делать его очень долго. Но мы ведь не торопимся, верно? Кстати, о черепе: пару дней назад я была у психиатра. Наверное, время пришло. Я рассказала ему о тебе, о том, что с тобой мне легче. Он велел поискать что-нибудь напоминающее

о родителях; не представляю, где и что искать. Осталась кое-какая одежда Рашель. Адели носит эти вещи. А на мне все болтается. Зато я часто беру швейную машинку и материю из ее запасов. Шитье меня успокаивает. Она ведь начала меня учить. От папы у меня остался только ты. Но я завтра еще пороюсь на чердаке.

Похоже, я по тебе соскучилась».

Она закрывает толстый учебник анатомии, смотрит на Оскара, за которым проступает лицо улыбающегося ей отца, и заливается слезами.

Глава 14

Маленький ключ

Вот уже несколько дней Капуцина твердит себе, что «заглянет на чердак завтра». И вот уже несколько дней в последний момент отступает: ей до колик страшно сдуть пыль с прошлого.

Сегодня вечером она ничего не ела. После нервного срыва три недели назад она мало ест. Она из тех, кто теряет аппетит, когда приходится держать удар. По крайней мере так было с момента аварии. Подростком, наоборот, набивала живот, пытаюсь заполнить внутреннюю пустоту. А пустота возникала снова и снова, как воронка в песке. Из-за какой-нибудь ерунды, пустяков, мелких девчачьих ссор, неприятного замечания учителя, страха оказаться отвергнутой, нелюбимой, никчемной. Если вдуматься, та пустота девушки-подростка, конечно же, не идет ни в какое сравнение с вакуумом, оставленным смертью родителей. Тогда она не могла есть целый месяц. Дядя каждый день приносил им еду, оставалось только разогреть. Адели проглатывала свою порцию, как оголодавший зверь, которому надо выжить, а Капуцина к своей не могла даже притронуться. Она накладывала еду в свою тарелку, только чтобы подать пример младшей сестре. Похудела на пять килограммов, и тогда же в ней окончательно поселилась пустота. Потом еще на восемь. На сердце было тяжело, а сама она становилась все легче. Однажды дядя даже накричал на нее, а потом умолял хоть немного поесть. Он видел, как она тает, исчезает на глазах, словно фотография, на которой со временем тускнеют цвета. На сестру у нее при этом находились силы, брались неизвестно откуда. Но насколько их хватило бы? После этой потрясшей ее сцены с дядей Капуцина начала есть, сперва клевала как воробышек, а потом обнаружила, что еда может доставлять удовольствие.

Вот тогда она начала бегать и больше не останавливалась.

Друзья зовут ее Форрест.

Она сидит в мягком кресле отца. Все эти годы она не притрагивалась к его столу и ничего не переставляла в комнате.

Долгое время она даже запрещала младшей сестре сюда заходить, чтобы та случайно не испортила воспоминания.

Она думает о второй встрече с психотерапевтом через неделю. Доктор Дидро для начала предложил встречаться два раза в месяц. Оптимальный промежуток, чтобы ковать железо, пока горячо, и при этом успеть переварить предыдущий сеанс. Она размышляет, что еще могла бы о себе рассказать. Капуцина не любит изливать душу.

Ее взгляд падает на брелок, который она когда-то смастерила в школе для отца. Деревянный раскрашенный кругляшок. Она, как могла в свои восемь лет, нарисовала скелет. Серьезно подошла к делу, отыскала образец в детской энциклопедии «Весь мир». Отец все свободное время проводил, уткнувшись в книги по анатомии. Она надеялась, что он оценит. Так и вышло.

Брелок выглядывает из коробки. Достав его, Капуцина обнаруживает, что к кольцу прицеплен ключ. Небольшой, толстый и круглый. Она не припомнит, чтобы у отца такой был, и понятия не имеет, от чего он. Она пробует открыть верхний ящик стола, двойную дверцу комода напротив. Не подходит. Она заинтригована. Сотни раз сидела в этом кресле после аварии и только сейчас заметила брелок.

Капуцина спускается в мастерскую. Вряд ли там есть ящики или коробки, закрывающиеся на ключ, но лучше проверить. Убедившись, что там ничего нет, она решает наконец осмотреть чердак. Отец любил там бывать. Он даже поставил старый диван напротив окна, выходящего на запад. В детстве она не решалась подниматься туда в одиночку. Боялась привидений. Сегодня она была бы счастлива встретить там одно конкретное привидение.

Капуцина садится перед окном и смотрит, как солнце закатывается за гору, подсвечивая выделяющийся силуэт горы Сент-Одиль. Она зажигает лампу на круглом столике возле дивана. Все покрыто пылью, а по углам и между балками от легкого сквозняка пляшут паутинки.

Ее взгляд блуждает по комнате и останавливается на деревянной шкатулке. Там есть замочная скважина.

Капуцина встает, берет шкатулку и возвращается с ней на диван. Положив ее на колени, она дует на серый слой пыли, затем смахивает его тыльной стороной ладони, открывая изящное маркетри. Изображение старинное. Площадь эльзасской деревни, большой

каменный фонтан и гуси, идущие за маленькой девочкой с палкой в руке. Капуцина нервничает – сейчас ей откроется тайна, связанная с отцом. Она делает глубокий вдох, медлит и наконец решается вставить ключ в скважину. Щелчок – она понимает, что ключ подошел. С колотящимся сердцем Капуцина поднимает крышку. Такое чувство, будто она нашла сокровище.

И какое! На глаза наворачиваются слезы, она едва смеет к нему прикоснуться. Оно пролежало здесь десять лет, а она и не знала, и даже не пыталась найти. Она поднималась на чердак лишь раз, пулей, чтобы показать мастеру, где находится вентиляция. Десять лет она отгораживалась от прошлого, не осмеливалась его ворошить, пыталась идти вперед и забыть, придавить смерть родителей чугунной крышкой, и пусть она покроется пылью. И вдруг прошлое нагнало ее, захватило мощным вихрем среди всей этой паутины, которая даже не шелохнулась.

Она спускается вниз со шкатулкой. Чердак не отапливается, ранней осенью там прохладно.

Но внутри у нее потихоньку разливается тепло, мучительное и утешительное одновременно.

В этой шкатулке ее отец. Такой, каким она, возможно, никогда его не знала или каким так сильно любила.

Готова ли она встретиться с милым призраком, который покоится внутри?

Глава 15

Кружево

Я согласился перенести сеанс, хоть и не люблю, когда он совпадает с моим дежурством. Если объявят тревогу, меня вызовут, придется сорваться и ехать. Диана знает, такое уже бывало. До дела, к счастью, дошло лишь однажды. Конечно, я понимаю, иногда из-за срочных случаев она вынуждена перекраивать свой график. Конец сентября выдался холодным и промозглым, поэтому можно было надеть поверх комбинезона кинолога гражданскую куртку, скрыв нашивки и знаки отличия. А штаны с берцами давно стали повседневной одеждой и вообще вошли в моду. Так что мы с Блумом сегодня инкогнито.

Холл пуст, как это часто бывает. Диана с мужем стараются так выстраивать расписание, чтобы пациенты, даже если они не стесняются ходить к психотерапевту, пореже пересекались. Диана мне объясняла, что некоторые люди могут испытывать неловкость. Она это говорила, когда я поначалу стыдился, что лечусь от посттравматического шока. Такой крепкий парень – и не может справиться с внутренними демонами, а ведь его учили действовать в самых сложных условиях на поле боя. Я чувствовал себя никчемным слабаком.

Блум поднял голову еще до того, как открылась дверь. Он услышал звук шагов на посыпанной гравием дорожке. Когда она вошла и поздоровалась, я, оправившись от первого радостного удивления, хотел сказать, как счастлив вновь ее увидеть. Но ничем себя не выдал. В отличие от Блума. Мне пришлось дважды его одернуть, чтобы он смирно сидел у моих ног, иначе он бросился бы к ней. Это редкость, обычно он слушается с полуслова. И знает, что к людям подбегать нельзя. Я научил его контролировать эмоции при любых обстоятельствах. Он тоже ее узнал, никаких сомнений.

У нее подавленный вид. Лицо осунулось, под глазами круги, макияжем не получилось замаскировать опухшие веки. Она так трогательна в своей печали.

Она молчит. В руках ни телефона, ни книги, на журналы в холле даже не взглянула. Смотрит в окно на улицу, стараясь не встречаться со мной взглядом, пряча заплаканные глаза. Чтобы ее не смущать, я

стараясь смотреть в другую сторону, на собаку, на картины и журналы. Это дается мне с трудом.

Я чувствую, как Блум трепещет от возбуждения. И решаюсь.

– Кажется, он хочет с вами поздороваться. Вы не боитесь собак?

– Нет, вовсе нет, – отвечает она, пытаясь улыбнуться.

Достаточно сказать «можно», чтобы он пулей выскочил из-под стула.

На середине комнаты он неожиданно тормозит и опускает морду, приближаясь к ней с изяществом кружевницы. Пожалуй, это мне нравится в нем больше всего. Сверхчувствительность делает его таким славным. Он ластится, подставляя голову под ее протянутую руку, потом садится у ее ног, кладет морду на соседний стул и смотрит на нее с бесконечной нежностью.

Она ласково гладит пса, и по щекам у нее катятся слезы. Ох уж этот Блум и его терапевтические свойства! Может, поэтому Диане нравится, когда он приходит. Идеальный напарник. Я не решаюсь вымолвить ни слова. В подобных ситуациях я даю своей собаке полную свободу действий. Если бы я прислушался к своему внутреннему голосу и если бы никакой этикет этого не запрещал, я бы уже сидел рядом и обнимал ее. От ее горьких слез у меня внутри все сжимается. Но, как и тогда на перроне, я ощущаю, что от нее исходит невероятная внутренняя сила. Пережитое явно потрясло ее, но не сломило, я это чувствую.

– Кажется, он добрый.

– Так и есть.

– И послушный.

– Он большой любитель поесть. С лакомством в кармане от него можно добиться чего угодно.

– Я вам не верю. Тут явно не обошлось без серьезной подготовки.

– Мы много играли.

– Как его зовут?

– Блум.

Улыбка высушила слезы, и я просто счастлив быть хозяином этого волшебного пса. Она не сводит с него глаз, но я чувствую, что она

смотрит и на меня. По-другому. Мы с Блумом единое целое. Смотреть на него – значит узнавать меня, и наоборот.

– Какая шелковистая шерсть.

– Она самоочищающаяся.

– Правда?

– Ну да. Может несколько часов носиться по грязи и все такой же чистый.

– Как удобно.

– Нужен просто хороший пылесос.

– Главное, чтобы его гладили с удовольствием...

– Госпожа Клодель, ваша очередь! – раздается голос доктора Дидро.

Я резко выпадаю из вневременья.

Доктора Дидро не в чем винить. Он делает свою работу, планета продолжает вращаться, даже если мои ноги больше не стоят на ней. Я благодарю судьбу, позволившую нам снова встретиться, и не прошу о большем.

Несколько мгновений я сижу один. Подходит Блум и радостно смотрит на меня, виляя хвостом. Не знаю, радуется он за меня или за себя. Может, она действует на него так же. Диана выходит, прощается с пациенткой, затем возвращается в кабинет, оставляя дверь открытой. Она знает, что я знаю. Можно заходить. Мой пес тоже выучил все коды и уже сидит у ее ног, требуя ласки, которой ему всегда мало. Кабинет украшают свежесрезанные цветы – поздние, они цветут до первых заморозков в саду вокруг дома. Я усаживаюсь в кресло, Диана что-то дописывает в блокноте и поднимает на меня глаза. Ее улыбка прозрачна, как родниковая вода, и не способна хранить секреты. Я тут же все понимаю.

– Вы перенесли встречу, чтобы я смог ее увидеть?

– Не надо было? Не переживайте, мы с мужем никогда не обсуждаем то, что говорится здесь и по другую сторону стены.

– Значит, я должен вас поблагодарить?

– Благодарите судьбу, я всего лишь ей помогла!

– Почему эта девушка так на меня действует, хотя я ее даже не знаю?

– Давайте выясним!

Глава 16

Отпустить педали

Я выдерживаю паузу, хотя повисшая в комнате тишина напоминает грозное небо.

В начале сеанса я всегда выжидаю, чтобы пациент заговорил первым. Иногда это работает.

Не всегда.

Не сейчас.

Капуцина смотрит в пол, как маленькая застенчивая девочка. Носки слегка повернуты внутрь. В этом видно желание защититься, замкнуться в себе: я закрываюсь, сворачиваюсь калачиком, съеживаюсь в позе эмбриона. Открыться другому человеку всегда непросто, психиатр он или нет. Врачебная этика не дает нам права влезать в душевные переживания пациента. Большим и указательным пальцами правой руки она быстро, без остановки крутит перстень с печаткой на среднем пальце левой руки. Я пробую начать разговор.

– Это перстень вашего отца?

– Да. Он редко его носил. Из-за правил гигиены в больнице.

– Он вам подходит.

– У него были тонкие пальцы.

– Пальцы детского хирурга.

– Да.

– А у вас? Чьи у вас пальцы?

Она расцепляет руки, крутит кистями, сжимает и разжимает кулаки, размышляет. Возможно, впервые в жизни она пытается прочесть по рукам будущее. Мы постоянно видим столько рук, что в конце концов перестаем их замечать. А ведь они могут многое рассказать. Сухие, шершавые, нежные, ухоженные, исцарапанные, покрытые сосудистой сеткой или с набухшими венами, проступающими под кожей, как провода под ковром. С короткими, длинными или обгрызенными ногтями, с обкусанными заусенцами – у тех, кто не выносит, когда что-то торчит и цепляется. У рук свой особый язык.

Мне бы очень хотелось, чтобы моя пациентка позволила себе подумать, что у нее пальцы феи.

– Пальцы уставшей старшей сестры? – неуверенно говорит она.

Даже феи иногда устают...

Я спрашиваю, о чем она сегодня хочет мне рассказать. Она опускает взгляд, тербит ремешок сумки, лежащей рядом на кресле. Скручивает, разглаживает, снова скручивает, наматывает на палец.

– Не знаю. Я не привыкла говорить о себе.

– Почему же?

– Потому что это не очень интересно.

– Бросьте! Вы ошибаетесь, мне, например, это необходимо, если вы хотите, чтобы я вам помог. Вы же хотите, чтобы я вам помог?

– Думаю, да.

– В прошлый раз вы рассказали о решении вашей сестры и последовавшем за этим взрыве, о чемодане, забытом на вокзале, и о вечеринке, на которой вы выставили себя на посмешище – это ваши слова – и в итоге оказались в отделении скорой помощи.

– Я немного отпустила педали.

– Немного. Машина или велосипед?

– Что?

– Машина или велосипед? Не думайте.

– Велосипед.

– Хорошо. Для чего нужны педали на велосипеде?

– Чтобы он ехал вперед.

– А что произойдет, если ноги с них соскользнут?

– Велосипед продолжит ехать?

– Верно! Первая хорошая новость! Сразу вы не упадете.

– Разве я уже не упала?

– А вы как думаете?

– Раньше у меня не было права падать.

– Почему?

– Сначала я хотела, чтобы отец мной гордился, а потом, когда его не стало, я должна была крепко стоять на ногах ради сестры.

Я не могу сказать ей все. Она сама должна понять, осознать, что в бурю невозможно устоять на прямых ногах, что иногда нужно пригнуться, чтобы не сломаться. Сколько дубов я наставлял на путь

тростника в этом кабинете... Некоторые так и остались дубами: вырванные с корнем, они валяются на земле в ожидании смерти – легкая добыча для паразитов, которыми изобилует наше общество. Другие поняли, что имеют право быть тонкими травинками, пригибаться под порывами стихии и выпрямляться, когда утихнет ветер.

В Капуцине есть и то и другое. Мне кажется, она нагнулась до земли, но сейчас постепенно выпрямляется. Сила дуба и гибкость тростника. Доказательств у меня нет, но она производит такое впечатление.

Могу предположить, что после аварии она потеряла все ориентиры, мечты о будущем – все поле возможностей затопили слезы сокрушительного горя. Как она могла строить планы, когда несчастный случай только что доказал ей, что все может оборваться в любой момент, как жизнь дрозда, подстреленного на лету. Бах! Взмах крыльев, простор, свобода – и вдруг ничего. Только младшая сестра, ни в чем не повинная сиротка. Как и она сама. Но разве она позволила себе побыть сиротой? Сиротами могут быть только дети. Ей уже исполнилось восемнадцать, а значит, официально взрослая, хотя она была еще ребенком.

– Может, сестра, сама не зная, помогла вам устоять?

– Ну... От ее новости у меня словно люк открылся под ногами, и вот я болтаюсь над пустотой.

– А что, если ее присутствие и было этим люком – алиби, чтобы собрать волю в кулак и держаться?

– А если она уходит, у меня больше нет повода держаться? И потому я разваливаюсь на части?

– Что вы об этом думаете?

– Думаю, что решение Адели – полнейшее безумие. Все коту под хвост.

– Что именно?

– Ее будущее.

– Она, похоже, видит это иначе. А что с вашим будущим?

– Тоже загублено.

– Чем?

Она опускает глаза. Снова хватается за ремешок. Заворачивает носки еще больше внутрь.

Я готовлюсь к цунами.

Повисла тишина.

Волна не нахлынула.

Она возвела высокую прочную дамбу.

Она сжимает челюсти – желваки чуть ниже ушей то появляются, то исчезают. Снова крутит перстень. Положила ногу на ногу.

Я вижу, как она переводит дыхание и загоразживается щитом, укрываясь от моих пусть и благожелательных, но все же выпадов. Она справилась с эмоциональной дрожью, которую мне, кажется, удалось заметить: чуть дрогнуло левое веко, подбородок... Так трескается стена, которую подтачивает вода. И снова все под контролем.

– Я, как и Адели, с первого раза сдала все экзамены за первый курс медицинского факультета. Но после аварии мне пришлось все бросить, чтобы заботиться о сестре. И мне больно видеть, что ее успех тоже улетает в трубу.

– Если говорить о сестре, что для вас важнее всего?

– Ее счастье. После того, что она пережила в детстве.

– Кто вам сказал, что если она станет не климатической активисткой, а врачом, то будет счастливее?

– Активизм не профессия.

– Все так, но в нем есть определенный смысл.

– Как и в медицине.

– Разве не она должна выбирать, что ей больше подходит?

– Я заботилась о ней и старалась построить ее будущее без родителей. Не знаю, что я сделала не так, почему она выбрала такой путь...

– Кто вам сказал, что она не выбрала бы его без аварии?

– Никто.

– Кто вам сказал, что этот путь плохой?

– Он ненадежный.

– И что с того?

– Неожиданности приносят беспокойство.

– А беспокойство – это проблема?

– Для меня – да.

– А для нее?

- По всей видимости, нет.
- Ну а вы? Куда вы хотите двигаться дальше?

Она теревит разноцветный шарф, глядя в пустоту. Глаза блестят. Едва слышно отвечает:

– Не знаю.

Я молча жду.

– Я нашла на чердаке дневники отца.

– О!

– Десятки тетрадей, одинаковые, только разного цвета. Я узнала его почерк. На каждой обложке две даты, от более ранних к более поздним. Думаю, он вел дневник. Я не решилась заглянуть.

– Почему?

– У меня было бы ощущение, что я его предаю.

– Разве можно предать мертвых?

– Можно, если не уважаешь их последнее желание.

– Он хоть раз велел вам не прикасаться к этим тетрадям? Или, может, написал на первой странице, что это нельзя читать?

– Нет.

– Насколько легко было их найти?

– Они лежали в запертой шкатулке. А ключ был у меня под носом. Висел на брелке, который я смастерила для него в начальной школе.

– Разве это не удивительно?

Наконец, она мне улыбнулась.

Слабая улыбка, едва заметная, намек на улыбку. Но для нее это уже маленькая победа.

И для меня.

Глава 17

Смутные воспоминания

После консультации у меня нет ощущения, что я куда-то продвинулся. Диана часто говорит, что мы добились отличных результатов, хотя мне кажется, я буксую на месте. Она уверяет, что я слишком тороплюсь, нужно время. По ее словам, меня настигла не любовь с первого взгляда, а Встреча с большой буквы. И велела подумать о том, что я чувствовал, когда девушка плакала на скамейке. Мои чувства были слишком запутаны, чтобы я мог с ходу ответить. Так что к следующей встрече мне предстоит навести порядок в собственных мыслях. Диана всегда дает мне домашнее задание, как в школе. «Оценок ставить не буду», – уточнила она в первый раз. Я решил зайти в бар в конце улицы. Владелец пускает Блума не моргнув глазом, что редкость и очень приятно.

Заходить сюда уже вошло у меня в привычку, это помогает вернуться к реальности других людей после того, как отважишься погрузиться в свою собственную.

Заказываю зеленый чай и достаю блокнот с ручкой. Куй железо, пока горячо. Я пытаюсь сравнить то, что я испытал на вокзале, с сегодняшними ощущениями в холле. Мне нужно разобраться, что произошло во мне самом, независимо от реакции Блума. Он мой напарник, а не психотерапевт. Хотя иногда...

Я пишу то, что приходит в голову.

Грустно видеть, как она грустит.

Хочется ее защитить.

Какая же сила от нее исходит!!!

Я чувствую себя уверенней.

С ней мне спокойней.

Прислонясь к спинке крепкого деревянного стула, на которую опирались тысячи спин, я балансирую между двумя мирами. Во внешнем мире чашки позвякивают о блюдца, шумят посетители. Обмениваясь игривыми взглядами, хохочет парочка. Два старика

играют в карты и пьют белое вино. За окном гудят моторы, снуют машины, от рева набирающего скорость грузовика дребезжат стекла. Стук женских каблучков задает этой сутолоке ритм. Внешний мир вибрирует, движется, бурлит и дышит. Другой, внутри меня, – темная мутная магма, которая дремлет в глубине и никак не может вырваться, извергнуться наружу. Мне очень хочется, чтобы эта бездна очистилась и тоже завибрировала, пришла в движение, забурлила и задышала, как все, что меня окружает. Чтобы внутри стало светлее.

Моя история – всего лишь искусственный конструкт; то, что мне рассказали об операции, аварии, эвакуации, моей реабилитации и шрамах, похоже на кусочки пазла: мне их дали, а картинку, которую я должен собрать, не показали. Мое бессознательное замело мои собственные переживания под ковер, и я годами аккуратно хожу по нему в мучительном беспамятстве, не давая переживаниям никакого шанса вырваться наружу. Пытаюсь растолочь их, стереть в порошок, сделать маленькими и ничтожными. Но нет, не выходит. Любая грязь – и та, что на шерсти Блума, – тоже должна где-то оседать. Моя оседает в каждой моей клетке. В каждом кошмаре.

А что, если все, что мне говорили, неправда? Что, если мои шрамы появились по другой причине? Но по какой?

Эта мутная магма бурлит с тех пор, как я встретил девушку и даже не знаю ее имени. Расплавленная лава рвется наружу.

Встреча с ней все во мне перевернула. Эта ситуация как в зеркале показала мне мое бессилие. Она тогда, рыдая, рухнула на скамейку, а я ничем не мог помочь. Она казалась такой крепкой. Как и я в пустыне. Вот вопрос, который не дает мне покоя: как можно взять и развалиться на части, если ты вроде такой сильный? Эта девушка вернула меня в мою собственную реальность. Но ведь невозможно всегда быть сильным и крепко стоять на ногах. Иногда ты имеешь право упасть. И ухватиться за чью-то протянутую руку, чтобы подняться. На перроне мне хотелось, чтобы она так же нуждалась во мне, как я – в Пьере, втором пилоте, который спас мне жизнь.

Эта девушка, сильная и ранимая, рассказала мне, кто я. Как будто она вдруг пробралась под окутывающую меня пелену, защищающую от прошлого, и шепнула: «Я понимаю тебя, я такая же, как ты».

Что ж, я хоть сейчас готов вернуться к Диане, хотя только что от нее вышел. Кажется, моя память начинает просыпаться от долгого сна, а эта девушка, сама не зная, для меня как поцелуй сказочного принца, разбудивший спящую красавицу.

У меня появилась надежда.

А пока мне хочется разыскать ее.

Я знаю, что делать.

Глава 18

Перемешанный салат

Я стараюсь сейчас ходить к Капуцине почаще. Специально взял утренние смены, чтобы освободить время после обеда. Наверное, впервые после смерти брата я так остро чувствую, что мое место рядом с племянницами. Может, потому, что Капуцина наконец позволила мне его занять. До этого стискивала зубы. «Я разберусь, дядя, не волнуйся». Но вот уже несколько недель, как ее отпустило, тело запросило пощады. Загнать в больницу, так бестолково и постыдно, – это серьезно, тем более для Кап. Она согласилась на психиатра, согласилась и на дядю. Несколько дней тому назад, после второй консультации, она вроде стала поспокойней. А сегодня вечером, когда я зашел на кухню, принес свой новый десерт, тирамису с ананасами и имбирным печеньем, она стояла, прислонясь к столешнице, со стаканом воды в руке. Ужин готов, но Адели только что сообщила, что Самюэль заедет за ней с минуты на минуту. На ужин они не останутся. До Альп путь неблизкий – там они присоединятся к молодежной группе таких же, как они, экоактивистов. Младшая попросила меня поужинать с Капуциной, чтобы та не оставалась одна, когда они уедут. Как я мог отказать?

– Значит, уезжаешь?

– Кап, мы уже говорили об этом. Я знаю, чем хочу заниматься. Хочу движения, хочу чувствовать себя полезной, спасти то, что еще можно.

– Ты точно так же могла бы спасти людей.

– У людей без планеты нет никаких шансов.

Указательный палец Капуцины неистово стучит по стакану. Она готова взорваться, но сдерживается. Держит удар, как всегда. В ней отчаянно бурлит сожаление, что сама она бросила медицину, не стала спасать сородичей. Я это знаю, чувствую. «Зря, зря, зря». Она думает об этом так сильно, что горечь сожаления заполняет всю комнату.

Пусть я не сумел как следует позаботиться о племянницах, зато я всегда вставал между ними, когда было нужно. Редкие призывы о помощи, когда у Капуцины переполнялась чаша терпения. Скандалы,

которые закатывала Адели, провозглашая свое право быть свободной сиротой, без строгой старшей сестры, которая хуже родителей. Я подливал воды в вино их ссор. Я всю жизнь этим занимаюсь – разбавляю водой вино конфликтов. Как дядя, как бригадир, как сосед. В качестве компенсации я долгие годы подливал вина в свой стакан воды. Я думал, что нашел решение, но это решение превратилось в проблему.

– Что ж, в любом случае ничего не поделаешь, – подводит итог Капуцина.

– Нет, поделаешь – можешь наконец пожить для себя.

– Слишком поздно.

– В двадцать девять?

– Я хотела заниматься медициной. У меня нет сил начинать сначала.

– Да не хотела ты заниматься медициной, ты хотела быть как папа. Но папы больше нет.

– Спасибо, что напомнила.

Капуцина отворачивается и начинает перемешивать готовый салат. Она не выносит, когда кто-то ставит под сомнение ее призвание, тем самым оправдывая судьбу. А у Адели острый язык. Уж не знаю, повлияла ли на ее характер смерть родителей или она все равно бы такой выросла, но за словом в карман она не лезет и не смолчит, когда есть что сказать. Иногда она бывает слишком прямолинейной или слишком искренней, но только не злой. Ей всегда хотелось самоутвердиться, заявить о себе, быть живой и активной, а Капуцина зачастую держалась в стороне, сдержанно и скромно. Трудно, когда младшая сестра ярче и заметнее тебя. Когда ею восхищаются, над ее шутками смеются, она успешна и на виду. Трудно быть старшей – трудно быть старшим, о котором забывают, которого не замечают, а он молча старается, чтобы его полюбили. Как я ее понимаю!

Я подхожу к Капуцине, отнимаю у нее щипцы для салата и советую обнять младшую сестру, потому что вернется она нескоро, а холодно расстаться – так себе идея.

На улице припарковалась машина. Иду встречать Самюэля, дав сестрам попрощаться.

Этого у них не отнять – они умеют быстро мириться. Наверное, выпавшие на их долю испытания научили их в трудные моменты держаться друг друга. Ожесточенно спорят, а через секунду нежно обнимаются.

Капуцине предстоит пережить новую пустоту.

Во сколько пропастей может провалиться один человек?

Глава 19

Секреты дома

Если купят эти, я проглочу свою вставную челюсть. Он им не по плечу. Для такого дома надо любить землю, уметь вкалывать и не пасовать перед трудностями. Зимы здесь суровые. Еще одни горожане, которые думают, что могут поселиться где угодно, были бы деньги. Уметь тут жить – такого за деньги не купишь. Вон у дамочки каблуки ушли в землю. Почвы-то песчаные. А этот господин, весь с иголки, как он будет чистить водосточные трубы, когда они забьются опавшей листвой? Не вижу отсюда его руки, но уверен, что они слишком нежные для этого дома.

Уже два часа отсиживаю зад на этом бревне. Не хочу ничего пропустить. Хоть какое-то развлечение. Земля в саду осела. До прихода медсестры еще есть время, она должна меня укладывать. Но я, слава Богу, пока еще сам ложусь, когда хочу. Вот еще! У меня есть достоинство! И я не лягу спать в шесть часов! Они уже поняли. Мы с ними кое о чем договорились.

Я не собираюсь умирать в больнице. Если не на этой скамейке, то сдохну на тропинке в лесу или на лугу с цветами, но недалеко от дома. На то есть причины. Нельзя обрубить корни у этой фермы, иначе с нее опадет черепица, как листья с мертвого дерева.

Они поднялись на второй этаж, открыли окна, зашли в мастерскую, в сарай, осмотрели огромный участок – вернее, ту часть, куда еще можно пройти. Все заросло бурьяном, больно смотреть. А какое было поместье в старые добрые времена...

Уехали недовольные, руку агенту жали с досадой. Когда найдутся покупатели, приду сюда снова, да вот только не услышу уже, как осы и шмели жужжат у плакучей ивы, как лягушки квакают в пруду, как журчит вода в фонтане – они все переделают, я уверен. Посеют газон, выкопают бассейн и насыплют гравия под беседкой.

Все насмарку!

Я люблю слушать эти звуки. Когда я хожу, у меня все болит, но я по-прежнему отлично слышу. Сперва сиделки не стеснялись болтать при мне. В моем возрасте я должен быть глух как тетерев. Но быстро поняли, что я не только их слышу, но и все запоминаю, так что со мной этот номер не пройдет.

Дом тоже все слышит. Но свои секреты держит при себе.

Да вот только я их знаю.

Глава 20

Последний день счастливого человека

Капуцина понимает, что Адели, уехавшая пару дней назад, окончательно выпорхнула из гнезда. Весь прошлый год она жила в страсбургской квартирке, поближе к университету, но приезжала на выходные и оставалась членом семьи.

Новая реальность добавляет пустоты к зияющей дыре в сердце старшей сестры. Так бывает с матерями и отцами, которые, переворачивая страницу, оказываются посреди урагана: сметая все на своем пути, он проносится, оставив их одних, оглушенных и растерянных. Синдром пустого гнезда – это не только про матерей-наседок.

Семейный дом стал еще больше, бездушней и холодней.

С тех пор как уехала младшая сестра, Капуцина каждый вечер укрывается в уютном тепле мастерской вместе с Оскаром: возится с ним, отыскивая через него связь с отцом.

Отцовская деревянная шкатулка так и стоит на журнальном столике в гостиной. С тех пор как ее извлекли с чердака, она не открывалась. Капуцине страшно почувствовать присутствие отца так близко, читать его дневник, словно стоя у него за спиной. Она ведь так и не смирилась с его отсутствием. Нужно было держать лицо, подавать пример младшей сестре, дать ей возможность нормально расти. Но вот Адели уехала, и Капуцина осталась один на один с отцом, которого так и не смогла отпустить. А если вдобавок погрузиться в его личные записи...

Но может, это и есть ключ к принятию. Наполниться его словами, мыслями, его внутренним миром, чтобы осознать в неутолимой скорби, что этот человек жил, но его больше нет.

Каждый день она думает об этих дневниках. И не знает, как к ним подступиться. Читать по порядку, наугад или в обратном порядке, постепенно погружаясь в прошлое? Или ничего не читать вовсе?

Для начала она должна отыскать последний дневник, тот, что он вел на момент аварии. В шкатулке, естественно, такого нет – отец же не планировал умирать.

Она садится за письменный стол. Священное пространство. Одиннадцать лет назад она наспех перерыла его содержимое в поисках необходимых бумаг для похоронного бюро, банка, нотариальной конторы и страховых компаний. Жан-Батист был очень организованным человеком. Все файлы, папки и выписки тщательно подписаны.

Она открывает каждый ящик, достает картонные папки, старые чековые книжки, запас ручек и подарочных рекламных блокнотов.

В памяти всплывает радостное воспоминание.

Когда она была подростком, всегда с нетерпением ждала возвращения отца с очередного коллоквиума – по выходным он ездил в Париж, Нант, Лион, а иногда и за границу, где они с коллегами за круглым столом обсуждали последние достижения детской кардиологии: новые методы проведения операций, оборудование по последнему слову техники, инновационные молекулы, обмен опытом, публикации. Во время перерыва участники профессиональных конференций прогуливались по коридорам конгресс-центров, где лаборатории презентовали свои новинки, приманивая хирургов к стендам горячим кофе, выпечкой, десертами, шоколадками, а также ручками, блокнотами и другой рекламной продукцией. Предполагалось, что ручки и блокноты будут использоваться во время консультаций, чтобы бренды лабораторий и медицинских компаний прочно отпечатались в подсознании врачей, пациентов и коллег, но Жан-Батист брал сувениры только для того, чтобы подарить дочерям. Забавные ручки и фломастеры доставались младшей, а старшая получала материал для конспектов, карточки и стикеры для учебы. Иногда Капуцина дарила их школьным подругам, которым лестно было чувствовать, что они таким образом тоже, пусть и косвенно, совсем чуточку принадлежат к очень замкнутому кругу великих врачей, спасающих человеческие жизни.

Приятное воспоминание, а вот дневника нет.

Она посмотрела во всех ящиках, перерыла папку с документами, лежащую на столе. Ничего.

Капуцина с досадой плюхается обратно в кресло на колесиках и отъезжает на полметра.

С этого расстояния она замечает между двумя опорами стола поперечную планку толщиной всего несколько сантиметров.

Протягивает руку и, подцепив снизу, выдвигает почти невидимый ящик. Внутри лежит тетрадь. На обложке одна дата, вторая навсегда застыла в искореженной машине.

Капуцина дрожащей рукой открывает тетрадь и пролистывает до пустых страниц.

Вот она, последняя запись отца, перед ее глазами.

13 сентября 2007

День выдался насыщенным и тяжелым. Две операции на открытом сердце, обе прошли успешно. Мы с моей волшебной командой смогли подарить будущее крошечному Натану и малышке Эмме. Родители наконец выдохнули. Видеть их глаза, когда я выхожу и говорю, что операция закончена и их ребенок будет жить, – вот что не приедается никогда.

Помимо научного и технического интереса к хирургии, я посвятил себя этому ремеслу ради таких удивительных моментов, ради этих глаз и взаимной поддержки, ради людей, подставляющих друг другу плечо. Нелегкий, выматывающий труд, но он приносит мне удовлетворение. Когда я оперирую, то снова и снова повторяю про себя слова Ральфа Уолдо Эмерсона: «Смеяться часто и охотно, завоевать уважение интеллигентных людей и привязанность детей, добиться справедливой оценки со стороны объективных критиков и выдержать предательство мнимых друзей, ценить прекрасное и находить лучшее в людях, посвятить всего себя достойному делу, оставить мир после себя хоть чуточку лучшим, воспитав здорового наследника, взрастив ухоженный сад или создав что-нибудь хорошее в общественной жизни, знать, что хотя бы одному живому существу на земле стало легче дышать именно потому, что ты на ней жил, – вот что значит преуспеть».

Что ж, считаю, я преуспел.

Особенно когда смотрю, как подрастают дочери. Сегодня я пришел домой, и Адели бросилась мне на шею, как каждый вечер, когда я успеваю вернуться раньше, чем она уснет. Гордо продемонстрировала свою новую пижаму с единорогом и блаженно улыбнулась, показав, что у нее нет двух верхних резцов. В свои семь лет она утопает в розовом, в блестках, единорогах и радугах. Капуцина держалась сзади, мило закатывая глаза от того, что младшая сестра пришла в такой восторг без особого повода. В этом возрасте старшая была менее буйной – сдержанной, прилежной. Она и сейчас такая. Может, даже слишком. Она трудится со средней школы, и это принесло плоды. Немногие студенты сдают первую сессию с первой попытки. Она еще не решила, какую специальность выберет, но я не сомневаюсь, что из нее выйдет отличный врач.

Вечером из Парижа приехала Катрин. Рашель всегда радуется, когда ее лучшая подруга гостит у нас. Завтра вечером собираемся на ужин-концерт в одном ресторанчике в Эпфиге. Капуцина предложила посидеть с младшей сестрой. Скоро начнется учеба, и она не сможет столько помогать. Очень мило с ее стороны.

У меня замечательная любимая жена, две чудесные дочери и нужная работа.

Ложусь спать уставшим, но счастливым человеком.

Захлопнув тетрадь, Капуцина воет от горя. Она рыдает от несправедливости, оплакивает эту гнусную жизнь, отнявшую у нее отца. Рыдания тонут в слишком большой для нее вилле. Никто не услышит их сквозь толстые стены. Этот безмозглый ублюдок спокойно спит в тюрьме, но скоро выйдет на свободу и будет жить дальше. А она словно оцепенела, глядя на карусель, на которой нет отца и которая крутится без нее.

Капуцина плачет из-за своей утраты и от радости неожиданной находки. Читать написанное им одновременно и больно, и утешительно.

Пришло время смириться с его отсутствием.

Пришло время открыть шкатулку.

Глава 21

Простодушие новичка

Наконец выходной. Льет дождь, ну и ладно, Блум все равно будет рад выйти на улицу. Да и я тоже.

Неделя выдалась напряженная. Когда я уходил с последней консультации, на уме у меня было одно – навести справки о мадемуазель Клодель. Но времени на это катастрофически не хватало. Коллега из департамента Верхний Рейн ушел на больничный, и к моему без того плотному графику добавились командировки и дежурства в другом городе. У каждого из нас настолько личные отношения с собакой, что кинологу трудно найти замену. Поезд с депутатами – осмотр перед посадкой, визит министра здравоохранения в Институт по изучению рака ЖКТ, два звонка о бомбе в Европейском парламенте, подозрительный багаж в аэропорту и на вокзале Мюлуза, поиски двухлетней девочки, убежавшей от родителей и потерявшейся в лесу, – в общем, мне так и не удалось выкроить для себя полдня.

Я еду на Страсбургский вокзал. В поезде Блум неизменно производит прекрасное впечатление. По правилам я должен надевать на него намордник, но обычно его ласкового взгляда и безупречного послушания достаточно, чтобы убедить контролера, что в наморднике нет нужды. Сегодня билеты проверяет молодая девушка. Она остановилась погладить его, спросила, что за порода, присела на пару минут на подлокотник напротив. Мы перекинулись всего парой слов, но я почувствовал, что она несет какую-то тяжелую ношу. Короткая передышка, и снова в бой, уж не знаю какой. Моя собака – беспроводное зарядное устройство.

Не уверен, что хочу застать Симоне. Не нравится мне этот тип. Я его не перевариваю. Наши атомы отталкиваются друг от друга. Надменный, самоуверенный, расист и женоненавистник – и не скрывает этого. У него для каждого есть презрительное прозвище. И при встрече всегда говорит что-нибудь неприятное. Смотрит злобно и придвигается к твоему лицу, чтоб страшнее было, так близко, что

чувствуешь его горячее зловонное дыхание. Он придвигается, а ты отходишь, опустив глаза. Типичный киношный злодей.

Коллектив в целом приятный, но он начальник и все с ним мучаются. Неуравновешенный шеф и жесткая служебная иерархия.

Я иду по платформе номер один к офису Службы железнодорожной безопасности. Когда я в штатском, то отпускаю Блума с поводка. Доверяю ему. Он метис, помесь бельгийской и австралийской овчарок. Это сочетание и делает его таким особенным. Очень развитый нюх плюс невероятные способности к обучению. А вдобавок еще и исключительная чувствительность. Он просто создан для меня.

Симоне нет на месте.

В офисе сидит новенький. Говорю, что пришел за копией протокола о недавно обнаруженном подозрительном багаже. Якобы мне это нужно для досье Блума, которого переводят на новое место службы. Я и сам в это не верю, но, если повезет, неопытность моего собеседника сыграет мне на руку.

Он не задает никаких вопросов.

Люблю новичков.

Он хмурит брови, ищет, переспрашивает дату, опять ищет.

– Не-а, за этот день ничего нет.

– Как так «ничего нет»? Мы развернули полный комплекс мероприятий по протоколу безопасности, я был там.

Он поворачивает ко мне монитор. Потом ищет в шкафу, где хранятся бумажные протоколы. Безрезультатно.

– Извини, приятель, ничем не могу помочь. Никаких следов.

– Тебя еще здесь не было?

– Я только вышел на работу.

Поблагодарив его, я сажусь на скамейку на платформе и принимаюсь размышлять. Добавилось еще несколько кусочков пазла. Полное отсутствие протоколов и странная реакция Симоне меня заинтриговали.

Может, я принимаю ситуацию слишком близко к сердцу, а надо просто о ней забыть... Диана сказала бы, что в выходной лучше заниматься собой, а не другими.

А я бы ей ответил, что эта девушка не похожа на других.

Глава 22

Прежде чем заговорить

Мне тоже было больно, когда умер брат. Все спрашивали меня о племянницах, жалели, беспокоились о них. И правильно. Они имеют право плакать. А я – взрослый, крепкий мужчина, брат, просто брат, не сын.

Но брат у меня был только один. Мы росли вместе, ссорились, мирились, играли, учились, узнавали, как устроен мир. Вместе.

И мы любили друг друга.

Люди не замечали моего горя. И я не виню их. Это очень по-людски. Куда проще делать вид, что ничего не видишь, убеждать себя, что человек в порядке, а не спрашивать, как он справляется со своей болью.

Обо мне беспокоилось только одно существо на свете – моя маленькая мышка. Мы встретились в заводском медпункте, когда через пару недель после трагедии я перерезал сухожилия на двух пальцах. Прежде чем заговорить, она дотронулась до меня. Кровь хлестала ручьем, надо было зажать рану. Потом, поджидая скорую, мы разговорились. Кажется, мы полюбили друг друга с первого взгляда. К сожалению, место было уже занято. Я нашел в себе силы отойти в сторону, а когда мысли о ней не отпускали, писал стихи. Преобразовывал грусть в красоту. Я всегда старался прикрыть уродство мира, рассказывая о нем музыкой слов. Если Виктору Гюго это удалось после смерти дочери, то и мне с моей грустью стоило попробовать. Ради моей маленькой мышки я превращал отречение в поэзию. Где-то же оно должно было находить выход.

*До гробовой доски даем обет любви,
Пусть совесть загрызет, коль стих огонь в крови.
Горячей клятвы след с волною унесется,
Встает над пеплом дым, пока страсть не уймется.
Взываем к звездам мы и молим под Луной
О том, чтоб милый взгляд одело пеленой,
Когда ваш вольный взор и рук слепых касанье*

Подарят в жаре тел любовное признанье.

Глава 23

Трогательный кошмар

Блум чувствует, что я озадачен: пропавший рапорт вот уже несколько дней не выходит у меня из головы. Смутно чувствую, что это подозрительная история. Мы идем по улице, пес кружит возле меня. Я его одергиваю, чтобы не вертелся под ногами. Иногда мне кажется, что своим выразительным взглядом он тоже ставит меня на место. Вот как сейчас, слегка насупившись, он словно говорит: «Я же знаю, что я прав, – ты нервничаешь». Да, нервничаю. Мне не нравятся дурные предчувствия. Я бессилен что-либо сделать, когда не понимаю, в чем дело.

Войдя в сад, я скрещиваю пальцы – хоть бы Диана почувствовала, что мне нужен второй шанс, нужно еще раз увидеть эту девушку!

Обходя дом, прикидываю, решится ли она снова немного помочь судьбе.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, на всякий случай пытаюсь расслабиться и принять непринужденный вид.

Затаив дыхание, вхожу в холл.

Она там.

Я счастлив.

Мой пес тоже. Он ждет зеленый свет, чтобы подбежать к ней. Разрешаю, как только она протягивает руку.

– Кажется, он узнал меня, – удивляется она, улыбаясь так, словно вся остальная жизнь перестала существовать, есть только это мгновение.

– Точно. Меня зовут Адриан, – говорю я и сажусь напротив.

– Капуцина.

Капуцин – это же другое название настурции, любимый цветок мамы, с тех пор как она переехала во Францию. В Сенегале она их не видела.

Естественно, я не знаю, что сказать. Объяснить, почему моя собака ее узнала? Или еще рано? Что бы посоветовала Диана? Прислушаться к своему сердцу?

– А его зовут Блум, если я правильно помню?

– Да. А вас он узнал потому, что уже видел раньше, не здесь...

Она удивленно смотрит на меня, и я тут же начинаю злиться, что послушал это чертово болтливое сердце, оно вечно торопится и слишком сильно бьется. Послушался совета, который Диана и не давала.

– Где же?

Я кашляю, почти надеюсь, что одного из нас сейчас пригласят в кабинет. Она гладит Блума, который наслаждается, виляя хвостом.

– Для вас момент был не очень приятный...

– О! Да, помню. На вокзале? Он подошел меня утешить, когда я рыдала на скамейке посреди вооруженных полицейских и солдат?

– Да...

– Кошмарное зрелище, не так ли?

– Нет! Вы произвели на меня потрясающее впечатление...

Она быстро меняет тему – Блум превосходно справляется с ликвидацией неловких моментов. Она спрашивает, какой он породы. Это редкая помесь, и на глаз определить трудно. Я рассказываю о его талантах послушной ищейки, которыми он обязан сочетанию двух ветвей своей родословной, и о работе кинолога. Объясняю, почему я был в тот день на вокзале. Говорю, что уже несколько лет исправно хожу к Диане.

– Вы меня намного опередили. Я пришла на третью консультацию.

– Желаю вам так же продвинуться с доктором Дидро, как нам удалось с Дианой.

– Они женаты?

– Да.

– Как думаете, они обсуждают нас за завтраком? – спрашивает она шутливо.

– Уверен, что нет. Врачебная тайна.

Насколько душераздирающим был ее плач, настолько весел ее смех. Этот момент Диана выбирает, чтобы открыть дверь. На долю секунды я проникаю к ней ненавистью. Блум не идет за мной.

– Ты что, остаешься? Ко мне!

Я молча усаживаюсь, пока Диана приветствует своего длинношерстного ассистента, который уже занял свое привычное место

у ее ног.

Она смотрит на меня. Я знаю, она ждет, когда я начну.

– Могли бы и опоздать немного...

– Вы единственный пациент, кто высказывает мне подобный упрек. Выглядите бодро. Я рада. Вы выяснили, почему она производит на вас такое сильное впечатление?

– Да.

Я рассказываю про магму – она потихоньку просыпается под действием непреодолимой силы, которая исходит от Капуцины и восполняет мою глубинную потребность быть под защитой, при том что моя работа – защищать других. Делюсь своим внезапным желанием заботиться о ней – как о близком родственнике, не думая.

– Откуда у меня это ощущение?

– Может быть, что-то нашло в вас отклик?

Мы молчим.

В конце концов она спрашивает, что еще меня беспокоит. Описываю свой поход в Службу железнодорожной безопасности, удивление от пропажи протоколов. Говорю об интуиции, к которой Диана призывает прислушиваться и которая мигает красным с начала этой истории.

– Я чувствую смутное беспокойство, неуловимое ощущение, необъяснимую уверенность, что тут что-то не сходится.

– Неплохое определение пресловутого инстинкта, о котором я столько вам твержу.

– А если я ошибаюсь? Может, я зря волнуюсь? Или иду по ложному следу?

– Инстинкт часто бывает прав. Он создан, чтобы спасти нас от самых базовых вещей: голода, жажды, опасности.

– От какой опасности я защищаюсь?

– Может, вы защищаете кого-то другого? Напомню: все, что вы мне рассказываете, касается девушки, которая кажется вам непонятным образом знакомой. Мы защищаем от остального мира не только себя. Мы защищаем свое племя.

– Мы что же, из одного племени...

– Ну, прямо так ей, пожалуй, говорить не стоит, можете и спугнуть, – смеется она.

Глава 24

Контроль и выбор

Диана пригласила своего пациента в кабинет, а я выждал некоторое время, чтобы не получилось, что мы сговорились и специально оставили их в холле наедине.

Когда я открываю дверь, Капуцина Клодель усердно трет свою черную юбку.

– Вижу, вы познакомились с Блумом? Линяет сильно, а так очень славный пес, верно?

– Да, даже когда просто смотришь на него, становится легче.

– Знаете, почему?

Она еще не дошла до кресла, а я уже задал вопрос. Мне нравится цепляться к таким вроде бы незначительным утверждениям.

– Он не судит меня. И не ждет ничего, кроме ласки и добрых слов. Это успокаивает.

– А чего от вас ждут? И кто?

Она задумывается. Пациенты зачастую не осознают, что только они сами и давят на себя столь немилосердно.

– Что я буду сильной.

– А вы сильная?

– Думаю, да. Но мне иногда хочется, чтобы мне позволили быть не такой.

– А вы сами себе это позволяете?

– ...Нет.

Она рассказывает, что после аварии у нее не было выбора. В тот вечер она сидела с младшей сестрой. Около полуночи пришло сообщение от отца, что они вышли из ресторана. К половине первого, когда их еще не было, она начала волноваться. Позвонила на мобильный – не отвечает. Второй раз. На третий трубку взял полицейский. «Они попали в аварию. По телефону ничего не могу вам сказать. Сейчас мы кого-нибудь пришлем».

Мучительное ожидание, когда этот кто-нибудь сообщит новости. Мысли об Адели, которая спит наверху и ни о чем не догадывается.

– Как только полицейская машина остановилась у нашей двери, все сомнения исчезли, но тут же появилось ощущение чего-то еще. Новой жизни, без них. Я знала. Раз полицейские приехали сами, значит, сообщат о смерти. Они спросили, надо ли еще кого-то оповестить. Я попросила заехать к дяде. Бабушки и дедушки жили далеко, было два часа ночи. Я не хотела никого будить. Они немного побыли, я не плакала. Наверное, просто впала в оцепенение. Я думала о том, что будет дальше, о младшей сестре, о своей учебе на медицинском. Когда приехал Бертран, весь растрепанный, с опухшими глазами, я бросилась к нему в объятия и разрыдалась. От него несло алкоголем и сигаретами, недосыпами и холостяцкой жизнью, но другой крыши, под которой я могла укрыться от бури с градом, прибившим меня к земле, у меня не было.

– А ваша младшая сестра?

– Она проснулась рано. Я спала на диване. Тело провалилось в спасительное забытие, чтобы утром, рассказывая ей о трагедии, я могла держаться на ногах. Бертран осторожно потряс меня за плечо, когда услышал, что она спускается. Сказать ей было труднее, чем услышать новость от полицейских. Как будто я убила родителей второй раз. Когда она спросила, что же мы теперь будем делать, я не задумываясь ответила, что мы остаемся жить в этом доме и я буду о ней заботиться. Что еще я могла ей ответить? Что ее заберут в приют, потому что мне некогда? Я о таком и подумать не могла.

– А дядя?

– У него никогда не было детей. Он работал на заводе, стоял у станка. К тому же был алкоголиком...

– Если бы он помогал, вы могли бы учиться дальше?

– Вы же окончили медицинский, вы прекрасно знаете, что во время учебы жизни нет.

– А бабушки и дедушки?

– Слишком старые и слишком далеко. Мне пришлось бы разлучиться с Адели. Я не могла себе этого представить.

Ее рассказ краток и пронзителен, аргументы неоспоримы. Я вижу, как она перечитывает клятву Гиппократу, которая висит у меня

за спиной. Мама подарила мне ее, когда я перешел на второй курс. Переписала слова каллиграфическим почерком. Капуцина должна знать их наизусть, раз собиралась произнести однажды. Она поглощена чтением, сама того не замечая. Я даю ей время дочитать до конца. Едва заметно вздрогнув, с извиняющимся взглядом, она возвращается в реальность моего кабинета.

– Я хотела, чтобы в жизни маленькой девочки было как можно меньше потрясений. Та же школа, те же подружки в классе и по соседству, все, что ей знакомо и дорого. Жизнь и так обошлась с ней круто.

– А как же вы?

– Я? У меня не было выбора.

– У нас всегда есть выбор, разве нет?

– Я не могла представить себе другой вариант.

– А сегодня не можете смириться с ее решением...

– Тут у меня тоже не было выбора...

– Что поддерживало вас все это время?

– Мысль о том, что этого бы хотели папа и Рашель.

– Вы начали читать его дневник?

Она опускает глаза. Не знаю, хочет ли она скрыть от меня возможное чувство вины или сильные переживания от прочитанного. Я предлагаю ей прочесть любой отрывок на выбор. Она рассказывает о последней записи, о своей ярости и рыданиях навзрыд посреди ночи. Я рад, что она смогла дать выход эмоциям. У многих пациентов крик застревает в животе, и они так и не решаются выпустить его наружу. Держат в себе, таскают, как свинцовое ядро, пока этот затаенный гнев не превращается в болезнь.

Капуцина выбирает наугад.

15 марта 2003

Мы отмечали тринадцатилетие Капуцины. Она позвала подружек. Девочки пришли в восторг от озорных глазок Адели, которой недавно исполнилось два года. Она скакала по комнате, не упуская ни малейшей возможности нашкодить. Мне кажется, в глазах у старшей мелькало раздражение, как будто ей хотелось крикнуть: «Эй,

я тоже здесь, и это мой день рождения!» Но уже через секунду она брала себя в руки и вновь представала доброй старшей сестрой, которая всем стремится угодить. Ей подарили косметику и духи «для привлечения мальчиков». Она покраснела. Никакого мальчика у нее вроде нет. Мне кажется, она об этом даже не думает, слишком занята учебой. Она приходит в отчаяние, когда ее средний балл опускается ниже 17. Сколько раз ей говорил, что она не обязана быть идеальной, все без толку. Вбила себе в голову, что с первого раза сдаст экзамены за первый курс медицинского факультета, что бывает редко. Я ей подарил стетоскоп и два учебника. Один по анатомии, другой по эмбриологии. Она их разворачивала с горящими глазами. Знаю, что теперь будет читать допоздна, чтобы узнать, понять, быть на шаг впереди других. Но хочется, чтобы она все-таки и жить не забывала. А то однажды проснется и поймет, что слишком поздно.

Капуцина закрывает тетрадь и молча смотрит на свои колени. Нелегко читать, как о твоём детстве пишет человек, которого любишь больше всех на свете.

– Почему вы так старались быть идеальной?

– Мне нравилось получать хорошие оценки.

– А что будет, если получить двойку?

– ...

– Капуцина?

– В тебе могут разочароваться.

– И что тогда?

– Тебя могут разлюбить.

– Капуцина, простите, но у вас что-то шевелится в волосах...

Она наклоняется вперед, разглядывает волосы, аккуратно берет маленькую пчелу двумя пальцами и встает, чтобы выпустить ее в окно.

– Вы не боитесь насекомых?

– Нет. А должна?

– Вовсе нет. Но вы реагируете слишком спокойно. Другие бы запаниковали.

- Сейчас пчел мало, и они уже сонные.
- Вы были влюблены в то время?
- Когда была подростком? Не думаю. Мне никто не подходил. Мне все казались пустыми и глупыми.
- В этом вы тоже боялись разочаровать отца?
- Может, и так... Но мне и вправду все казались маленькими.
- А позже вы влюблялись?
- Один раз, через несколько лет после аварии, но я не хотела, чтобы эти отношения мешали Адели. Я прекратила их через несколько месяцев.
- Влюбленность старшей сестры могла ей помешать?
- Не знаю, мне приходилось все решать одной.
- Держать все под контролем?
- Да, под контролем, у меня не было права на ошибку, я отвечала за маленькую девочку.
- На этом мы прервемся. Я вас попрошу кое-что сделать к следующему разу. Напишите в два столбика, что мы можем контролировать, а что нет.

Записав дату следующей встречи, она закрывает ежедневник и собирается. Некоторые пациенты заполняют это время пустой болтовней. Но не Капуцина. Она столкнулась с бездонной, бесконечной пустотой, словно у ее ног разверзлась зияющая дыра, через которую можно увидеть Вселенную. И планеты – большие круглые жемчужины. Так что она вполне может надеть пальто без лишних слов.

Я выхожу к Диане, которая выглядывает на улицу из-за занавески, держа в руке чашку с дымящимся кофе. Она вспотела, но как будто не замечает очередной прилив жара – последние несколько недель они накатывают на нее без конца.

- Как мило! Он подождал ее на другой стороне улицы и отправил к ней Блума с бумажкой. Как думаешь, любовная записка?
- Хватит за ними шпионить!
- Они же не прячутся.
- Так дадим им спокойно побыть вдвоем, если уж так вышло. И открой ты окно, ведь легче станет.

– Ты же знаешь, этот жар исходит из глубин моего тела, и легкий ветерок на щеках делу не поможет.

– Иногда я думаю, что невроты наших пациентов похожи на твои приливы жара, а мы, психоаналитики, как этот ветерок, обдувающий щеки.

– Я именно это наблюдала в окно, пока ты не пришел... Приятный ветерок, которым мы обдули их щеки. Как думаешь, они понравятся друг другу?

Глава 25

На нашей скамейке

Как же настрадалась моя бедная Мадлена в этом доме, а я ничего не мог поделать. Боже правый, как я хотел забрать ее оттуда и увезти куда-нибудь подальше. Или остаться – земля тут хорошая, и лес рядом, есть чем греться зимой. Прогнать ее отца, изверга, который бил ее, помыкал, как служанкой, а дом забрать себе. Было бы уютное гнездышко. Но я не мог. Сколько лет он над ней измывался. Как мне хотелось его прибить. Но стоило мне хоть слово про это сказать, Мадлена сразу как давай на меня кричать. Боялась, что я сгину в тюрьме. Ну он и выдал ее за парня побогаче, чем я, из соседней деревни. И кончила она так же, как и ее мать, – муж забил до смерти.

А я остался холостяком. Не мог представить себе жизнь с другой женщиной. Да и кто захочет тут жить? Девушки в то время уезжали в город и не возвращались.

Мадлена бы осталась, она мне говорила.

Завели бы скотину, яйца продавали, птицу. Я бы дрова в лесу заготавливал. Хозяйство-то было большое.

Как Мадлена умерла, ее отец испарился в одночасье. Оставил письмо, мол, может, еще вернусь. Не вернулся. Никто не знает, куда он подевался. Наследников у него не было, так что участок перешел мэрии, и вот она теперь его продает. Бюджет-то пополнять надо. Да только кому нужен дом, где на кухне крыша течет, а ежевика проросла до самого чердака? А ведь он заслуживает большего, чем вот так просто сгинуть. Смотришь, как рушатся камни, и как будто Мадлена умирает снова.

Не будь я дряхлым стариком, подлатал бы его в память о женщине всей моей жизни.

Как же крепко я любил свою Мадлену...

Солнце зашло за ели. Значит, уже поздно. Пора возвращаться, а то сиделка будет беспокоиться.

Когда почувствую, что смерть близко, приду дожидаться ее здесь,
на этой скамейке.

На нашей скамейке.

Глава 26

Военные советы

После последнего сеанса терапии прошло несколько дней.

Она бегала, обрезала увядшие цветы в саду, работала в мастерской.

Возясь с Оскаром, она может переключиться и расслабиться. Сейчас она бьется над затылочным мышцелком. И не успокоится, пока он идеально не встанет в первый шейный позвонок. Это у нее от отца. В его работе минимальная погрешность была недопустима. Сосуды в сердце недоношенного ребенка такие крошечные. А ставки так высоки. Жизни и семьи держались на тоненькой ниточке, и Жан-Батисту нужно было сплести из нее кружево. В руках Капуцины всего лишь Оскар. Такая малость по сравнению с работой кардиохирурга.

Работая, она не проронила ни слова. Она сосредоточена. И немного грустна. Сеансы с доктором Дидро вывели ее из равновесия. Капуцина не привыкла открываться. Жан-Батист никогда этого не делал. Он не жаловался и считал, что, если о проблемах не говорить, они сами рассосутся. И он жил с психиатром! Они посмеивались над этим. Когда ей было необходимо с кем-то поделиться, Капуцина шла к Рашель. Первые прыщи на лице, первые месячные. Однажды после школы какой-то тип увязался за ней и ужасно напугал. Еще был случай, когда она чуть не взяла деньги из заначки в серванте, чтобы пройтись с подружками по магазинам, и потом очень переживала. Под стук швейной машинки слова вырывались сами собой. Они обе не отрывали глаз от работы, чтобы не уколоться булавками. Потом Рашель сразу переходила к техническим тонкостям – как шить без складок, как аккуратно вшивать молнию, как отрегулировать натяжение нити, – чтобы не заикливаться на отрицательных эмоциях.

Капуцине постепенно начинают нравиться эти сеансы. Да, они будоражат, но и еду нужно помешивать, чтобы не пригорела. Капуцина томится на медленном огне. Она ищет. Что-то начинает понимать. Пробует. Нашупывает. Привыкает к пустоте.

Все эти годы никто по-настоящему не заботился о ней, кроме дяди, который старался как мог. Но ему она не могла довериться. Она доверялась кроссовкам, деревьям, ручью, зимнему холоду и весеннему

солнцу. Всему, что не станет задавать вопросы и не напомним ненароком об этой пустоте.

Она доверялась Оскару; он ничего не отвечал, и молчание ее вполне устраивало. Некоторые откровения не требуют ответа, не все это понимают. Одни хотят как-то утешить, другие что-то посоветовать. А дальше? Дальше ничего, каждый несет свои доспехи сам, так что все эти военные советы...

Она так часто опустошала в этой мастерской свою голову, что здесь повсюду толстым слоем лежит пыль ее мыслей, как мелкие опилки, забивающиеся во все щели. Опустошала голову, продолжая дело отца. В память о нем.

Однажды она закончит. Она не знает, убьет ли это отца еще раз или освободит его. Поэтому она бесконечно подправляет и улучшает работу, которая тянется, как след от самолета, давно скрывшегося из виду.

Глава 27

Клубок

Прошла неделя после той встречи, когда я набрался храбрости и велел Блуму отнести записку едва знакомой девушке. Дерзкий поступок. В последние недели то здесь, то там барьеры рушатся. Я чувствую, что меняюсь, распрямляю плечи и все охотнее встаю по утрам.

Естественно, теперь я жду ответа и, естественно, переживаю из-за ее молчания. Я надеялся, что она напишет. Но не волнуюсь. У меня появилась уверенность, она заживляет мои раны. Но с какой же высоты придется падать, если моим иллюзиям суждено разбиться в прах...

День выдался напряженный. Тревога на вокзале, потом в аэропорту. В остальное время текущие дела. Блум лежит в своей корзинке в углу кабинета. Он не агрессивный, поэтому может свободно разгуливать среди коллег. Такой же член бригады. Будь он сторожевой собакой, пришлось бы держать его в клетке, чтобы не подвергать риску коллег, ведь такие собаки по определению агрессивны. А мой всегo-навсего развлекается тем, что вынюхивает взрывчатку.

Оглядывая служебное помещение нашей бригады, я чувствую, что устал. Преступность, насилие, зловредность людей с каждым днем поражают меня все больше. Как и наше бессилие это зло искоренить – из-за нехватки ресурсов, людей, времени. Знали бы граждане, что мы иногда сами покупаем картриджи и бумагу для единственного принтера, рассчитанного на восемь жандармов!

Мне пора бы уже вернуться в свою служебную квартиру на другом конце двора, захлопнуть дверь, оставив снаружи этот безумный мир, и завалиться на диван с бутылочкой пива и пачкой чипсов под какой-нибудь дурацкий сериал, притупляющий мозги. Но я буду сидеть здесь столько, сколько потребуется. Я должен понять.

Кабинеты пустеют один за другим, уже пришла ночная смена. Свет в моем кабинете привлекает внимание, ко мне заходят поздороваться, погладить собаку, спросить, как дела.

Капуцина Клодель.

Да, у меня есть имя, но никаких следов забытого на вокзале чемодана.

Я вбиваю ее фамилию в базу данных о судимостях. Система выдает только один результат. Дата рождения: 1947 год, Кимпер. Не она.

Пробую «Ивон Симоне». Ничего.

Просто «Симоне» дает ссылки на штук двадцать дел по всей стране. Просматриваю серии идентификационных номеров. Ни номер протокола, ни год мне не помогут. А вот первая серия цифр, соответствующая номеру подразделения, – может.

Я чуть не падаю со стула. Дело, датированное сентябрем 2007 года, было открыто в соседнем отделении. Я проработал там несколько месяцев. Поскольку приходилось часто набирать номер подразделения на компьютере, я его запомнил. Некий Кевин Симоне, чуть моложе моего коллеги.

Звоню им. Попадаю на Патрика. Приятный парень, скромный, обстоятельный, исполнительный. Объясняю ему, что мне нужно.

– Уверен? Все-таки под коллегу копаешь.

– Он из железнодорожной безопасности. Это другая контора.

– Это верно. Да и потом, это же Симоне. Я тоже этого типа не перевариваю.

– Похоже, его никто не переваривает.

– погоди, сейчас поищу дело. Повезло тебе, что мы все это храним. 2007 год. Старовато дельце.

Он положил трубку на стол. Я слышу, как его коллеги разговаривают и смеются в соседней комнате. Вечер начался спокойно – чем не повод для хорошего настроения?

– Ну, история неприятная, – говорит он в трубку через несколько долгих минут. – Серьезная авария, двое погибших, в том числе профессор Клодель, известный хирург. Помню, было несколько статей в газетах. Какой-то лихач на полной скорости проехал знак «Стоп». Не оставил им ни малейшего шанса.

– Его судили?

– Ты же знаешь, суд перед нами не отчитывается и доступа к судебным делам у нас нет.

– В любом случае спасибо.

А не родственник ли он Ивону? И поэтому, установив личность Капуцины, тот быстро замял дело с оставленным чемоданом? Симоне – бессердечный подонок. Чем сильнее он может заставить кого-то страдать, тем больше его это возбуждает. Почему он так поступил?

Что-то не дает мне покоя, смутное ощущение, что что-то здесь не так.

Я ищу телефонный номер Службы железнодорожной безопасности. Если повезет, он окажется на дежурстве. Мне необходимо с ним поговорить.

– Ивон? Это Адриан Пети.

– Малиец! Какие-то проблемы?

– Мне не дает покоя одна вещь после того случая на вокзале, когда девушка забыла чемодан и рыдала в три ручья.

– Ну и?

– Я искал протокол и ничего не нашел.

– С каких это пор кинологи стали копаться в чужом дерьме?

Я на несколько мгновений теряю дар речи, он с треском вешает трубку.

Не сомневаюсь, что дернул за нужную ниточку и теперь этот клубок разматается.

Снова набираю Патрика.

– Как раз собирался тебе перезвонить. Я прочитал весь протокол до конца.

Качаясь на стуле и глядя в пустоту, слушаю подробности.

Теперь многое понятно. Хотя серые зоны по-прежнему есть. Патрик называет имя третьей жертвы.

Надо копать дальше.

Блум задремал. Он дергает лапами, шевелит губами и тихонько повизгивает.

Иногда мне хочется оказаться на его месте. Все его любят, гладят, ласково с ним разговаривают. Он досыта ест, спит где вздумается, а работа для него – просто игра.

Даже не знаю, что бы сказала Диана, узнав, что я завидую своей собаке. Посмеялась бы и добавила, что в интеллектуальном плане мне было бы тесновато в собачьем мозгу.

Да, но как насчет ласки...

Глава 28

Письмо-подарок

Уже неделю я работаю на заводе в ночную смену. Возвращаюсь ранним утром, по дороге захожу в деревенскую булочную, делаю себе кофе с молоком, макаю в него бутерброд с маслом и ветчиной, съедаю яблоко и ложусь спать. Просыпаюсь обычно к полудню. Есть не хочется, без особого интереса заглядываю в почтовый ящик и иду в сад.

И вот я сижу в огороде на деревянном стуле под вишней, листья которой начинают желтеть, посреди грядок салата, латука, лука-порея и шпалер с поздней фасолью – и плачу. Держу в руке письмо от Адели и плачу.

Она написала замечательное письмо, в котором благодарит за все, что я дал ей с самого детства. За то, что учил понимать природу и смену времен года, рассказывал об устойчивости растений, разумном потреблении сезонных овощей и методах их хранения. Научил наблюдать за насекомыми, полевыми цветами и грибами. Теперь она понимает, какую важную роль я сыграл в ее становлении, сколько передал ценных знаний, необходимых, чтобы понять, какие вызовы и решения существуют для нашего общества, где все идет наперекосяк.

Милое, эмоциональное, радостное и очень трогательное письмо. Нежное письмо. Подарок на всю жизнь.

Это письмо освобождает меня. Это письмо утешает меня. Это письмо исцеляет и успокаивает.

Я достаю из кармана записную книжку и карандаш.

*Как старый дуб на пустыре
В плену невзгод,
Солдат, который на заре
Нейдет в поход,
Под шквалом ветра и в борьбе
Тоску познал,
Ни жив ни мертв, в глухой мольбе
Он душу рвал.*

*Пока в один прекрасный день,
Нежна, мила,
Девчущечка под дуба сень
Вдруг не пришла,
Качель повесила в ветвях,
Во тьме на сук,
Каталась на ее ремнях
Под песни звук.
Так древний дуб не замечал
Прошедших дней,
Малышку ласково качал
В листве своей.*

Глава 29

Уход

Две недели между консультациями – оптимальный ритм. Он позволяет замечать определенные изменения.

Капуцина Клодель входит в кабинет с улыбкой. Впервые. Я замечаю, что пациент Дианы тоже улыбается. Блум сидит посреди холла с растерянным видом. Кажется, не может решить, с кем идти. Хозяин цокает языком, этого достаточно для пса, чтобы определиться.

– Вы сегодня веселая.

– Мы смеялись с Адрианом, потому что он попытался...

Капуцина умолкает, застыдившись, что начала рассказывать о том, что касается только их двоих, как будто, делясь со мной своими душевными переживаниями, она должна выкладывать и все остальное.

Я спрашиваю, удалось ли ей составить список того, что мы можем контролировать, а что нет. Она роется в сумке, достает листочек в клетку и аккуратно его разворачивает.

– Мы не контролируем некоторые встречи, но контролируем дальнейшее развитие событий. Например, я не могла контролировать случайность, которая свела меня в одной приемной с жандармом, тем самым, что был на платформе, когда я забыла чемодан. Но мне решать, вступать с ним в разговор или нет.

– Именно! – говорю я, стараясь скрыть смущение при упоминании якобы случайной встречи. – Еще какой-нибудь пример?

– Нельзя повлиять на водителя, сбившего насмерть твоих родителей, но ты можешь решить, как жить дальше.

– Вы уже решили, как жить дальше?

Вопрос, кажется, удивил ее, ведь мы это уже обсуждали.

– Я... Да! Ну... думаю, что да.

– Вы говорили, у вас не было выбора.

– Да, я не могла поступить иначе.

– Получается, вы не очень-то контролировали то, что произошло после аварии.

– Контролировала. Я решила, что буду заниматься Адели и не отдам ее в приют.

– Вы осознанно приняли это решение?

– Да.

– Значит, у вас был выбор.

– Да.

– Предлагаю к следующему сеансу составить список последствий этого решения, ожиданий и обстоятельств, которые могли бы объяснить ваше сегодняшнее разочарование.

Затем я спрашиваю, продолжает ли она читать дневники отца. Она лезет в сумку и достает новую тетрадь, с более ранними датами, поясняя, что пролистала ее и не поняла один эпизод, где говорится об уходе ее биологической матери.

– Биологической матери?

– Вы не знали? Моя мать однажды просто ушла. Я была совсем маленькая. Больше мы ее никогда не видели.

– Рашель говорила, что у нее две дочери, она не делала различий.

– Она любила меня как родную.

– А вы любили ее как родную мать?

– Сложно сказать, мне не с чем сравнивать. Я любила ее. Но по отцу горевала сильнее.

– Когда вы узнали, что ваша мать ушла?

– Мы несколько лет прожили вдвоем, пока он не встретил Рашель. Мне было пять, когда она появилась. Я задала вопрос только однажды, когда родилась Адели: «А моя мама – она где?» Отец не знал. Я больше не спрашивала. Они радовались рождению дочери, я не хотела все портить.

Она соглашается прочесть мне отрывок. Перед тем как начать, она откашливается, прочищая горло от фантомной пыли. Я представляю ее маленькой девочкой на школьном празднике: она стоит на сцене с микрофоном в руке, живот подвело от страха. Не думаю, что сейчас она робеет передо мной. Ее пугает сама история. Капуцина делает глубокий вдох и принимается читать, предварительно уточнив, что Коринной зовут ее мать.

Коринна ушла. Я, наверное, всегда знал, что она нас бросит. Она не создана для воспитания детей. Это я хотел ребенка. Настаивал несколько месяцев.

Она уступила, а я, жалкий идиот, не понял, что это не ее выбор. Вчера выплеснулось наружу то, что назревало давно. Сегодня утром она собрала чемодан и сказала, что больше не может бояться за Капуцину. Что она не годится в матери. Для меня этот пикник с дочерью навсегда останется удивительно трогательным воспоминанием, а для нее он стал последней каплей. И вот я остался один с моей маленькой королевой, крошечной моей королевой.

– Я прочитала записи за предыдущие и следующие недели, он пишет о трудностях, но не объясняет, что послужило причиной ее окончательного ухода.

– Вам хотелось бы это понять, чтобы чувствовать себя лучше?

– Думаю, да.

– Есть кто-то, кто может вам об этом рассказать?

– Да.

Глава 30

Философия случая

Я слишком застенчив.

Настолько, что прикрываюсь собакой, отправляя ее на передовую.

Если бы у Блума еще слюни не текли...

Я вошел в холл, радуясь, что вижу Капуцину, и печалюсь, что за две недели она мне так и не позвонила. Я не знал, что ей сказать. И даже пожалел, что дал ей свой номер.

Она, смеясь, вывела меня из замешательства.

– Я бы вам с удовольствием написала, но, пока Блум нес записку с номером телефона через улицу, уцелела только половина цифр, остальное, похоже, размыла слюна.

– А! У меня с собой был только фломастер, мог бы и догадаться.

– Может, обменяемся номерами сейчас?

Мне нравится, что она ничего не усложняет. Мы отправили друг сообщения, чтобы сохранить контакты, и перекинулись парой банальных фраз – приемная не располагает к чему-то большему, – прежде чем за мной вышла Диана.

Я ей сразу объявил, что контакт установлен, и она, вероятно, решила, что теперь устраивать нам свидания будет неловко и подозрительно, и предложила назначить следующую консультацию в любое другое время на неделе.

– Я много думал о той волнующей встрече. Беззащитная, уязвимая, хрупкая, эта девушка тем не менее внушала мне чувство уверенности. Странное сочетание, оно пересеклось сразу с двумя важными для меня вещами: защищать и быть в безопасности. Но это все равно до конца не объясняет, почему мне так захотелось ее увидеть снова.

– А нужно объяснить?

– И это спрашивает мой психотерапевт?

– Психотерапевты не стремятся найти ответы на все вопросы, они помогают пациенту достичь согласия с самим собой. Чтобы обрести покой, необязательно все знать наверняка. Наверняка знаю, что покой вам необходим, и, возможно, эта встреча – ключ к его обретению. Вам это не кажется счастливой случайностью?

– С тех пор, как вы перенесли мой прием, уже не очень!

– Я говорю о подлинной случайности!

– Вроде того, что я встретился с ней в вашей приемной через несколько дней после той истории на вокзале?

– Например.

– Если это не случай, то что тогда?

Диана начинает перечислять философов, которые задавались этим вопросом. А я вспоминаю школьные годы. Уроки философии в выпускном классе. Я сидел в третьем ряду, в самом конце, у стены. Не на виду. И жадно впитывал слова учительницы. Приятели подкалывали меня, говорили, что слушаю внимательнее, чем на других уроках, потому, что я в нее втюрился. Возразить было нечего. Она только что окончила университет. Увлеченная и невероятно хорошенькая. В ее устах великие теории Платона, Сократа и Аристотеля сразу становились понятными. Вопреки мнению друзей, я действительно ее слушал. Она умела иллюстрировать сложные философские построения конкретными примерами из повседневной жизни, ее уроки побуждали меня думать. Побуждали и возбуждали, спорить не буду. Впрочем, одно совершенно не мешало другому.

– Вы меня слушаете?

Нет, я не слушал Диану. Я отыскивал в глубинах своей памяти тот урок, на котором мадемуазель Лувен рассказывала нам о встрече и который произвел на меня большое впечатление. Слова всплывают с трудом. Диана же рассуждает о разнице между случайностью, столь дорогой Эпикуру – «то, что есть, но чего могло не быть», – и детерминизмом в духе Спинозы – «то, что есть, и чего не могло не быть».

– Примерно об этом говорил Альберт Эйнштейн, – добавляет она. – «Случай – это Бог, который путешествует инкогнито». Вместо «Бога» можете подставить что угодно: «Вселенная», «судьба», «ангел-хранитель», «зайчик-попрыгайчик».

– Зайчик-попрыгайчик? – переспрашиваю я, улыбаясь.

– Почему бы и нет? Неважно! Поставьте что угодно, но вдумайтесь в определение Эйнштейна или в случайность Эпикура, если это понятие вам ближе. Каждый трактует как хочет случайности, которые направляют его путь. В конечном счете главный и единственный вопрос – «Что мне с этим делать?». Либо наслаждаться счастливой

случайностью, либо следовать детерминизму. И что-то мне подсказывает, что для вас эта своенравная случайность полна смысла.

Потом я рассказал о своем мрачном открытии. Не зайчик ли привел на платформу Симоне, чей брат разнес в клочья будущее Капуцины? Мы сразу посерьезнели, но она не оставляла в покое Эйнштейна, утверждая, что время от времени судьбе необходимо наводить порядок в своем бардаке.

– Что вы теперь собираетесь делать?

– Верить в зайчиков, следовать инстинкту и копать дальше.

Глава 31

Случай, путешествующий инкогнито

Здравствуйте, Адриан.

Вы мне показались немного застенчивым, поэтому я решила сама вам написать, чтобы вы не ломали голову, кто теперь должен сделать первый шаг, после того как мы обменялись номерами. На дворе XXI век, так что я могу себе позволить такую вольность. У меня прием в следующий понедельник в то же время, а у вас?

До встречи,
Капуцина.

Здравствуйте, Капуцина.

Я – застенчивый? Ума не приложу, с чего вы взяли...

Насчет приема – увы, нет. Она предложила мне выбрать любое другое время на неделе. Так что если мы хотим снова увидеться, придется встречаться за пределами кабинета...

Надеюсь, до скорого,
Адриан.

Беру свои слова обратно, не такой уж вы и застенчивый...

Простите, не хотел вас смутить своим напором. Не будем торопиться.

Я просто не привыкла...

Встречаться с застенчивыми мужчинами?

Вообще с кем-то встречаться. Я немного замкнулась в себе в последние годы.

Понимаю, я сам такой же. Всегда боюсь разочароваться.

Надеюсь, я пока не успела вас разочаровать.

Меня бы разочаровало, если бы вы так и не воспользовались моим номером телефона. Вы верите в случай?

«Случай – это Бог, который путешествует инкогнито». Альберт Эйнштейн.

С ума сойти. Диана Дидро мне привела именно эту цитату на последнем приеме.

Видимо, Альберт прав...

Поступил вызов, мне придется вас оставить.

До скорого!

Будьте осторожны и погладьте Блума за меня...

Глава 32

Тирамису

Капуцина разложила все ингредиенты на столешнице в идеальном порядке, как стерильные инструменты в операционной. Ее письменный стол в детстве выглядел так же. Выровненные, упорядоченные предметы успокаивали и придавали уверенности. И не дай Бог сестренке что-нибудь сдвинуть.

Яйца, печенье савоярди, маскарпоне, сахар, форма, глубокая тарелка, венчик, лопатка. Она трижды все проверила.

Из кофемашины струится кофе. Капуцина запустила несколько двойных эспрессо, чтобы получилась полная миска.

Дядя любит вкус крепкого кофе.

А она любит дядю.

Не так, как отца. Любовь бывает разная, сравнивать сложно. В отношениях с дядей есть привязанность, нежность. Сострадание. И определенные нюансы. Определенные условия. Иногда усталость. Волны приходят и уходят, то плещутся, то обрушиваются на берег, каждый день по-разному.

Любовь к отцу была абсолютной и безусловной. Он был целым океаном. Включая соль ее слез. Долгие месяцы после аварии Капуцина просыпалась с соляными разводами на щеках. С крупинками соли в уголках глаз. После душа ничего не оставалось. Кроме боли, которую не растворишь самой мощной струей. Иногда перед тем, как залезть под обжигающую воду, она пальцем собирала со щеки высохшие кристаллики, чтобы попробовать на кончике языка этот безрадостный вкус, ставший неотъемлемым спутником ее жизни.

Она отделяет белки от желтков. Взбивает в крепкую пену. Отставляет в сторону. Растирает желтки с сахаром в белый крем, как учила бабушка. Бабушка так и не оправилась от горя и умерла через два года после смерти своего любимого мальчика. Хирург, она так им восхищалась. «Только представь, какой труд!» – часто восклицала она. Вслух она никогда не говорила, что ушел хороший сын, тот из двоих, кто больше заслужил остаться, но думала именно так. Тем хуже

для второго, никуда не годного неудачника, который часто слышал от нее, что жизнь устроена несправедливо.

Капуцине все это неведомо. Дядя никогда об этом не упоминал. Старался сохранить видимость приличия ради брата.

Она решительно взбивает маскарпоне с кремовой смесью, вкладывая в венчик всю свою ярость к водителю, который испортил ей жизнь. Ее остервенение не способно изменить прошлое, но хотя бы сделает текстуру более равномерной.

Капуцина, или Способность сублимировать ярость в нежный крем.

Печенье мокнет в миске с кофе. Укладывать на дно формы по одному, вынимая самое пропитавшееся. Повторять через равные интервалы времени.

Вдруг очередное печенье оказывается слишком мокрым и едва не разваливается в руках. Адриан завладел ее мыслями и нарушил ритм.

Хочется, чтобы ему понравился тирамису.

Хочется готовить для кого-то.

Вместе есть.

Убирать со стола две тарелки.

Глава 33

Даже с лучшими из нас

Здравствуйтесь, Адриан.

Я чувствую себя немного глупо, но я начинаю волноваться. Вы ушли на задание четыре дня назад, и с тех пор никаких новостей...

Но вы мне ничего не должны, мы едва знакомы.

Надеюсь, все прошло благополучно.

Капуцина.

Здравствуйтесь, Капуцина.

Это чудесно, что вы за меня волнуетесь, простите, надо было дать о себе знать. Но я не хотел торопить вас со встречами, к которым вы не привыкли. А может, я и правда немного застенчив и боялся вас потревожить.

Мы с Блумом в порядке. Ложная тревога.

Кто-то забыл чемодан.

И как столько людей умудряются забывать свои чемоданы...

Ну, если я скажу, что понятия не имею, вы вряд ли мне поверите. Это может случиться с каждым... Даже с лучшими из нас! Ха-ха!

Вы не догадываетесь, почему могли забыть чемодан, выходя из поезда?

Долгая история...

Я опять слишком напиралю, простите...

Мне по-прежнему ужасно неловко, что я устроила весь этот переполох. Столько людей подняли на уши из-за моей оплошности.

Ваш коллега не церемонился, но он имел на то право.

Мой коллега – мерзкий тип и в любом случае не должен был так с вами разговаривать.

Что до меня – я совершенно не жалею, что меня вызвали, иначе я бы вас не встретил.

Вы из тех, кто в любой ситуации видит хорошее?

Не всегда... Но я стараюсь.

Это у меня от мамы. Она привезла немного сенегальского солнца в своих чемоданах.

Вот откуда ваша внешность...

Моя мать так же черна, как мой отец был бел.

Был?

Да...

Мой тоже...

Что ж, мы понимаем друг друга...

Глава 34

Любовь к цветам

На прошлой неделе позвонила Капуцина и напросилась в гости. Она только что вернулась от своего психотерапевта. «Дядя, хочу спросить у тебя кое-что важное. Я принесу тирамису».

Как тут откажешь?

Мне всегда неловко принимать ее у себя. Мой деревенский домик – обломок былых времен, зажатый между двумя перестроенными на новый лад зданиями, – так скуден, незатейлив и так похож на мою повседневную жизнь. Три курицы в саду да шкаф в спальне, в котором умещаются все мои вещи. Я живу малым, но живу хорошо. Главное в другом. Я понял это слишком поздно, после многих передрыг. Паршивая овца в семье все же приходит к свету.

Я робею, но жду ее с нетерпением. Я запек телятину с картошкой и нарезал огромную миску салата из огородной зелени. Теплица дает богатый урожай поздних помидоров, а в огороде за каменной оградой благодаря особому микроклимату хорошо растет осенний салат. Цикорий – я подвязываю верхние листья, чтобы защитить сердцевину от света и сохранить ее желтый цвет, – немного латука и салат корн. Сад у меня небольшой, но я столько над ним корпел, пробовал, ошибался, начинал заново, что он приносит невероятный урожай – я почти не покупаю овощи в магазине. Зимой в ход идут домашние консервы. Когда Капуцина у меня обедает, что бывает редко, я стараюсь приготовить что-нибудь посытнее, хоть немножко ее подкормить, такая она тощая. Одни мышцы. Сам я похудел, как только бросил пить. Искал замену алкоголю и тоже ударился в спорт, но коренастым так и остался. Как минимум одной женщине мое тело нравится. Говорит, так же, как моя нежность и мои стихи. К сожалению, она по-прежнему любит мужа. Я пытаюсь смириться с этим. И посылаю ей свои сонеты и александрийские стихи. Никогда не брошу писать. Летом, зимой, утром или вечером, на природе или в кафе. Пожалуй, это то, что меня спасает, что позволяет жить в этом мире, где я чувствую себя чужим. Когда пишу, я переносюсь в свой собственный.

Да, я бригадир электромонтажников, работаю на заводе и пишу стихи. Я никому никогда об этом не говорил. Кроме брата. И маленькой мышки, которая любит водить своим прохладным носиком по моей груди, словно нюхая какой-то легкий наркотик.

Проехала машина. Капуцина, наверное, уже паркует свой «Фиат-500» на стоянке у церкви. Она так и не ездит на отцовской машине, хотя та в тысячу раз удобнее и надежнее. «Ну и как я буду парковать этот лайнер?» – отвечает она всякий раз, когда я предлагаю ей вывести машину из гаража.

Я жду племянницу на пороге. В одной руке она несет тирамису, в другой – матерчатую сумку, на вид довольно тяжелую. Идет уверенным шагом, лицо не такое изможденное, как раньше. Она настоящий боец, крепкая, сильная от природы. Только когда тело дало слабину, она согласилась принять помощь. Когда я бросил пить и она уговаривала меня пойти к психотерапевту, чтобы не сорваться и не вернуться к этой или другой зависимости, я спросил ее: «А ты?»

А она держала удар. Как бы ни было тяжело. Вся в отца. Может, он научился этому во время учебы. Когда оперируешь на открытом сердце малыша, которому несколько недель от роду, ты не можешь опустить руки, даже если все идет не так. А может, дело в генах, которые мне не передались. Я, когда мне было плохо, накачивал мозг всякой дрянью, чтобы забыться.

Пока я режу телятину, она задает мне вопрос:

– Я кое-чего не понимаю в папиных дневниках.

– Дневниках твоего отца?

– Я нашла ключ у него в столе, он подошел к шкатулке на чердаке. Там были десятки тетрадей, все подписаны по годам.

– Ты их прочла?

– Психотерапевт сказал, что мне это может быть полезно. Как думаешь, можно предать мертвых?

– Нет. Я тебе покажу, где лежат мои тетради, – чтобы ты знала, когда я умру.

– Ты тоже ведешь дневник?

– Нет. Ну, в некотором смысле. И что?

– В общем, там есть место, которого я не понимаю. О том, как мама ушла.

Пока она роется в сумке, я накладываю ей картошки. Пользуюсь моментом, чтобы положить побольше. Она, конечно, разворчится, но все съест, потому что обожает соус, который я подаю к мясу. У меня есть свои маленькие секреты. Она протягивает мне открытую тетрадь.

– Вкусный соус у тебя, дядя.

Я все думал, спросит ли она когда-нибудь. Придется ли мне оправдывать ее мать. Справлюсь ли я, смогу ли подобрать слова, чтобы объяснить необъяснимое. Или объяснимое, но невыносимое. Мать должна любить своих детей. А не бросать их. Я боялся унести эти невысказанные слова с собой в могилу. Не хотелось бы лежать с ними в гробу. Лучше пусть мои стихи составят мне компанию в этой дальней дороге. С другой стороны, я не мог вывалить на нее правду, пока она об этом не попросит. Жан-Батист говорил, что она однажды мимоходом спросила его про маму, когда родилась Адели, а он не смог ответить. Он думал, что она еще вернется к этому вопросу позже, когда подрастет или захочет завести ребенка. Так и не успел ответить. После их смерти я знал, что однажды она придет за ответом ко мне. И этот момент настал, у меня нет выбора. Я должен ответить прямо сейчас.

– Знаешь, твоя мама старалась. Думаю, у нее просто не было этого инстинкта. Твой отец очень ждал, когда ты появишься на свет. Она сделала все, что могла. Она была своеобразная, наверное, ее захлестывали эмоции, а нужно было еще справляться с грузом материнства. Мне кажется, это назревало давно. Может, с самого начала. Жан-Батист занимался тобой с рождения. Поскольку твоя мать одна не справлялась, он нанял помощницу. А потом случился тот самый пикник, который вылился в страшную ссору. Конечно, это стало последней каплей.

– Она никогда не пыталась меня увидеть?

– Насколько я знаю, нет.

Я вижу, как она глотает слезы вместе с едой. Представляю, что творится у нее внутри, сколько вопросов крутятся в голове. Как мать может навсегда бросить свою дочь? Как она может смотреть на себя в зеркало – и не передумать? Как она может начать новую жизнь с чистого листа?

– Быть матерью – не что-то само собой разумеющееся. Не каждой нужно материнство. Да и быть матерью можно очень по-разному. Кто-то не создан для этой роли, кто-то играет ее плохо. И мы, дети, ничего не можем с этим поделать. Мы берем что дают и строим образ матери на пустом месте или на шатких развалинах.

– Ты говоришь «мы» – бабушка не была хорошей матерью?

– Не бывает хороших матерей, есть только женщины, которые стараются изо всех сил. Она не смогла полюбить меня так же, как любила твоего отца. Он получил крепкий фундамент безусловной любви и затем передал его тебе.

– Поэтому ты не хотел иметь детей?

Я встаю, чтобы убрать со стола и включить кофеварку. Достāju из серванта письмо Адели и кладу его перед Капуциной. Когда я возвращаюсь с яблочным пирогом, она вытирает уголки глаз.

– Хорошее письмо.

– А тебе что я дал?

– Чувство безопасности. Я знала, что, если мне плохо, я могу тебе позвонить. Ты всегда был рядом. Не знаю, как бы я без тебя справилась. И потом, ты мне передал любовь к цветам.

Я молча отрезаю два куска пирога и кладу их на свои выщербленные десертные тарелки, а сверху – по ложке тирамису. Мое сердце подобно клумбе, усыпанной аквилегиями, маргаритками и лютиками, незабудками и обриетами, мальвами и хатьмой. В душе я все-таки был отцом.

Глава 35

Одна-единственная храбрость

Здравствуйтесь, Адриан.

Скажите, почему мне постоянно хочется вам написать?..

Здравствуйтесь, Капуцина.

Потому, что вы экстрасенс и чувствуете, что мне хочется получить от вас сообщение?

Насчет экстрасенса не знаю.

Но что-то определенно чувствую.

А-ха-ха!

Вы верите во всякое такое? Ясновидение, реинкарнация? Что мертвые среди нас?

Ну и тема вот так, с ходу!

С вами не соскучишься.

Вы не из тех, кто начинает разговор с погоды...

У нас пасмурно, над предгорьями Вогезов идет дождь. А у вас?

Я верю, что есть некие сущности, которые присматривают за нами, но, честно говоря, не хотел бы знать подробности.

А вы?

Мой картезианский ум ищет доказательств.

Слушайте сердце, ему не нужны доказательства...

Сердце говорит мне, что я скучаю по отцу.

Как умер ваш отец?

На задании, он был военным.

А ваш?

Наши родители погибли в автокатастрофе 11 лет назад. С тех пор я забочусь о младшей сестре.

Сочувствую вашей утрате.

Вы храбрая.

У меня не было выбора.

Все равно вы храбрая.

Уж точно не такая, как вы. Вы на работе постоянно рискуете, защищая людей.

Какой это риск, по сравнению с тем, что было в Мали, работа кинолога в Эльзасе – оздоровительная прогулка.

О, вы служили в Мали?

Вы поэтому ходите к психотерапевту?

(Вот, я тоже напиралю...)

Вертолет разбился.

Я чуть не погиб.

С тех пор снятся кошмары...

Диана мне очень помогает.

Сочувствую.

Выходит, вы тоже храбрый.

Наверное, просто бывает разная храбрость?

Только одна – отважиться на что-то, несмотря на страх. Разве нет?

Только страхи разные.

А вы чего боитесь?

Похоже, именно это я пытаюсь выяснить с доктором Дидро.

Стать ненужной, когда младшая сестра выросла?

Не найти смысла в жизни?

Не быть любимой?

У нас много общего...

Может, мы – два выживших храбреца, которых тот самый Бог Эйнштейна, путешествующий инкогнито, свел вместе, чтобы мы могли разобраться каждый в своих ранах?

Встретиться в приемной психотерапевта – это вам не шутки.

Напоминаю, что мы встретились за несколько дней до этого.

Это правда!

И первой с вами встретилась моя собака.

Но я же не бомба.

Блум очень чувствительный (как и его хозяин),
он все чувствует.

Вы ведь были готовы вот-вот взорваться,
разве нет?

(Тут я сознательно игнорирую намек на вашу
бомбическую внешность и ничего не говорю – я
для этого слишком застенчив.)

Я в конце концов поверю в вашу застенчивость.

Ну и правильно, что игнорируете.

Зато рассмешили меня.

Спасибо, мне стало легче.

Пожалуйста!

Я сам тоже улыбаюсь.

Сейчас посмотрю погоду по телевизору.

Глава 36

Утечка любви

Когда Капуцина ушла, я сел в кресло у камина и разжег огонь. Мне было холодно.

Или просто хотелось тепла?

Не думал, что, когда я расскажу ей правду о матери, у меня самого кровь застынет в жилах. Я не Бог весть какой психолог, но, наблюдая за тем, как племянница растет, быстро заметил серьезные последствия. Брат нашел ей любящую и нежную приемную мать. Наверное, понял, что Коринна уже не вернется и нужно заполнить пустоту.

Но я думаю, такую пустоту по-настоящему не заполнишь. Это как лить воду в дырявую бочку. Если мать тебя не любит глубокой, неиссякаемой, непоколебимой, безусловной любовью, дно бочки будет подтекать. Моя мать меня не бросила, но больше любила одного из сыновей, и это был не я. И сколько я ни пытался восполнить эту утечку любви тысячью разных способов, все напрасно. Поэзия – единственное, что может заткнуть дыру. Я лишь недавно понял, почему никогда не хотел заводить серьезных отношений.

Мне холодно оттого, что я вывалил на нее всю эту историю. Но так было нужно. Для Капуцины пришло время понять.

Я подкладываю на угли полено и беру блокнот.

*Тяжким грузом горе,
Юркнув в уголок,
Не дает опоре
Выстоять свой срок.
Полетай, дочурка,
К берегам любви,
К счастью прогулку
Ты возобнови!
Присмотрю в сторонке,
Страж незримый твой,
За судьбой сестренки*

И твоей судьбой.

Глава 37

Горожане

Боже всемогущий, еще одни пожаловали! Так и есть.

И опять не деревенские. По машине видно.

Родители и двое подростков. Что им тут делать со своими мобильниками?

Чего ради приезжать жить у леса, если целый день сидеть, уткнувшись в экран, от которого только тупеешь.

Да и родители, похоже, не особо любят друг друга.

Что ж, выходит, некому засучить рукава и обработать всю эту землю?

Некому обустроить дом и наполнить его любовью?

Со мной под этой крышей любви было бы много.

Я хотел много детей, чтобы бегали повсюду. Растили бы мы их вместе с моей Мадленой.

Столько ненависти осталось в этих стенах после ее отца.

Бедная мать, умерла в полном одиночестве. Гематома мозга – сказали врачи. Полиция приезжала, но она лежала внизу лестницы, так что никто не стал выяснять. Отец заявил, что это был несчастный случай.

Я-то слышал, как мать Мадлены кричит каждый вечер, когда муж надерется.

Под конец он бил ее даже трезвый. А может, просто пил, не просыхая.

Мадлена сбегала.

Я как-то прятал ее у нас в сарае. Не хотел, чтобы она возвращалась домой, но какой у нее был выбор? Пришлось идти.

Уезжают.

Надеюсь, дом им не достанется. Не по душе они мне.

Глава 38

Глагол жизни

Здравствуйтесь, Капуцина.

Решил написать вам пару строк, а то вы всегда начинаете первой и, пожалуй, правда подумаете, что я какой-то нелюдимый чурбан.

Как поживаете?

Адриан.

Здравствуйтесь, Адриан.

Спасибо за ваше милое сообщение.

Я про вас ничего такого не думаю. Я ведь вас совсем не знаю.

Да если бы и знала. Кто мы такие, чтобы судить других?

Я много бегаю по лесным дорожкам, стараюсь проветрить голову. Чтобы потом наполнить ее новым смыслом. По-прежнему ищу, куда направить свое существование.

А вы?

Мне лучше, хотя я тоже понятия не имею, куда направить свое существование, как вы изящно выразились.

Хочу вам признаться кое в чем...

Что-то вы меня пугаете О_О

Кажется, после нашей встречи мне стало резко лучше.

Не могу объяснить почему, но после того, как я вас увидел на вокзале, во мне все перевернулось и, щелкнув, встало на свое место.

А потом, когда мы встретились в приемной, это упорядочивание продолжилось, как будто я почувствовал, что должен сдать свое прошлое в архив...

Это очень трогательно, но я не понимаю, почему так.

И я не понимаю!

Мы заметно продвинулись...

Как говорит Диана, мы не обязаны все понимать.

Думаю, ваша сила духа придает мне смелости.

Но сейчас я чувствую себя очень слабой.

От вас исходит какая-то невероятная сила. Даже в моменты слабости. Не просите объяснить. Я просто это чувствую.

А еще, когда я увидел вас на скамейке, такую грустную, такую хрупкую, мне хотелось вас защитить.

Это мой глагол жизни.

Глагол жизни?

Через который я самореализуюсь...

Вы явно прошли большой путь со своим психотерапевтом!

Это правда.

Вы тоже пройдете.

А у вас какой глагол?

Понятия не имею. Мне бы сначала с общей концепцией определиться.

Именно глагол лучше всего определяет то, что вас вдохновляет. С одним и тем же глаголом можно заниматься разными профессиями.

«Защищать»: можно быть военным, кинологом, а можно телохранителем или соцработником. Понимаете?

С глаголом «строить» можно быть архитектором, плотником, каменщиком и т. д.

Да, теперь понятно, но идей нет.

Обещаю подумать.

Глагол вашей собаки – «нюхать»?

Хе-хе!

Я бы сказал «обезвреживать».

Ну, тогда на платформе он не смог меня обезвредить, я таки взорвалась в тот вечер.

Вы уже вынули чеку.

Он способный, но все-таки не чудотворец.

Но у него есть второй глагол – «утешать».

С этим он справился.

Мне жаль, что я тогда не нашелся и не утешил вас. Вы меня очень тронули.

Вы это делаете теперь...

Глава 39

Путь, который того стоит

24 июня 2000

Рашель дома. С чудесной Адели. У малышки в глазах уже сверкают озорные искорки, солнечный свет и решимость. Я самый счастливый человек на свете. А у Капуцины сейчас сложный период. Рашель меня предупредила. Появление сестренки поневоле заставляет задуматься о ее собственном рождении. О биологической матери. Капуцина только спросила меня, где она. Я не знал, что ответить. Коринна бесследно испарилась десять лет назад без малейших угрызений совести и попыток возобновить отношения. Для гармонии нашей семьи, естественно, так лучше, но для Капуцины... Я не решился сказать ей этими словами. Я вижу, как она вьется вокруг малышки, как нежно заботится о ней. Видя сестренку у груди, она наверняка думает, кормили ли ее грудью. Спала ли она, прижавшись к маме, как сейчас Адели спит на руках у Рашель. Укачивали ли ее. Я укачивал, но разве этого достаточно? Конечно, нет. Она никогда не была так близка ко мне, как во время беременности Рашель. Капуцина постоянно просит меня поиграть с ней, погулять, проверить уроки. Задает тысячи вопросов о моей работе хирурга, говорит, что тоже хочет быть врачом, гордо показывает свои хорошие оценки.

Неужели она боится, что я ее брошу, раз у меня появилась еще одна дочь?

Мне бы так хотелось, чтобы она была уверена в моей непреходящей любви.

Капуцина закрывает дневник.

Я жду.

Она грустно улыбается, как тот, кто одновременно испытывает облегчение и боль.

– Думаете, я хотела стать врачом только для того, чтобы привлечь внимание отца?

– А вы как думаете?

– Похоже, ответ кроется в самом вопросе...

Тетрадь лежит у нее на коленях, и она машинально гладит обложку, так нежно и бережно, будто проводит рукой по волосам спящего младенца. В этих драгоценных тетрадях ответы на ее вопросы, сомнения, может быть, переживания. Затем, не поднимая головы, она спрашивает, можно ли когда-нибудь забыть, что тебя бросила мать.

– Забыть – нет. Можно принять. Это долгий путь, но он есть, и он того стоит.

– Вы поможете мне?

– Конечно.

Я тронут ее желанием продолжать со мной работу. На первой консультации, когда человек приходит, потому что должен, исход далеко не очевиден. Мне нравится этот переломный момент, когда пациенты понимают, что дает им терапия.

Некоторые женщины становятся матерями, сами того не желая, а другие страстно хотят этого, но лишены такой возможности. Я думаю о моей милой Диане, которой пришлось смириться и залечивать эту рану.

Это долгий путь, но он есть, и он того стоит.

Глава 40

Болеутоляющее средство

Я припарковался и сижу в машине. Блум на пассажирском сиденье поднял голову и вопросительно на меня смотрит. «Чего сидим? Выходить не будем?»

«Гладиолусы».

Почему дома престарелых дают цветочные названия? Чтобы подсказать, что посадить на могилке, когда придет время?

Найти Альбера Петершмитта оказалось непросто. Новые владельцы его домика понятия не имели, куда он уехал. А когда я наконец напал на его след через внука, который занимался продажей дома, тот поначалу отказался дать мне адрес. Он не понимал, что за дело у меня к старику. И я был вынужден рассказать об истинной причине своего визита. Никакой другой, достаточно убедительной, не нашлось.

– Разве дело не закрыли?

– Закрыли. Но остались кое-какие неясности.

Слегка оживившись от мысли о нераскрытом висяке, он в конце концов дал координаты деда в обмен на обещание не утруждать его слишком долго. А впрочем, признал, что в любом случае неплохо, если старика хоть кто-нибудь навестит.

Захожу в холл, и в нос бьет запах дезинфицированной грусти. Запах смерти, которая бродит инкогнито, крадется среди постояльцев, выбирая следующего по списку. Запах потери достоинства из-за памперсов, которые редко меняют. Запах усталости и телевизора с выключенным звуком. Запах, от которого хочется умереть прежде, чем сюда попадешь. Блум идет с опущенной мордой, тяжелым шагом, как ледокол, с трудом пробивающийся сквозь ледяной туман. Если даже я чувствую этот стойкий запах, его должно тошнить от отвращения. Здесь собраны бомбы, которые забыли взорваться или у которых не хватает пороха, чтобы сделать это по собственной воле. Хоть собак сюда пока пускают – какая-никакая радость для обитателей.

Меня встречает молодая улыбающаяся женщина. Этот запах, должно быть, преследует ее и дома. Она продолжает чувствовать его

миазмы даже после душа. Или привыкла, как мусорщики, свинари и торговцы рыбой. Я вот так и не смог привыкнуть к запаху взрывов и обожженной плоти.

Она называет номер палаты.

– Альбер с другими не особо общается. Да и вообще говорит мало, удачи!

Но она, как и внук, подтверждает, что старик полностью сохранил рассудок и прекрасно слышит.

– Это если вы вдруг подумаете, что он не отвечает, потому что глухой.

Я стучу в дверь и прислушиваюсь. В ответ раздается громкое «войдите». Мужчина сидит в кресле у балконной двери с книгой в руках. По его взгляду я вижу, что он роется в памяти, силясь обнаружить мой след. И не находит. Я спешу прервать его мучения.

– Мы не знакомы, господин Петершмитт.

Блум подходит к старику, и тот, наклонившись к нему, вдруг начинает смеяться. Глубоким радостным смехом. Смехом, который, пожалуй, не часто услышишь в этих безликих стенах. И который почти заставляет забыть о запахе.

– Вы любите животных?

– У меня всегда были животные. Но здесь нам запрещено. Только в гости. В любом случае я бы не сумел его выгуливать.

– Вы не могли остаться дома?

– Я падаю. Старик, который падает, – это начало конца, ты же понимаешь, парень. Поэтому меня поместили сюда.

– Я пришел поговорить с вами кое о чем.

Он продолжает с энтузиазмом гладить собаку, словно не слыша последней фразы.

– В общем, я полицейский и расследую одно дело. Оно уже закрыто, но мне кажется, остались темные места. Может, вы сможете пролить на них свет.

Блум положил передние лапы старику на колени. Я разрешаю. Обычно я не позволяю так делать, и он знает, что мне это не нравится. Но тут нужно развязать язык. Язык немного дикий, его нужно приручить.

– Речь идет об аварии, которая произошла на перекрестке, где вы жили, одиннадцать лет назад. Погибли двое, один человек получил

серьезные травмы. Было около полуночи. Я подумал, что вы могли что-то слышать или заметить что-то необычное. Ваши окна выходили прямо на дорогу.

Он перестает гладить Блума и серьезно смотрит на меня. У него светло-голубые глаза, словно выцветшие от того, что он слишком долго всматривался в горизонт. Отстранившись от собаки, он откидывается в кресле и глубоко вздыхает.

– Присядь, парень. Ты тут надолго. Но сначала принеси-ка мне желтую папку из секретера, вон там.

Я пододвигаю стул, терпеливо ждавший меня в углу комнаты.

Старик показывает документы. Я с изумлением обнаруживаю все газетные статьи об этом деле. И письма из страсбургской тюрьмы в Эльзо. Десятки страниц переписки с Кевином Симоне. Затем Петершмитт начинает говорить. Кажется, что рассказ сдавливают ему грудь. Он тяжело дышит. А я едва дышу. И не свожу глаз с его тонких губ, слушая изложение событий за гранью человеческого понимания.

Когда он умолкает, я какое-то время продолжаю неподвижно сидеть, оглушенный. Руки трясутся от ярости. Из груди рвется крик. Я сдерживаю его, встаю и начинаю мерить комнату шагами. Блум лежит, обеспокоенно следя за мной взглядом.

– Почему вы об этом не говорили?

– Меня никогда не спрашивали.

– Зачем вы переписывались с заключенным?

– Я подумал, это пойдет ему на пользу.

– Он знает, что вы знаете?

– Нет.

Я уже взялся за ручку двери, но он окликнул меня, чтобы поблагодарить.

– Я не хотел уносить это с собой в могилу. Можешь забрать всю папку. Я не хочу больше об этом думать.

– Вы больше ему не пишете?

– Слишком болят пальцы, почерк не разобрать. Артроз. Жаль, что я перестал писать. Я объяснял ему. Но у меня такое ощущение, что я тоже его бросил, как вся его семья.

Напоследок он еще раз гладит собаку. Зарывается в шерсть скрюченными пальцами. Думаю, эта терапия справляется с болью

не хуже других.

Блум – мягкое болеутоляющее средство.

Какое-то время я сижу в машине и плююсь на папку на пассажирском сиденье. Она словно кричит о правде, которую никто не хотел услышать.

Я открываю папку и читаю первую газетную вырезку.

ПРОИСШЕСТВИЯ

**«Последние новости Эльзаса», 14 сентября
2007**

В субботу вечером в коммуне Сен-Пьер столкнулись два автомобиля: BMW 3-й серии и Mini Countryman. По предварительным данным, водитель BMW на большой скорости проехал знак «Стоп» на опасном перекрестке, не оставив шансов пассажирам Mini, который в это время двигался по главной дороге. В то время как молодой водитель и его пассажир отделались несколькими ушибами, двое из трех пассажиров пострадавшего автомобиля погибли на месте, что стало невосполнимой утратой в медицинском сообществе. Жертвы – профессор Жан-Батист Клодель, всемирно известный детский кардиохирург, и его жена Рашель Клодель, врач-психиатр. Подруга супругов, кардиолог из Парижского региона, в настоящее время находится в критическом состоянии в реанимации университетской больницы Страсбурга.

Глава 41

Сердце растет как на дрожжах

Капуцина замешивает тесто на хлеб, продолжая думать о фразе доктора Дидро, которая уже неделю крутится у нее в голове: «Это долгий путь, но он есть, и он того стоит». Ей хочется его пройти, ради самой себя, ради сестры, может, ради Адриана, если их общение и дальше будет таким приятным.

На столешнице звонит телефон. Руки в липком тесте – она не успеет ответить. А ведь Адели обычно звонит в определенное время, звонок пропустить нельзя. Наклонившись над телефоном, Капуцина кончиком носа сдвигает к центру зеленый кружок, а затем, прищурившись, нажимает на значок громкой связи.

– Привет, Кап! Как дела?

– Не считая того, что пришлось разблокировать телефон носом, чтобы тебе ответить, все в порядке.

– Слушай, я не могу долго разговаривать...

– Именно поэтому пришлось действовать носом. Как ты? Все хорошо?

Адели с заразительным воодушевлением рассказывает о том, как классно встретить таких же ребят, как она, с такими же мечтами, страхами, желанием изменить мир. Старшая сестра слушает ее, продолжая месить тесто. Пока Адели вздохом говорит о пермакультуре, курятниках, солнечных печах, супе из крапивы, самообеспечении и системе местного обмена, Капуцина думает, что выпечка домашнего хлеба – первый шаг к этому идеалу.

– У нас конкретные проекты и куча идей! Мы мечтаем построить новый мир, поменять обычаи и спасти то, что еще осталось. На следующей неделе едем в Гренобль сажать лес в городе. Это очень крутой большой проект, я тебе потом расскажу.

Капуцина волнуется, что ее сестра, немного мечтательная, немного сумасбродная, так далеко, в незнакомой обстановке. А могут же быть столкновения, как показывают в новостях, во время демонстраций или когда активисты устраивают пикеты. Адели ее успокаивает: они

выбрали именно эту группу за пацифизм, конструктивные проекты и вовлеченность в жизнь местных общин. Адели всегда терпеть не могла насилие. Автокатастрофы, в которой погибли родители, ей хватило на всю жизнь.

Она уже повесила трубку. Ее ждут.

А кто ждет Капуцину?

Ее сердце растет как на дрожжах вместе с тестом на изразцовой печке, потрескивающей в гостинной.

Глава 42

Изящное приглашение

Здравствуйтесь, Адриан.

Я думала о вас сегодня.

Говорила с сестрой по телефону.

Думаю, ее глагол жизни – «спасать».

В общем, ваша теория мне нравится, но свой глагол я пока не нашла.

У меня есть предположение, но нужно проверить.

Надеюсь, у вас все в порядке?

Хорошего дня,

Капуцина.

Здравствуйтесь, Капуцина.

Я тоже о вас думал.

Вы найдете свой глагол, не сомневаюсь!

А вы почему обо мне думали?

Нужна конкретная причина, чтобы о ком-то подумать?

Впрочем, мне о вас напомнил Блум.

Мне кажется, он по вам скучает...

Какой изящный способ предложить встретиться...

Вы меня раскрыли.

Что ж.

Если захотите снова увидеться, буду рад.

Блум подтверждает – он тоже будет рад.

Глава 43

Зарождающиеся мечты

Капуцина вошла в мастерскую с улыбкой, нежно погладила предплечье Оскара и сперва включила музыку, а потом уже взялась за инструменты, в идеальном порядке разложенные на верстаке.

Она давно не чувствовала такой легкости.

Капуцина заметно продвинулась с черепом. В последние недели она работала усердней, чем обычно. Оставалась в мастерской часами, иногда приходила с самого утра и поднималась только перекусить, как будто ей вдруг захотелось побыстрее закончить и перейти к чему-то новому.

Или кому-то.

Потом она устраивается на диване в гостиной, несколько минут любит дивным видом на заходящее за гору Сент-Одиль солнце и открывает толстую книгу, которую захлеб читает последние три дня – с чашкой травяного чая в руке и зарождающимися мечтами в голове.

Капуцина наткнулась на нее случайно, увидела в витрине книжного магазина в Оберне. Это полная, если не исчерпывающая энциклопедия от истоков до наших дней, в ней есть основы как теории, так и практики, со схемами, планами и даже бухгалтерским анализом целесообразности того или иного проекта. А в самом конце – список учебных центров и контакты специалистов.

Она перелистывает страницы, делает заметки, возвращается, поднимает глаза, о чем-то раздумывая, и снова погружается в книгу. Ей хочется научиться, понять, а может, и применить на практике – кто знает, почему бы и нет.

Возможно, она бы никогда не заинтересовалась огромным томом по пчеловодству, не удивилась доктор Дидро несколько недель назад, как спокойно она сидит с пчелой в волосах.

Глава 44

Защищенная от всего

Очень люблю смотреть, как меняются мои пациенты! Я замечаю это с первого взгляда в приемной, стоит мне открыть перед ними дверь. Сразу видна их внутренняя погода. Сегодня у Капуцины после дождя наконец вышло солнце, хотя тучи еще не рассеялись. Она светится изнутри, и кажется, это солнце освещает даже хмурое ноябрьское небо с его нескончаемой моросью.

Я часто думаю о ней. Ее родители были прекрасной парой. Известные, признанные специалисты, трудившиеся на благо других. В газетах, в медицинских кругах много обсуждалось, какая это большая утрата для профессионального сообщества, для пациентов, но, кроме одной строчки в статье, нигде не говорилось о двух сиротах. Безмолвная драма. Когда ушедших оплакивает столько незнакомых людей, у самых близких словно крадут право на личное горе.

Капуцина глубоко зарыла эту печаль в своем тайном саду и засадила ее цветами ради сестры.

И сегодня я чувствую себя плугом.

– Жизнь все-таки забавная штука, – вдруг произносит она.

– Правда? Рад это слышать от вас.

– Из-за случайного стечения обстоятельств происходят удивительные встречи. Страшно представить, сколько ситуаций в считанные минуты могут изменить весь ход нашей жизни...

– Верно. Мы как деревья. Рождаемся с корнями и стволом, а дальше ветвимся, встречая новых людей и делая тот или иной выбор.

– Авария тоже была делом пары секунд.

– Да.

– Стоит ли искать в этом смысл? – спрашивает она меня.

– Как вы считаете, Капуцина?

Она задумывается. Ее взгляд затуманивается. Я не люблю, когда пациенты начинают искать причины случившейся с ними трагедии. Намеренно ли великий распорядитель Вселенной убил ее родителей? Сомневаюсь. Однако все жертвы подобных испытаний однажды

неизбежно задаются этим вопросом – почему бы и не в моем кабинете...

– По-моему, еще большее думать, что у их смерти есть какое-то объяснение, особенно учитывая, что нам оно неизвестно. Нет смысла считать, что они попали в смертельную аварию, чтобы мы с сестрой могли получить именно такой жизненный опыт. Найти смысл после испытания – не то же самое, что найти смысл самого испытания, разве нет?

– Абсолютно верно! Вам это удалось?

– Мне удалось перенять у родителей эстафету в воспитании сестры.

– Но теперь, когда она уехала, это уже неактуально.

– Нет.

– Так что? Что вы собираетесь делать теперь?

– Разве не все зависит от моего глагола? – отвечает она, улыбаясь.

Глава 45

Золотой луч

Звонила Адели, спрашивала, как дела у сестры. Я был тронут. Они разговаривали, но Адели хотела убедиться, что Капуцина не просто делает хорошую мину при плохой игре, чтобы не волновать сестру.

– Говорит, ей лучше. А ты как думаешь, дядя?

– Да, потихоньку приходит в себя. Но впереди еще долгий путь.

– Главное – двигаться вперед.

Не сказал, что мы говорили о матери Капуцины. Я не знаю, насколько Адели в курсе. Что ей в свое время рассказали, а что предпочли скрыть. Ее это не касалось. Ее растила настоящая мать вместе с настоящей сестрой. Которая сама ей все расскажет, если сочтет нужным.

– Ты-то как? Двигаешься вперед?

– Да, у нас такая движуха! Тошно, конечно, когда узнаешь, что все решает лобби, повсюду только деньги, больше ничего никого не волнует. Но это еще сильнее нас мотивирует.

– Ты ведь не вляпаешься в какую-нибудь авантюру?

– Не волнуйся. Иногда насилие необходимо, чтобы открыть людям глаза, но я в этом не участвую, это не мое, ты же знаешь. И потом, Самюэль меня защитит, если что.

– Не сомневаюсь!

Адели никогда не позволяла собой помыкать. Она не лезет за словом в карман, остра на язык и может показать характер. Бывало, что она заступалась за сестру, на одиннадцать лет ее старше. Если творилась какая-нибудь несправедливость или к ним относились неуважительно, малышка всегда выступала первой. Она росла на твердом фундаменте, а не на зыбучих песках. После ее отъезда Капуцина наверняка остро почувствовала свою незащищенность, хотя все эти годы именно она играла роль старшей сестры.

Мне это знакомо. Жан-Батист был моим младшим братом, но я всегда чувствовал, что он крепче меня. Он был моим компасом, моим

примером, моей опорой. Все, что мне не давалось, получалось у него. Я мог бы ему завидовать. Но я, наоборот, смотрел на него как на образец, хотя у меня не было и десятой доли его способностей.

Он как-то прочитал мои стихи и сказал, что я талант, золотое перо и должен писать. Он был тронут, узнав, что во мне живет такая поэзия.

Я даже расплакался в тот вечер, вернувшись в свой домишко после целого дня маторной работы на заводе. Брат нашел во мне это богатство. А мать никогда и не искала.

После его смерти кто теперь разглядит во мне это золотое сияние?

Можно светить и для себя, но, когда видишь, как твой свет отражается в глазах любимых, он словно собирается в луч и возвращается к тебе прямо в сердце.

Глава 46

Прощайте

Здравствуйте, Капуцина.

Просто хочу уточнить, в силе ли завтрашнее приглашение и во сколько.

Здравствуйте, Адриан.

Нет, вы знаете, я передумала.

Прощайте.

Не смешно.

В час у меня?

Не забудьте собаку.

Он на всякий случай решил остаться спать в машине.

Я рада.

Я тоже.

Глава 47

Сближение в молчании

Капуцина волнуется.

Настолько же, насколько радуется.

Эта сладкая смесь страха и желания перед долгожданным, но пугающим свиданием.

Она уже много знает об Адриане, но ей незнаком запах его кожи или тепло его дыхания. Они соприкасались на расстоянии. Приручили друг друга издалека. Как будто два письма встретились, выйдя из конвертов. Любовные письма без слов любви. Без намеков на влечение. Разве что очень тонких. Прячущихся в тени таких простых слов, как «смелость», «восхитительный», «вы меня смешите», «нежность», «о, вы тоже?», «решительность», «мне нравится вам писать», «когда», «почему бы нет», «случай».

Капуцина не знает, хочется ли ей почувствовать запах его кожи и тепло дыхания. Она знает только, что от одного присутствия мужчины и его собаки пустота становится не такой пустой.

В первый раз на платформе она видела Адриана, не видя его. Один из многих, одинаково безразличных к ее внутреннему коллапсу. Во второй раз она не хотела, чтобы он видел ее в таком жалком, раздавленном состоянии, с опухшими от недавнего позора глазами и подбородком, дрожащим от стыда за то, что она сидит в приемной у психиатра. В третий раз ощущение было приятнее.

Она поняла, что за эти три встречи их робких растерянных тел остальное сближалось в молчании. За эти три встречи их свела собака, благодаря своему инстинкту, без фильтров, без умысла и без расчета.

Они скоро придут. Мужчина и его собака. Они скоро будут здесь. Ей хочется, чтобы все было идеально, чтобы дом был прибран, чист и приветлив, как она сама. Хотя задача кажется невыполнимой. Ей так и не удалось приручить эту необъятную роскошную виллу с бассейном, которую она унаследовала после аварии. Плоская крыша, огромные комнаты, большие окна, белые стены, мебель на заказ. Нет, у нее с этой виллой ничего общего. Капуцина задумывается. Какой дом мог бы быть

на нее похож? На ум приходит каменная постройка на берегу ручья, посреди поляны, ухоженный сад, повсюду цветы – и уж конечно, пчелы.

Она суетится, пылесосит, подметает, моет, повторяя себе, что это очень глупо. Но все равно продолжает. У некоторых глупостей есть право на существование.

Походя она вычищает ту пыль, что засунула с глаз долой под ковер. Пыль сожалений и обид, злости на тяжелые времена.

Еще не признаваясь себе, она мечтает впустить в свою жизнь что-то новое, перевернуть страницу и начать с чистого листа. Она ловит свои мысли, пока они не улетели слишком далеко, за горизонт. Хватит строить планы в стратосфере. А то разочаруешься, если ничего не произойдет.

Но она все равно мечтает.

Возможно, об Адриане.

Глава 48

На край света

Мы общаемся вот уже несколько недель. Переписываемся. Иногда по вечерам, иногда целый день. В приемной мы больше не встречались. Диана об этом позаботилась. Как же я ей благодарен за то, что она научила меня следовать инстинктам – особенно тому, благодаря которому я дал Капуцине свой номер телефона. Я вижу, как она похожа на меня и в то же время она совсем другая. Я чувствую, что она борется, ищет выход, пытается распутать причины своих решений, понять, как она до этого дошла. Мне удастся ее рассмешить, а она смешит меня. Она очень обаятельна и доверяется мне – это видно по едва заметным мелочам. Она скромна и деликатна. Затрагивает глубокие темы и никогда не говорит о себе. Но я знаю, что привело ее к доктору Дидро и в нашу общую приемную.

Я тоже доверился ей, рассказав о своем посттравматическом синдроме и длительной терапии у Дианы. А ведь я никому не решался сказать об этом за пределами кабинета, боясь поставить людей в неловкое положение, испортить настроение, отпугнуть или вызвать ненужное мне восхищение. Это странно, каждый из нас пережил страшное испытание, в переписке мы едва коснулись этой темы, не углубляясь в детали, и все же узнаем друг друга в тысяче осколков, оставленных нашими трагедиями. Маленьким веничком мы сгребаем их в большой мешок, который с тех пор таскаем за плечами. Мы притворяемся, держим лицо, храбримся. Идем вперед, волоча за собой невидимый мешок с осколками, который весит тонну.

Я знаю, что Капуцина видит мой мешок, потому что я вижу ее.

Самое трогательное в этой нежданной встрече, в этой случайности от зайчика-попрыгайчика, наверное, то, что мы находимся в одной и той же точке нашей жизни. Мы годами жертвовали собой ради других и однажды проснулись в недоумении – а что, собственно, мы здесь делаем? Диана говорит, можно изменить настоящее, не жалея о прошлом, каким бы оно ни было. Этот путь необходимо пройти, чтобы понять, кто ты есть на самом деле.

Мои товарищи вернулись в строй, как только затянулись раны. Но не я. У меня не было на это сил. Тело восстановилось, но не разум. Благодаря переподготовке я встретился с Блумом, который мне невероятно помог. Но он не всемогущ. Я сам должен найти ответы и понять, чего хочу. Скоро моя собака уходит на пенсию, и мне придется решать. Осталось несколько месяцев на то, чтобы разобраться.

Например, что подтолкнуло меня сегодня с ней увидеться. Мы договорились встретиться у нее дома, чтобы прогуляться по виноградникам Оберне.

Район впечатляет. Все эти виллы на южном склоне холма, из которых открывается захватывающий вид. Она предупредила: «Не удивляйтесь, когда приедете, я живу в живописном районе», будто извиняясь. Я знаю гору Насьональ.

Ей неловко, потому что я живу на служебной квартире, вместе со своей бригадой. Это у нас еще новый дом. Даже соседей почти не слышно.

Подъехав к вилле, я вижу, как приподнимается занавеска. Она, улыбаясь, машет мне рукой, показывая, что сейчас выйдет.

Мне страшно привязываться.

Страшно, как бы не было слишком поздно.

Уже слишком поздно.

Я ведь поклялся, что больше не буду ни с кем встречаться, не буду рисковать.

Мне хватило одного раза. Одного гребаного раза, когда мне разбили сердце.

Если верить зайчикам, некоторые встречи происходят для того, чтобы склеить осколки. Один человек – цемент, другой – вода; если их смешать, получится раствор, который соединит все то, что разлетелось на части в наших горестях и страхах. Все, что мы носим в мешках.

Мне кажется, вместе с Капуциной мы сможем отлить из этого раствора железобетонную плиту: этот прочный фундамент сам собой образовался в момент нашей встречи. Основание, на котором можно строить самые безумные мечты.

Я успеваю помечтать обо всех этих цементных работах, пока иду от дверцы автомобиля к багажнику, чувствуя себя при этом как подросток на первом свидании.

Она открывает дверь гаража, пока я отпираю собачью перевозку. Блум пулей вылетает и несется к Капуцине. Я так и обидеться могу.

– Проходите сюда, входную дверь заклинило – ключ застрял. Не обращайте внимания на беспорядок...

У нее в гараже чище, чем у меня в гостиной!

– Вот это машина! – восклицаю я, увидев огромный полноприводный кроссовер, занимающий полгаража. – Рассекаете на ней?

– Я ею не пользуюсь, это машина отца.

– Надо бы хоть иногда ее выкатывать. Обидно, что она стоит и ржавеет.

– Для меня она слишком большая. Дядя время от времени ее берет. Я хотела ему отдать, но он отказывается. Может, вам нужна?

– Капуцина, нельзя же такое предлагать незнакомым людям!

– Мы ведь уже немного знакомы, разве нет? Я не хочу продавать ее кому попало, это все-таки машина отца.

– Нет, для машины мы еще недостаточно знакомы!

– Пойдемте, покажу вам дом, чтобы вы узнали меня получше!

– Сразу говорю: на кроссовер все равно не соглашусь.

Она улыбается и ничего не отвечает.

От огромной роскошной виллы веет ледяным холодом. Построенная на склоне холма, она расположена на нескольких уровнях, внизу – крытый бассейн. Вид из окон великолепный, просто головокружительный.

– Вы плаваете?

– Да, чтобы немного подкачать верх, а то от бега спину ломит. А вы?

– Раньше плавал, чтобы восстановить сломанную спину, сейчас меньше. Мне хватило реабилитации. Я много гуляю с Блумом, иногда бегаю.

– Можем вместе пробежаться, если хотите.

– Мне за вами не угнаться!

Она не спорит и обещает меня ждать.

Пока она готовит кофе, я наблюдаю, как она хозяйничает на громадной черно-белой кухне, и представляю, как ей живется здесь одной, среди этих необъятных пространств.

– Дом великоват для такой малышки, как я, да?

Уж не знаю, то ли она прочитала мои мысли, то ли меня выдал взгляд, то ли мы просто совпадаем по фазе – мы ведь и пишем друг другу одновременно об одном и том же. Что ей сказать? Конечно, дом слишком велик, как и машина, как и пустота, с которой ей теперь приходится уживаться.

– Может, перейдем на «ты»? – предлагаю я, сам удивляясь своей смелости.

– С радостью.

– Возможно, тебе стоит подумать, насколько этот дом соответствует тому, чего тебе хочется.

– Понять бы сначала, чего мне хочется.

– Если вдруг тебе нужен шофер для большой машины...

Она улыбается. Спрашивает, куда бы я ее отвез. «На край света» – первое, что приходит в голову. Но я молчу.

Она поставила на пол миску с водой, Блум встал и пошел пить.

Я сижу на высоком табурете с чашкой в руках. Она стоит, прислонившись к столешнице.

– Давай покатаемся, хочу отвезти тебя в одно место, которое мне очень нравится. На твоей или на моей?

– Может, на машине твоего отца?

Она не желает садиться за руль, отдает мне ключи. Я как ни в чем не бывало трогаюсь с места и доезжаю до парковки на окраине города. Остановившись, говорю ей, что если она хочет куда-то поехать, то пусть сама меня везет.

Она тихонько бурчит: «Меня поставили перед фактом, второй раз я на это не попадусь, бур-бур-бур...» – и от этого становится еще очаровательней. В конце концов, она сдается, когда я намекаю, что у Блума скоро возникнет острая нужда и будет досадно, если он справит ее в багажнике машины.

Она знакомится с автоматической коробкой передач, а я – с ее нервным хихиканьем. По привычке она то и дело хватается за рычаг.

В конце концов я кладу свою руку на ее, напоминая, что этого делать не нужно. Я чувствую, как ее замерзшие пальцы касаются моих.

Через какое-то время она осваивается, и моя рука, увы, ей больше не нужна.

Проехав еще немного, она останавливается на обочине, выключает зажигание и благодарит меня.

– Он бы гордился мной, – шепчет она с сияющими глазами.

Я сжимаю ее по-прежнему ледяные пальцы и говорю, что тоже ею горжусь. На этой стадии классического знакомства я бы никогда на такое не осмелился. Но с ней все по-другому. Просто, естественно и очевидно.

Глава 49

Когда все возвращается

Они долго бродили под ледяным солнцем. Она потуже завязала шарф, а он поднял воротник, когда задул ветер. Они много смеялись. Адриан и Капуцина с полуслова понимают друг друга, у них одинаковое чувство юмора, и один легко подхватывает то, что сказал другой. Им обоим это было необходимо: и смех, и более нежные моменты, долгие разговоры, особенно о терапии. О том, как много сделала Диана для Адриана, буквально держа его за руку все эти годы. Без этой опоры он бы не устоял. О том, что открыла для себя в терапии Капуцина и как легко ей теперь с Дени. Они обсудили супругов Дидро, которые производят впечатление такой прочной, дополняющей друг друга пары.

В конце концов они совсем продрогли под порывами пронизывающего восточного ветра, и им захотелось горячего чая.

И вот они дома, на теплой кухне. Капуцина ставит чайник, Адриан наблюдает за тем, как она достает из шкафа две чашки.

Вдруг она подходит к Адриану, молча обнимает и прижимается щекой к его шее. Блум мирно наблюдает за ними, явно одобряя происходящее. Потом вытягивается на полу, кладет морду на передние лапы и прикрывает глаза. «Можете не спешить, я пока вздремну».

Оправившись от изумления, Адриан заключает ее в нежные объятия. Сколько человечности в этом тоненьком теле. Он вкладывает всю свою нежность в порыв поделиться силами с Капуциной, подзарядить ее. И одновременно подзаряжается сам.

Его никогда еще не обнимали так спонтанно, доверчиво и просто.

Он закрывает глаза, пробуждая все органы чувств. Ощущает запах Капуцины, их тела прижались друг к другу. Момент тишины и покоя. Только стиральная машина урчит в кладовке рядом с кухней.

Никто не хочет первым размыкать объятия.

И вдруг ни с того ни с сего откуда-то из глубины в нем поднимается мощная волна. Он уже не кинолог, а солдат, и то, что он

слышит, – не гул стиральной машины, отжимающей белье, а рев вертолета, рассекающего воздух над пустыней. Вспышки образов атакуют его, мелькая перед глазами, как испорченная пленка, на которой не хватает некоторых кадров. Не руки Капуцины обнимают его, а Пьер, обхватив, тащит Адриана по песку. Вокруг кромешная тьма, из которой в любой момент могут появиться джихадисты. «Держись, мы выберемся. Алекс в безопасности в вертолете».

Блум встал и ходит кругами вокруг них.

Сердце Адриана бешено колотится. Его бросает в жар, он покрывается потом и дрожит. Извинившись, он пытается отстраниться от Капуцины, чтобы прогнать своих демонов, но она не разжимает объятия, сильнее прижимая его к себе. Волна накрывает Адриана с головой. Слезы текут из глаз, изо рта вырывается вопль, как три года назад, когда в оглушительном шуме второго вертолета, прилетевшего им на подмогу, он кричал Пьеру, что не чувствует свои ноги. Он заново проживает взрывы снарядов, поразивших вертолет за несколько минут до этого, и неизбежное крушение. Земля приближается с головокружительной скоростью. За секунду до катастрофы в голове проносится мысль о матери. Страшный удар. Неподвижное тело товарища на переднем сиденье.

Он стонет в объятиях Капуцины. Она молча принимает его страдания.

Пьер все тащит Адриана по песку, это продолжается целую вечность. Они попадают под обстрел. Вертолет подает сигнал тревоги, пронзительный и жуткий. Он улетит без них. Все происходит слишком быстро. Все смешалось. Только ощущение бешеной спешки, страха и безумия.

Ноги не держат, Адриан сползает на пол. Капуцина не отпускает его, стоя рядом на коленях. Блум, прижав уши, растерянно смотрит на хозяина.

Адриан рыдает, говорит о запахе. Смесь керосина, жженой резины и обгоревшей кожи – вероятно, его собственной. Невыносимый запах сожженной человеческой плоти, к которому он так и не смог привыкнуть на поле боя. Он приподнимает футболку и показывает длинный шрам от ожога на боку. Капуцина, так же молча, кладет на него ладонь. Нарастает шум лопастей – они приближаются к вертолету. Вихри песка, поднятого в воздух, хлещут по лицу, жгучая

боль при каждом движении пронизывает тело, закованное в амуницию. Пьер продолжает разговаривать с ним, чтобы он не сдавался. Потом он помнит, как ухватился за стойку шасси, висел на руках, обмякшие ноги болтались в воздухе. Эта зияющая пустота снится ему в кошмарах. И сейчас он заново переживает этот ужас, несмотря на присутствие Капуцины. Он ощущает тошноту и сильное головокружение.

– Я думал, что умру. Я действительно думал, что мне конец. Но остальные дождались нас. Им было не плевать, понимаешь? Мы что-то значили. Пьер вернулся за мной, хотя они могли взлететь без меня, чтобы спасти свою шкуру. Они пошли на этот риск из-за меня. За эти несколько минут мы несколько раз были на волосок от смерти.

Он плачет от осознания этого. От сплоченности товарищей перед лицом опасности. От огня, который горел в каждом из них в ту ночь и не позволил бросить своих. Тот же огонь горел в нем на перроне вокзала рядом с Капуциной – он требовал протянуть руку помощи тому, кто в ней нуждается.

Адриан делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться, обессиленный, опустошенный, изможденный. Капуцина не шелохнулась. Он постепенно приходит в себя, все еще прерывисто дыша, вытирает слезы футболкой.

– Прости. Не знаю, что произошло. На меня вдруг нахлынул поток кошмарных образов. Наверное, это то, что я ищу все эти годы. Воспоминания.

– Которые твой мозг заботливо спрятал от сознания, чтобы тебя защитить?

– Да. Твои руки... Я расслабился, и вдруг от шума стиральной машины во мне что-то переклинило. Извини.

– Не извиняйся. Я тронута.

– Надо записать, пока не забыл, чтобы показать Диане, пока все не улетучилось.

– Или чтобы наконец как следует с этим разобраться.

Капуцина встает и приносит стакан воды. Пододвигает стул, помогает Адриану сесть. Он машинально гладит собаку. Он еще не отошел, он в огне катастрофы, рядом со смертью, до которой был всего один шаг.

- Другие вернулись на фронт, а я нет.
- И что с того?
- У них хватило смелости.
- Смелость бывает разная. У тебя есть право больше не быть смелым на войне.

Адриан уйдет не сразу. Он еще долго будет сидеть на диване с прильнувшей к нему Капуциной, укрывшись толстым пледом, слушая музыку и глядя на далекие вершины гор, припорошенные первым снегом.

Он продолжает вспоминать, спокойно, без сопротивления – самая мощная волна миновала. словно под натиском вихря распахнулась дверь. Он все запишет вечером, вернувшись домой.

Прижавшись к ней, он вдруг начинает понимать столько вещей.

О себе, о других, об этом мире.

У него есть право больше не жертвовать собой ради спасения других.

У него есть право защищать себя.

И желание защищать ее.

Глава 50

Зов книги

Когда Адриан ушел, Капуцина спустилась в мастерскую. Выбитая из колеи воспоминаниями, которые в нем пробудила. Гуляя, они разговаривали об особенностях посттравматического синдрома, о том, как Адриан годами искал правду, прожитую наяву, но вытесненную из сознания. О механизмах, которые внезапно могут вернуть ее к жизни: запах, звук или ощущение, близкие к тому, что человек пережил в момент потрясения, выталкивают воспоминания на поверхность. Освободившись, эта правда перестает искать другие каналы для выражения, как, например, кошмары Адриана, хотя это не значит, что они сразу пропадут. Это было бы чудом. В любом случае он продвигается, становится спокойней, и она понимает, что имеет к этому определенное отношение. Вот смысл и найден.

Она тоже продвигается и становится спокойней. Постепенно переваривает свое самоотречение, горе, злость на то, что все закончилось, вернее, пошло по-другому. Она ведь так хотела быть врачом.

Капуцина оглядывает мастерскую, вспоминая долгие часы, проведенные за книгами по анатомии и остро заточенными инструментами. Слезы, крики, порой соблазн все бросить. Но на следующий день стойкий оловянный солдатик возвращался в строй.

Ее жизнь едва не рухнула. Мама, папа, сестра. Длинная череда расставаний. Как будто испытания посылаются тем, кто лучше других может их выдержать. Наверное, чтобы научить других стойкости. Развеять чужие страхи, показав, что можно преодолеть, казалось бы, непреодолимое.

В последнее время она изменилась. Расслабилась, улыбается, жесты стали мягче и уверенней.

В мастерской она нарочно тянет время. Чтобы закончить работу, осталось сделать всего несколько деталей. Капуцина знает, что, поставив точку, перевернет эту страницу. А ей хочется еще раз прочесть некоторые места.

Она довольно быстро возвращается наверх.
Книга по пчеловодству зовет ее.

Глава 51

Терапевтические свойства стиральных машин

Здравствуй, Адриан.

Спасибо, что пришел вчера.

Мне было с тобой очень хорошо.

Здравствуй, Капуцина.

А уж мне-то как!

Вчера вечером записал то, что вспомнилось, вроде бы собрались все кусочки пазла, ну или почти. Наверное, парочки не хватает...

Так что это тебе спасибо.

Мое сознание, наверное, надолго застряло бы в малайском плену, если бы ты не обняла меня.

И если бы не запустила стирку прямо перед твоим приходом...

Да, люди почему-то часто игнорируют терапевтические свойства стиральных машин!

И больших кроссоверов!

Не думала, что однажды сяду за руль папиной машины.

И мне это даже понравится.

Надо продолжать, чтобы не потерять сноровку!

Или нанять меня в качестве второго пилота.

Договорились, на следующей пробежке я поведу до места старта!

Когда?

Когда тебе удобно. У меня нет особых планов.

Кроме консультаций у Дидро.

В следующий четверг?

Хорошо, у меня будет время потренироваться.

Не переусердствуй...

Мы же сможем снова обняться?

Глава 52

Кинетическая энергия жизни

Мы вылетели с базы несколько минут назад. Я сижу сзади, прижав к себе автомат. Алекс, командир, и Пьер, второй пилот, – спереди. Мы должны сменить «Белку», второй вертолет, который на задании уже больше семи часов.

Прибываем на место. Этот район кишит террористами. Все происходит очень быстро, мы едва успеваем открыть огонь по обозначенным целям, как слышим удары пуль по фюзеляжу. Почти тут же отказывает двигатель. Нас подбили. Крушение неизбежно. Неминуемо. Я знаю, что все кончено. Ничего не могу сделать. Чувствую страшное бессилие. Нет времени даже подумать. Головокружительное падение, жесткий удар. Кресло командира вылетело через лобовое стекло, он недвижим. Рядом с ним Пьер кричит, что нужно выбираться, пока все не вспыхнуло. «Белка» приземлилась в нескольких десятках метров от нас. Они прилетели за нами. В этом безумии никто не размышляет. Мы действуем на инстинктах, как загнанные животные. Потому что так и есть. Джихадисты близко, скоро они придут удостовериться, что мы погибли, и добьют нас. Я подтягиваюсь на руках, чтобы вытащить себя из того, что осталось от кабины, и пытаюсь встать, чтобы помочь командиру. Мое тело не слушается. Я не чувствую ног. Пьеру удалось вытащить Алекса из кресла. Он тащит его к вертолету, тот еще жив. Я не могу ждать, пока он вернется. Второй экипаж уже наверняка заметили. У нас всего пара минут на эвакуацию. С рюкзаком на спине и набитыми карманами я качусь вслед за ними по песку в надежде догнать их, подобраться как можно ближе. Меня охватывает жуткая паника, что им придется улететь без меня, пожертвовать мной, чтобы спасти остальных, не погибнуть всем вместе. Так учат действовать в экстремальных ситуациях. Боль пронзает спину – кажется, она разрывается на тысячу кусков; возможно, я делаю себе только хуже. Смогу ли я снова ходить? Что лучше: спасти половину тела или погибнуть? У меня болит бок, похоже на ожог, в нос бьет жуткий запах взрывчатки и обожженной плоти, песка и горючего. Мне

навстречу бежит Пьер, я понимаю, что Алекс в безопасности, и думаю, что, может быть, у нас есть крохотный шанс выбраться живыми. Сквозь шум лопастей из кабины доносится сигнал тревоги. Они уже слишком долго на земле. Нужно взлетать. Немедленно. Паника. Нет времени погрузить меня в кабину. Пьер как может пристраивает меня на опору шасси, кричит, чтобы я держался, и бежит к другому шасси. Взлетаем. Меня мотает во все стороны, как на ярмарочной карусели. В детстве это было веселой игрой. Тут все всерьез. В этой игре на кону наши шкуры. Я держусь на руках, вцепившись в стойку, и на силе воли. Думаю о маме. Это ради нее я держусь. Она уже потеряла мужа на поле боя. Для нее было ударом, что я пошел в армию. Ради нее я отчаянно сопротивляюсь. Через стекло я вижу командира экипажа, пришедшего нам на помощь. Мы смотрим друг на друга. «Держись!» – читаю я в его взгляде. Я прижимаюсь головой к фюзеляжу, чтобы спрятаться от ветра, и подчиняюсь. Я держусь. Мне страшно. Дико страшно. Я уверен, что умру. Может, я уже умер, и это и есть смерть. Еще какое-то время как будто живешь с другими. По инерции, как если спрыгнуть с поезда на ходу. Кинетическая энергия жизни. Но все кажется таким реальным. Слишком реальным. И таким безумным. Я вишу на руках в нескольких десятках метров над землей под шквальным огнем боевиков. Вертолет летит на предельной скорости. Времени нет. Надо как можно быстрее покинуть зону боевых действий. С риском потерять нас в воздухе, меня и моего товарища. По крайней мере, они попытались, это уже очень много. И Алекс в безопасности. Хотя бы один. Они могли вообще улететь без нас, потому что слишком опасно, и никто не предвидел такого развития событий, и не было приказа. Потому что жертв могло быть больше. Но нет! Они вернулись, сели, позволили нам как-то зацепиться. Они делают все, что в их силах, чтобы спасти наши гребаные жизни! Спасти даже одну жизнь – не шутки... А целых три!

В моей – это самые долгие пять минут. Я ни о чем не думаю, кроме того, что надо держаться, несмотря на тряску, ветер, шум, летящие с земли пули, которые время от времени рикошетят совсем рядом со мной. Несмотря на эту пустоту под ногами, зовущую, манящую, засасывающую меня пустоту. Они со смертью в сговоре. Смерть таится на дне всех пустот в мире. Я держусь, чтобы раньше времени не свалиться с вертолета, который доставит нас в безопасную зону.

В каком состоянии, не знаю. Знаю только, что мое сердце бьется и я все еще дышу. Пьеру хватило смелости вернуться за мной. Он наверняка тоже ранен после крушения. Я восхищаюсь его силой. Я держусь и ради него тоже. Я не хочу, чтобы маме вручили мою посмертную медаль во дворе парижского Дома инвалидов, речь президента маму точно не утешит, какой бы вдохновенной она ни была.

Поэтому я держусь, хотя руки онемели, уши не слышат, ног как будто нет, а живот превратился в комок страха.

В течение этих бесконечных минут я размышляю, почему я здесь. Я думаю об отце.

Я тоже смелый.

Глава 53

Великий поток жизни

Никогда еще я так не ждал встречи с Дианой.

Я запрещаю себе до бесконечности складывать листок бумаги, который держу в руках, иначе никто не прочтет, что там написано.

Мне не терпится рассказать ей о том невероятном, что случилось со мной в объятиях Капуцины; в то же время я боюсь, как бы она не сказала, что на этом терапия подошла к концу. Однажды, конечно, придется остановиться, но не сейчас, мне нужно время.

Она не опаздывает.

Я начинаю рассказывать, не успев сесть в кресло. Сразу перехожу к сути. Как я пошел в гости к Капуцине, ее руки, стиральная машина и захлестнувшее меня цунами. Мощные флешбэки, затем успокоение, отрывки, кусочки, которые собираются вместе. Я записал все это в тот же вечер, чтобы ничего не упустить, боясь, как бы воспоминания снова не улетучились.

– Вам полегчало, когда вы это написали?

– Да. Как будто навел порядок. Все собрал: и ощущения, и факты.

– Наконец-то вы выплюнули неперевавленную жвачку, которую жевали все это время.

– Благодаря стиральной машине Капуцины.

– Если захотите сказать ей спасибо, пожалуй, не стоит представлять это именно так!

– Не буду!

Я уже достаточно знаю своего психотерапевта, чтобы заметить первые признаки очередного сбоя терморегуляции. Диана часто дышит, краснеет и начинает ерзать на стуле. Она смущенно улыбается и ищет веер.

Я протягиваю ей листок. Она разворачивает его и надевает очки. Обычно во время консультации она теребит их в руках: складывает, раскрывает, крутит, протирает, надевает, снимает. Такой мячик-антистресс. Я привык. Когда они оказываются у нее на носу, она вдруг становится спокойной, собранной и очень сосредоточенной. Я

взволнованно смотрю, как она читает. Неуютное чувство, будто я стою перед ней голый.

Поразительно, как бесстрастно ее лицо. По нему ничего невозможно прочесть. Нет ни удивления, ни облегчения, ни вопроса. Наверняка в школе она с легкостью списывала, и ее ни разу не застукали. Я так ей завидую. Мне бы тоже хотелось ощутить комфорт невозмутимости. Уметь проживать свои эмоции спокойно, не выставляя на всеобщее обозрение, как выпадающее меню на экране.

Она читает медленно. Я пытаюсь не сверлить ее взглядом, но надолго отвести его не получается. Если бы под моим креслом был люк, чтобы провалиться сквозь пол, я бы незамедлительно так и сделал.

– Расслабьтесь, Адриан, – говорит она, не глядя на меня.

Тогда я снова прокручиваю в памяти момент, прожитый в объятиях Капуцины. Я вспоминаю его не головой, а мышцами, сердцем, каждой клеткой. Я заново переживаю всю сцену так, как описывают околосмертный опыт. Я все вижу, все чувствую, все понимаю.

Когда Диана поднимает голову, я плачу. Она протягивает мне платок и предлагает считать эти слезы распахнувшимися дверями тюрьмы. Освободиться. Освободиться от того момента, когда я думал, что умру, но не умер. Упав с лошади, трудно вскочить обратно в седло и нестись во весь опор.

Блум дремлет под столом. Он, как губка, всегда впитывает окружающие эмоции, но, похоже, на ту, что переполняет меня сейчас, ему совершенно наплевать. Диана перехватывает мой взгляд.

– Он дает вам возможность разобраться самостоятельно, потому что только вы в состоянии разрешить конфликт с самим собой. А может, успокоился, так как чувствует, что разрешение близко.

Она возвращает листок и говорит, что, раз уж я жив, пора снова вливаться в великий поток жизни.

Глава 54

Половина тарталетки

Кинолог только что вышел. Блум отвлекся на ворох опавших листьев у забора.

На последней консультации Капуцина явно выглядела лучше.

Приходится признать, что встреча с пациентом Дианы этому во многом способствовала. Когда Капуцина говорит о нем, ее глаза наполняются нежностью, а иногда в них пробегают искорки. Глядя на нее, я невольно задумываюсь о понятии пары вообще, как она зарождается, функционирует, какие преграды преодолевает. Это очень важное измерение в нашей каждодневной работе с пациентами. Все пары разные. Какое счастье, когда все происходит как по волшебству. Гораздо чаще приходится иметь дело с конфликтами.

Несмотря на свое сумасбродство, Диана держит слово – она больше не заговаривала со мной об Адриане. Я решаю затронуть эту тему за чаем. Мы всегда старались так устроить, чтобы у каждого был перерыв около половины пятого. Этот нехитрый ритуал поддерживает нашу любовь и стал почти священным.

– Думаю, это была хорошая идея – немного помочь случаю. Кажется, они нашли друг друга.

– С ними как-то сразу все понятно, как с нами в лицее.

– Но терзаний все-таки больше, тебе не кажется?

– Это не делает все менее понятным. А потом, ты тоже терзался.

– А ты разве нет?

– Конечно, как все подростки.

Она протягивает мне блюдце из бабушкиного эльзасского сервиза. На блюдце лежит половина лимонной тарталетки с меренгой.

– Иногда пациенты спрашивают меня, в чем секрет долгосрочных отношений, – говорю я, откусывая кисловатый десерт.

– И что ты отвечаешь?

– Что на самом деле не знаю. Говорю о любви, общении, свободе, обновлении. А ты знаешь?

– Нет. Это одна из неразгаданных тайн бытия. Почему дети решают появиться на свет в конкретный момент, почему сердце вдруг перестает биться, почему пары не распадаются?

– А ты что отвечаешь, когда тебя спрашивают?

– Отвечаю вопросом на вопрос: «А вы как думаете?» Очень удобно. Я всегда так делаю, когда не знаю, что сказать. Ты – нет?

Я смотрю, как она облизывает пальцы, чтобы не оставить ни крошки. Смотрю на нее и люблю все так же сильно.

Глава 55

Красный помпон вдалеке

Я как будто стал легче.

Мне по-прежнему снятся кошмары, но теперь по утрам я могу оставить груз воспоминаний под подушкой. Могу встать с кровати без комка страха в животе. Или, может, страх тут же рассеивается, стоит мне проснуться и подумать о ней?

Капуцина – подарок небес. Она вернула в мою жизнь огонек, потерянный в малийской ночи. Вот уже несколько лет я вставал, не понимая зачем. Ради матери, друзей. Не для себя. Эта встреча на платформе как будто завершила фразу «встань и... иди».

Иди! Стоять на месте мало. Иди!

Я даже думаю, она говорит «лети!». Капуцина – маленький воробышек, у которого сила орла. Мне хочется спрятать ее в ладонях, и в то же время я преклоняюсь перед ней.

Наконец-то четверг.

Ночью подморозило.

Голубое небо – как раз к сегодняшнему свиданию.

Сухой холод. Прямо как мой отец.

Так его описывала мама. Сама-то она приехала из жаркой страны, и в сердце у нее солнце. Они были такими разными, но любили друг друга. Мне было десять, когда она впервые заговорила со мной о сухом холоде, и я сразу понял. Отец был человеком жестким, непреклонным, верным порядку и закону, правилам, принципам. Я долго не мог понять, как они уживались. Думаю, на самом деле он был крайне чувствителен, а его внешняя бесчувственность была результатом воспитания властным отцом, не допускавшим никаких эмоций. Когда они с мамой встретились, ей пришлось долго раскапывать под обломками его воспитания природную чувствительность, нежно принять ее и позволить это ему. С мамой он был другим. Словно на заскорузлой ветке распускались почки.

А со мной? Он воспитывал меня, как умел. Я боялся его и любил. Он научил меня быть сильным, не плакать, давать сдачи. В отличие

от него, меня воспитать черствым не получилось. Отец умер слишком рано, мне было всего одиннадцать. Может, со временем ему удалось бы научить меня закрываться, нарастить кожу. Может, когда-то давно он отрекся от себя, а в маминых объятиях нашел счастье, потому что только там мог быть самим собой.

Как я – с Капуциной.

Похоже, сегодня мы не вспотеем. Она бежит в любую погоду. Дождь ли, ветер, снег, сорокоградусная жара. «Для меня это глоток кислорода, я не могу не бегать больше двух дней», – сказала она недавно. Я даже не боюсь показаться смешным. Я знаю, что она не станет меня осуждать. Я предупредил, что могу отстать; она ответила, что побежит впереди с собакой. Он-то справится, ни секунды не сомневаюсь. Он с нее глаз не сводит.

Я ставлю машину перед домом. Это северная сторона, и на газоне вдоль дорожки с ночи лежит белый иней. Из растений только морозники бодро встретили начало зимы.

Я протягиваю Блуму, сидящему в багажнике, баллончик. Он аккуратно берет его в зубы, выпрыгивает и направляется к Капуцине, которая ждет нас возле гаража.

– Еще никогда собаки не дарили мне смазку для петель, – смеется она.

– Это для твоего дверного замка. Конфеты я ему не доверил. – Я протягиваю ей коробку.

– Боишься, сил не хватит?

– Я думал купить бананы, но не знал, как ты к ним относишься.

– Плохо, у меня бананофобия. Ты не обязан мне что-то дарить.

– Просто пытаюсь утяжелить тебя чем-то, чтобы иметь шанс выжить...

– Съедем, когда вернемся, чтобы тебя утешить!

Она уже одета. Джоггеры, толстая олимпийка поверх футболки с длинными рукавами, пестрый шарф, темно-синяя шапка с огромным красным помпоном и шерстяные перчатки.

– Ты не замерзнешь?

– Мы быстро согреемся.

Ее ухмылка должна была меня насторожить.

Мы начинаем в медленном темпе и спускаемся с холма к городу. Мне уже нехорошо при мысли, что на обратном пути, уже без сил, придется бежать в горку. Мы сворачиваем на тропу вдоль реки Л'Эн. Тут-то она постепенно переходит в атаку. Внезапно ускоряется как ни в чем ни бывало, без предупреждения. Я пытаюсь не отстать. Она уходит в отрыв. У Блума пока хватает сил бегать взад-вперед. В его глазах немой вопрос: «Что ты там застрял?» Этот без пяти минут пенсионер перестанет умничать, когда поймет, во что ввязался!

Эндорфины начинают действовать, и мне удается ускориться и догнать ее. Физподготовка в армии была не такой увлекательной. Удобная дорожка полого поднимается вдоль реки. За деревьями журчит вода. Капуцина без умолку болтает, рассказывает о горе Сент-Одиль, о том, где она бегала. Я не отвечаю. Мне не хватает дыхания. Мы пробегаем мимо деревни Отрот и поворачиваем на тропинку, которая круто поднимается вверх.

Я вижу, как неумолимо удаляются красный помпон и собака.

Я ожидал этого.

Но не так скоро.

В конце концов я перехожу на шаг.

Они ждут меня наверху, где эта подлая тропинка пересекается с дорогой. Пес устал, свесил язык, но не посрамлен.

– Гору Сент-Одиль отложим на другой раз, – заключает она.

– Я потренируюсь.

Она позволяет мне перевести дух, прежде чем мы снова стартуем по ровной дороге. Бежим рядом. Земля под ногами мягкая. Сосновые иголки как природный ковер. Мне хорошо. Капуцина дает мне заряд бодрости, появляется энергия и желание что-то сделать. В конце дорожки она предлагает сделать крюк, посмотреть на замки в Отроте. Я там не был. Она уверяет, что это недалеко. Интересно, что в ее представлении «недалеко», но чего не сделаешь, чтобы ее порадовать...

Я чуть не умер, поднимаясь за ней на этот холм, но темпа не сбавил, хотя казалось, что сил уже не осталось. Отыграюсь как-нибудь на одной из ее слабостей, чтобы показать, что нет ничего невозможного, было бы желание. Впрочем, когда мы добрались до вершины, желание у меня было только одно – дышать и еще – пить. Вода в фонтанчике ледяная. Обжигая холодом, она словно

обрисовывает контуры пищевода и желудка. Я пью, пью и дышу. Будто только что появился на свет, жадно глотаю воздух, остужая легкие. Я злюсь на нее, но в то же время благодарен. Она была права. Мне удалось не отстать. Победа. Я ведь разлюбил бегать – набегался, то по снегу в берцах и футболке под окрики сержанта, то, для реабилитации, на беговой дорожке рядом с доброжелательным, но неумолимым физиотерапевтом. Соседствующие друг с другом замки впечатляют: обветшали, но по-прежнему смотрятся внушительно. Глядя на них, можно лишь гадать, ведут они последние несколько сот лет междоусобную войну или они соучастники.

Задумавшись о замках, я понимаю, что нашел точное слово для описания наших отношений с Капуциной: соучастие. Как у двух близнецов в утробе матери, у двух гребцов на одном весле. Доверие и понимание. Немного спутанные эмоции от того, что мы стали так близки. И так быстро.

Капуцина, похоже, кое-что знает об истории замков, и я задаю ей пару дополнительных вопросов по ходу рассказа – главным образом для того, чтобы дать телу время восстановиться перед обратной дорогой в Оберне. Она, конечно, обещает, что дорога все время будет идти вниз, но километры-то никуда не денутся.

Видимо, ходить я завтра не смогу. И следующие несколько дней – тоже. Буду ковылять за своим псом, а он будет надо мной потешаться. Если сам не захромает. Ну и ладно, оно того стоило. И Блум со мной согласится – Блум, который жадно пьет воду из фонтанчика, поставив обе лапы на край и почти касаясь языком дна.

На финальном подъеме к дому, том самом, которого я опасался в самом начале, у меня окончательно отнимаются ноги, и последний лестничный пролет я преодолеваю, хватаясь за перила. Капуцина говорит, что побежит вперед, чтобы приготовить бодрящий напиток и разжечь камин. Блум удостаивает меня своим обществом. Видно, что ему этот марш-бросок тоже дался непросто. Отвык от такого.

Когда мы добираемся до дома, нас встречает улыбающаяся Капуцина. Она уже отдышалась, хотя дыхание у нее почти и не сбивалось. Она приготовила миску с водой и большой стакан с ярко-зеленой жидкостью, боюсь предположить, что это, но явно не шпинат. «Бодрящий смузи», – объявляет она. На кухонной столешнице открытая

коробка конфет. Капуцина их уже попробовала и сказала, что они классные.

Разлохмаченные волосы, влажные и сбившиеся под шапкой с помпоном, румяные щеки, глаза светятся от гордости – она сильнее всех. Вот кого я желал бы попробовать.

Я думаю о Диане. Она обязательно спросит, влюблен ли я.

Я не смогу соврать. Хотя это меня пугает.

Капуцина предлагает мне принять душ на цокольном этаже, рядом с бассейном, а она пойдет в ванную на втором. Встретимся в гостиной и перекусим. Она не оставляет мне выбора. Она приготовила гречневые блины и тирамису.

Ну, раз уж она приготовила тирамису...

Я долго стою под обжигающей водой. Большая квадратная лейка поливает меня тропическим душем. Горячая вода течет по спине, груди, ногам, голове, очерчивая как будто забытое тело. Тело, часть которого, я думал, потерял в катастрофе. Тело, истерзанное болью и ужасом, на которое я наплевал, чтобы выжить, когда я катился по земле до вертолета, умножая и без того невыносимые страдания. Тело, восстановившее после реабилитации все свои функции, кроме одной – чувствовать себя живым. Не уверен, но кажется, к тропическому дождю примешалась пара слезинок. Я думаю о Капуцине, которая сейчас тоже подставляет дождю свое тело. Что бы она подумала о моем? Привлекла бы ее моя темная кожа? Была бы она разочарована размером моего члена, который опровергает распространенные стереотипы? Я уже настолько привык к избитым шуточкам, что не могу об этом не думать.

Мысли о ней мгновенно вызывают эрекцию. От этого, с одной стороны, спокойнее, с другой – немного стыдно, что я стою, весь такой возбужденный, в душе у едва знакомой девушки. Но мне так много в ней нравится. Я делаю несколько глубоких вдохов, подставляя лицо мягким струям, затем выключаю кран и хватаю полотенце, которое она мне любезно оставила. Остатки самообладания должны справиться с взбодрившейся плотью.

Я поднимаюсь вверх до того, как она успевает спуститься. Надеюсь, она не будет спешить и наведет красоту. Не ради красоты – мне-то она нравится и после двухчасовой пробежки – мне хочется, чтобы она желала выглядеть красивой. Ради меня. Ради самой себя.

Блум развалился в гостиной. Он крепко спит, приоткрыв рот и вывалив язык на густой ворс ковра. Для семилетнего пса он был немного слишком самонадеян насчет своей формы. Она приготовила бокалы и бутылку игристого вина с медалью на этикетке. Я голоден как волк. Прихватив немного арахиса, я листаю книгу по пчеловодству, которая лежит на диване.

– Все прошло успешно?

Я не слышал, как она вошла. Передвигается тихо, как кошка. Блум проснулся при ее появлении, таращит глаза, не понимая, где он оказался, и тут же вскакивает, пожеывая пересохший язык. Ему как будто неловко, что его застали в таком неприглядном виде.

Она садится напротив и берет бутылку, собираясь открыть.

– Ты интересуешься пчеловодством?

– Мне сестра как-то рассказывала, что в той чудесной молодежной экологической общине, куда они переехали, есть ульи. И когда я увидела эту книгу в магазине, решила узнать побольше о пчеловодстве. Это целый мир, очень увлекательный и нужный.

– Заведешь улей у себя в саду?

– Здесь недостаточно места.

– Думаешь заняться этим всерьез?

– Пока не знаю. Я в раздумьях. Какое-то занятие в любом случае найти нужно. Жить как рантье на пассивные доходы мне кажется не самым достойным вариантом.

– Ты мне говорила, что отказалась от своей мечты после аварии, но так и не сказала какой.

Капуцина рассказывает, опустив голову. При упоминании об отце, выдающемся хирурге, которым она восхищалась больше всех, в глазах блестят слезы. Рассказывает, что была прилежной ученицей, в подростковом возрасте увлеклась эмбриологией, затем анатомией, часами зубрила уроки, чтобы быть лучшей, окончила школу с отличием, а через год блестяще сдала экзамены за первый курс, как раз перед аварией.

– Будущее захлопнуло передо мной дверь. Я не могла бросить Адели. Я слишком хорошо знаю, каково это.

Она делает большой глоток, подливает себе еще вина – для храбрости. И начинает рассказывать о своем детстве, о том, как ее мать ушла, когда она была совсем маленькой. Я думаю о своей. С такой

мамой трудно даже представить, что можно бросить своего ребенка. Я думал, у всех женщин после родов появляется материнский инстинкт и для них нет ничего важнее детей. Я и вообразить не могу, какую боль, потерю и чувство оставленности Капуцине пришлось испытать.

– И ты не выдержала, когда сестра объявила о своем решении.

– Скажем, я немного устала от того, что люди, которых я люблю, уходят.

Блум оказался возле нее. Почувствовал. Она смеется и плачет одновременно.

– У твоей собаки особый нюх на мои печали.

Она принимается его гладить, затем подсаживается ко мне на диван. Я распахиваю объятия. Теперь моя очередь. Мы так сидим какое-то время. Она беззвучно плачет. Скала, из которой вытекает тоненький ручеек. Я время от времени вытираю ей щеки своей футболкой. Она уткнулась лбом мне под подбородок, и я чувствую на шее ее теплое дыхание. Переплетенная нежность, как две идеально подогнанные деревянные детали, плотно прилегающие друг к другу.

Эту застывшую, подвешенную тишину нарушает громкое урчание моего наглого живота, как я его ненавижу... Она тут же вскакивает и спрашивает, с чем я буду блины.

С медом, конечно...

Глава 56

Отойти в сторону

Стремительно приближается Рождество. Ненавижу это время. Притворялся только ради племянниц. Думаю, в детстве именно этот праздник заставил меня осознать, как по-разному мать относилась к нам с братом. Некоторые родители стараются поддерживать баланс, чтобы детям всего доставалось поровну: внимания, подарков, поблажек, чтобы ни один ребенок не чувствовал себя обделенным. У нас разница бросалась в глаза. Мама всегда знала, что подарить Жан-Батисту, чтобы порадовать его, но со мной все было мимо. А отец недостаточно участвовал в нашем воспитании, чтобы это заметить. Он был дальнобойщиком, часто уезжал. Из своих поездок в Восточную Европу или Испанию он всегда привозил нам какие-нибудь безделушки. Чтобы долго не думать, дарил одинаковые мягкие игрушки или брелки разного цвета.

Этот праздник научил меня ничего не ждать.

Со смертью Жан-Батиста зимние праздники стали совсем безрадостными. Я думаю о своей мышке. Она проведет их с семьей, мужем, детьми, родителями и свекрами. Она предупредила, что ей будет трудно освободиться во время этого праздничного марафона.

Я иду под вторым номером.

Это нормально...

И больно.

*Из глубины уединенья
Виднеются твои черты,
Лицо, изящные персты
И тело – к ним мое стремленье.
В душе приятное сомненье, –
Как ты б взглянула на меня,
Будь вместе мы с начала дня, –
Оно вошло в обыкновенье.
Покой безбрежный сновиденья,
Твоих объятий полутьма*

*И жара твоего зима,
Как холодный снег на возвышеньи.
Тот час приносит облегченье,
Когда ты рядом в темноте.
Благодарю я в простоте,
Что жизнь мне дарит утешенье.*

Глава 57

Путь медоносных цветов

Сидя на большом бежевом диване, Капуцина вертит в руках телефон, надеясь, что он зазвонит.

Она все думает о вчерашнем дне. Как приятно было бегать не одной. Какой забавный этот Блум, у него все эмоции как на ладони – она никогда не видела собаки с такой выразительной мордой. О починенном замке. Решение оказалось совсем простым.

О том моменте, когда они обнялись и она излила на него бочку горя. Просто прижались друг к другу и вместе дышали.

Она снова ощущает трепет, как вчера, когда Адриан положил ей руки на плечи, пока она разогревала блинчики. Время словно остановилось – пока не запахло горелым. Они смеялись и грызли тонкие хрустящие угольки.

Ей понравилось, что ему понравился ее тирамису. Единственный десерт, который ей всегда удается. И понравилось, что он помог ей вымыть две тарелки.

Сердце сжалось, когда они уходили. Мягкие губы прикоснулись к ее лбу. «Надеюсь, до скорого». Она махала, пока они не скрылись за углом. Вернулась через главный вход, спокойная, думая о следующей встрече и даже – с благодарностью – об Адели, из-за которой забыла чемодан. Они могли бы не встретиться с Адрианом. Никогда. А ей так хорошо с ним.

В следующую секунду ей становится страшно привязаться слишком быстро, слишком сильно, быть обманутой, совершить ошибку. Она боится обязательств, того, что будет дальше, боится потерять ориентиры.

Хватит с нее сражений, взрывов и падений в пропасть. Она смотрит на книгу и мысленно просит у пчелиной королевы своим изящным танцем показать ей путь к медоносным цветам.

Глава 58

Оскар между ними

Адриан, привет.

Спасибо за приятный день.

Никогда не бегала вдвоем.

Точнее, втроем.

Что тоже неплохо...

Обнимаю!

Рад стараться!

Я тоже никогда не бегал с большим красным помпоном, маячащим вдали в качестве мотивации.

Тебе не с кем бегать?

Ты хочешь знать, есть ли у меня подружки или есть ли у меня парень?

Проблема с человеком, который понимает тебя без лишних слов, в том, что он понимает и то, что ты до конца не решаешься сказать... (Хе-хе.)

Подружки у меня есть, но они так быстро не бегают.

Впрочем, они вообще не бегают.

И у меня есть Оскар.

Он добрый и внимательный.

И много для меня значит.

Ясно...

Глава 59

Мулат

– Ненавижу себя.

Так Капуцина начинает сеанс. Я почувствовал, что она злится, еще в холле, по тому, как она встала со стула и посмотрела на меня. Тихая ярость. Беспокойство, частое дыхание, суровый взгляд. И эта складка между бровями.

– Я ведь говорила вам об Оскаре, да?

– Говорили.

– Теперь Адриан думает, что мы вместе.

– Это не так?

– Так! Но не в том смысле, в каком он понял. А он ответил: «Ясно».

Она рассказывает, что он недавно приходил в гости, они вместе бегали по лесу. Как приятно не быть одной, как они вместе смеялись, с каким удовольствием она готовила для кого-то. С каким приятным волнением сушила волосы и красилась. Ей уже давно не хотелось нравиться! Об их восхитительном соучастии.

– И когда он невзначай спрашивает, есть ли у меня парень, я говорю ему про Оскара...

– Как вы думаете, почему?

– Я запаниковала?

– Вполне вероятно. Но по какой причине?

Она надолго задумывается.

Действительно пытается найти ответ.

Я не тороплю ее. Предлагаю выпить чаю, она соглашается.

Захожу на кухню. Дианы нет. Но остался легкий аромат ее духов. Я по-прежнему не могу им надышаться. Вспоминаю, как мы встретились в лицее и как нас обоих сразу охватило это чувство очевидности и соучастия. Наш страх перед столь сильными чувствами. Но мы правильно сделали, что отдались им. Нет, я люблю ее не так, как в первый день. Эта любовь постоянно меняется. Эрос, филия, агапэ – эти

трое кружатся в танце вокруг нас, попеременно выходя на передний план.

Капуцина и Адриан сейчас находятся в самом начале этой мощной встречи. Наверняка они так же растеряны, как мы когда-то.

Я ставлю чай на журнальный столик между нами и молча сажусь.

– Раньше я была одна, и, наверное, мне страшно впустить в свою жизнь кого-то другого.

– Но вы еще не дошли до этой стадии. Почему вы заглядываете так далеко?

– Потому что, вступая в отношения, неизбежно думаешь о том, насколько человек подходит для совместной жизни.

– Вот как?

– К тому моменту, когда он пришел первый раз, мы едва обменялись парой сотен сообщений, но что-то буквально толкнуло меня в его объятия.

– Вы поддались?

– Да.

– Вам понравилось?

– Еще как. И ему тоже. Жена вам не говорила?

– Мы вас не обсуждаем.

– Он вспомнил о крушении. Это было очень сильно, и для него, и для меня, что он наконец смог освободиться.

– Так почему вы не позволяете себе думать об отношениях с ним? Пусть и непродолжительных?

– Чтобы не разочаровать его, если что.

– Если что?

– Если вдруг общение прекратится.

– А если оно продолжится? Может, превратится во что-то серьезное? Почему вы думаете, что оно может прекратиться?

– Потому что иногда все прекращается.

Она снова задумывается.

Мне нравится, когда пациенты погружаются в лабиринты своего внутреннего мира, пытаясь понять, где искать ответ. В сердце, разуме, внутри себя, в воспоминаниях, в прошлом. В этот момент внешний мир

словно замирает, давая им время разобраться, ждет. Иногда это процесс довольно жесткий, но всегда трогательный.

– Я думаю, дело в моем дяде.

– В дяде?

– Он умный, заботливый, внимательный. Он хороший человек...

– Но?

– Адриан мулат. Почти черный.

– Вы боитесь, как дядя отреагирует?

– Да. Мы с ним хорошо ладим, если не брать в расчет эту тему. Впрочем, мы ее не касаемся. Каждый думает что хочет. Но если наши отношения с Адрианом станут серьезными, будет трудно скрывать, что я к нему чувствую.

– А что вы к нему чувствуете?

Она говорит, что ее постоянно тянет к нему, будто их кожа намагничена. Хочется прижаться к нему. Просто прижаться. С ним она чувствует себя спокойней, в его объятиях находит убежище. Она сильная и боевая в глазах других, с ним же ей хочется все отпустить и побыть слабой. Сбросить груз с плеч. Расслабиться. Забыть. Больше не стремиться все контролировать. Она несколько раз говорит об укрытии, защите, о странном вибрирующем ощущении. Необъяснимом.

– К тому же он очень красивый. Матовая кожа, голубые глаза, широкие плечи, даже шрамы красивы, потому что они рассказывают его историю. Широкая улыбка и то, как он смотрит на меня, когда мы смеемся. Мы много смеемся, доктор. У нас одинаковое чувство юмора. Не знаю, как объяснить. Мы заходимся от смеха с пол-оборота. Многие наши шутки никто бы и не понял. Мне смешно от его смеха. Мы сразу улавливаем, что другой имел в виду. Мне кажется, мы просто любим смеяться над миром, над другими – это наш способ как-то их переваривать. Лучше смеяться, чем плакать.

– Плакать от чего?

Она вдруг начинает злиться и высказывает все, что думает, о людях, которые вечно жалуются на свои смехотворные страдания, постоянно ноют и ворчат по любому поводу, не понимая главного. Тех, кто не пережил и соотой части реальной трагедии, но способен отравить существование и себе, и всем, кто попался под руку.

– Кого вы имеете в виду?
– Никого, всех. Людей вообще. Общество, стадо.
– Вас сближают с этим мужчиной пережитые трагедии?
– Не знаю. Наверное. Мы оба чуть не умерли.
– Вы чуть не умерли?
– В каком-то смысле да. После аварии мне хотелось умереть.
– У вас раньше бывали такие встречи?
– Никогда. Это странно и волнительно. Как будто это было предначертано, как будто мы снова нашли друг друга. Думаю, он чувствует то же самое. Он говорил, у него такое впечатление, что мы с ним одного племени. Знаете, я увлекалась эмбриологией, и мне кажется, мы приближаемся к тому, что чувствуют близнецы. Как будто мы произошли из одних и тех же клеток. Вы считаете, мы ошибаемся? Обманываем себя? Все мечтают встретить человека, похожего на себя, и нам это только кажется?

Капуцину одолевают сомнения и неуверенность. Что абсолютно нормально. Если ты не готов, это может пугать. Некоторые пациенты в подобной ситуации говорили, что их околдовали, приворожили. Кто-то разрывал отношения, боясь, что накроет с головой.

– Ситуация с дядей кажется вам неразрешимой?
– Я не хочу с ним ссориться.
– Он вас любит, вы сами говорили. Разве он не отнесется с уважением к вашему выбору? Кто под кого должен подстраиваться?
– Я уже достаточно подстраивалась под других.
– Так позвольте другим в чем-то подстроиться под вас...
«Я уже достаточно подстраивалась под других», – сказала как отрезала. Настроена решительно. Я за нее спокоен.

Она справится.

Затем она признала, что, возможно, к лучшему, что она не пошла в медицину, учитывая, как ее раздражают люди, которые жалуются. Десять лет назад у нее бы хватило терпения. Сейчас – нет. Она говорит, что хочет отгородиться ото всех, все изменить, начать с чистого листа. Я предлагаю не торопиться, взять паузу и разобраться, в каком направлении она хочет двигаться. Слушая ее, я понимаю, что в ней кипит та же злость, что в ее сестре, то же неприятие пресловутого стада, которое ничего не понимает в будущем и тащит все человечество

в пропасть глупости, легкомыслия и саморазрушения. Но если сестра готова ринуться в бой, то у Капуцины уже нет сил сражаться, чтобы изменить мир. Она предпочитает держаться поодаль. Прижавшись к человеку, который даст ей ту нежность, которой она была лишена все эти годы.

И кто может ее упрекнуть?

Глава 60

Когда речь о ней

Здравствуй, Адриан.

Прости, что так бестактно ответила про Оскара. Это было глупо. Наверное, я просто боюсь к тебе привязаться. Я пыталась отвлечься, а получилось, что обидела тебя. Оскар для меня важен, но это не мой парень.

Я хотела бы снова тебя увидеть.

Здравствуйте.

Мы знакомы?

Не смешно...

Капуцина, я тоже хотел бы тебя увидеть.

И набить рожу этому Оскару.

Он беззащитен, это будет недостойно.

Я тоже беззащитен, когда речь идет о тебе...

Глава 61

Моя милая Мадлена

Взял с собой шерстяное одеяло, чтобы не отморозить зад. Никакая погода не заставит меня сидеть в четырех стенах. А так хоть какое-то развлечение. И покупателя не пропущу.

Сегодня холодно и ясно. Приятная декабрьская погодка. Снега все нет. В нашем детстве выпадал каждую зиму, и немало. Сейчас все не по-людски.

Моя скамейка на солнце. Дремлю, закутавшись в куртку и подперев подбородок тростью. Рукам тепло – одна из сиделок связала мне варежки. Поскольку я делаю, что моя левая нога захочет, как они говорят, им приходится крутиться, чтобы я не замерз. Я слышу, как к дому Мадлены подъехали две машины. Одна – риелтора, вторая маленькая. Надо же. Мэрия заломила за дом такую цену, что без денег не сунешься. А те, кто при деньгах, ездят на больших машинах. Вылезает девчушка. Из толстого пуховика торчат две спицы в огромных ботинках. Синяя шапка с каким-то красным пятном. Я нацепил на нос свои окуляры, но все равно далековато, чтобы разглядеть детали.

Вот они бродят по дому – точнее, по тому, что от него осталось. Парню все труднее закрывать входную дверь. Ее перекосило от холода.

Я не спускаю с них глаз, чтобы ничего не пропустить, хотя меня начинает пробирать дрожь. Жирка на мне осталось немного. Аппетит во время еды уже не приходит, так что и ем я меньше. Орут на меня, что я не доедаю, но что поделаешь, не лезет – значит не лезет.

Ну, риелтор уезжает.

А девчушка остается. Я вижу, как она обходит дом, меряет шагами участок, поднимается к лесу, пробирается вокруг заросшего пруда. Снимает что-то на телефон, раздвигает ветки, ходит туда-обратно, возвращается.

Сев в машину, она не сразу трогается.

Пристально смотрит на дом. Потом поворачивает голову в мою сторону.

Я машу ей тростью.

Она машет мне в ответ.

Уезжает.

А я остаюсь. Думаю о Мадлене. Она была примерно в таком возрасте, когда умерла.

Моя милая Мадлена.

Глава 62

Лязг засовов

Припарковавшись на стоянке, я смотрю на суровое здание, которое возвышается передо мной, и думаю о Капуцине, о наших первых сообщениях, легких, как цветы, выросшие на моих полях сражений. О том, как меня подкосила новость об Оскаре. Я не хотел в это верить. Мозг отказывался, сердце уходило от ответа, инстинкты сбились. И какое же облегчение я испытал, когда она вытащила меня из этой боли, в которую я потихоньку начал погружаться. Мне сильнее, чем когда-либо, хочется бороться за нее. И я как раз собираюсь ступить на очередное поле боя, обнесенное колючей проволокой и сторожевыми вышками, напичканное бомбами, которые вот-вот взорвутся. Но в этой тюрьме у меня есть друг, что облегчает задачу.

Я прохожу через КПП, оставляю телефон и документы в специальном шкафчике. Дежурный звонит Седрику, чтобы тот пришел за мной. Мы всегда рады друг друга видеть, даже если такая возможность выпадает нечасто. Идя по бесконечным коридорам под лязг засовов, мы вспоминаем былые времена. Мы с ним на одной волне, и я доверяю ему. Он мне тоже. Иначе никогда бы не согласился.

- Блум не с тобой?
- Оставил его в машине.
- Намордник есть?
- Он будет не в восторге, но могу надеть.
- Сходи за ним, я предупрежу коллегу. Это у нас будет отвлекающий маневр.

Пока мы идем по коридору, я рассказываю о заключенном Симоне и об эпизоде на вокзале с его братом, чья странная реакция меня насторожила. О Капуцине, о том, что мне удалось выяснить, и о своей интуиции, которая мигает красным. Историю старого Альбера пока держу при себе. Глубоко человечный и преданный своему ремеслу надзирателя, Седрик знает истории большинства заключенных.

- Жаль парня. Ему тогда только исполнилось восемнадцать, в шоке от приговора... Двенадцать лет в его возрасте, можешь себе

представить. Двойное убийство, третья жертва в тяжелом состоянии и отягчающие обстоятельства: молодой водитель, алкоголь и марихуана, превышение скорости, проезд на запрещающий знак. Плюс статьи в газетах и тот факт, что жертвы были известными и уважаемыми людьми. Ну и судьи дали ему по полной. Он скоро выйдет по УДО. Но расплачиваться будет до конца своих дней. Испортил себе жизнь по легкомыслию.

– Его кто-нибудь навещает?

– Мать время от времени. Брата я видел пару раз вначале, потом он пропал. Но позавчера вдруг снова появился. После этого Кевин закрылся, как устрица, но он и никогда о брате не говорит. Он хороший парень, я вижу, как ему туго. Я присматривал за ним, чтобы не вляпался в какую-нибудь историю с другими зеками и чтобы его не трогали. Такие ранимые ребята легко становятся жертвой отмороzków, которые есть в каждой тюрьме.

– Как думаешь, я могу с ним немного поговорить?

– Ты же понимаешь, что это не вполне законно?

– Понимаю. Но у меня не сходятся концы с концами.

– Только ради тебя.

У следующей двери Седрик приветствует коллег и представляет меня как знакомого кинолога, который приехал осмотреть учреждение на предмет проведения сеансов зоотерапии. Я говорю Блуму: «Рядом, сидеть». Мы обмениваемся с надзирателями парой фраз о его навыках и дрессировке. Блум сидит с видом побитой собаки и, наверное, выглядит так жалобно, что намордник предлагают снять.

– Собака вроде добрая и послушная, можешь снять с него эту штуку. Смотри только, чтобы не покусал никого, идет? Ну, или мы подсказем, кого именно, – добавляет он со смехом.

– Беспокоиться не о чем.

– Я покажу ему помещения, откроешь? – спрашивает Седрик.

Все заключенные оборачиваются на нас, некоторые протягивают руку, пытаясь подозвать собаку. Блум идет рядом, как велено. Его образцовое послушание особенно кстати в таких ситуациях. Я бы, наверное, никогда не смог привыкнуть к тюрьме. Здесь сосредоточена вся человеческая боль. Грохот закрывающихся дверей в конце

коридоров, крики заключенных, подозрительные взгляды, в некоторых глазах как будто видна доброта. Это отдельное сообщество внутри общества, особый мир. Безусловно, необходимый для порядка в государстве, но крайне удручающий. На лицах этих мужчин – печать табака, алкоголя, наркотиков, скитаний и заточения.

Мы идем по бесконечному лабиринту. Коридоры, лестницы, опять коридоры, в конце каждого – решетка, за ней – охранник, отпирающий ее. Громкий лязг, разносящийся вдоль стен. И моя собака проходит по этим коридорам как солнечный луч по местности, опустошенной ураганом.

– Ты сказал «зоотерапия»?

– Да, терапия с помощью животных иногда применяется в тюремной среде. Тут раз в неделю приходит одна девчонка с собакой, грызуном и попугаем. Ты не поверишь, но толк есть. Даже самые скрытные выдают эмоции, глядя собаку или держа хомячка в своих бандитских лапищах. Наша директриса открыта новому и разрешает такие эксперименты, чтобы хоть как-то скрасить жизнь заключенным.

– Думаешь, мне действительно стоит предложить свою помощь с Блумом?

– Ну, во всяком случае сегодня твоя собака запросто открыла нам пару дверей, чтобы ты мог проверить свое незаконное дельце. А там уж смотри – если тебе интересно, почему бы нет. Но никому ни слова о твоей просьбе, тут я серьезно рискую.

Мы проходим мимо учебных классов, где преподаватель что-то рассказывает группе заключенных, и попадаем в библиотеку, где, по мнению Седрика, почти наверняка найдем Кевина. Между стеллажами стоят столы, несколько человек что-то записывают. На продавленном диване в углу арестант читает «Отверженных».

– Подожди меня здесь, – говорит Седрик, направляясь вглубь комнаты.

Он подходит к Кевину Симоне, тот очень похож на брата, только черты мягче. Ангельское лицо, обрамленное вьющимися волосами. Согнутая спина, сутулые плечи – он будто хочет спрятаться в своей мешковатой толстовке. На нем спортивные штаны, как на всех заключенных, и стоптанные кроссовки. Он быстро-быстро трясет правой ногой и непрерывно трет большие пальцы рук. Парень бросает

на меня подозрительный, но не враждебный взгляд, отвечает надзирателю, который, кажется, на чем-то настаивает, потом, после проверки, садится вместе с ним за стол, положив кулак к кулаку. Друг подзывает меня. Похоже, договориться было несложно. Вероятно, хватило простого «доверься мне».

Я сажусь напротив молодого человека и делаю так, чтобы Блум оказался между нами. Кевин протягивает к нему руку.

– Можно? Не укусит?

– Можно!

Я рассказываю о Блуме, о его работе и дружелюбии. Улыбаясь, говорю, что он человечнее некоторых людей. Наблюдаю за своим напарником. Всем своим видом он старается показать парню, что тот ему нравится и его ласки приятны. Понимаю, что Седрик имел в виду, говоря о пользе зоотерапии. На какую еще нежность они могут здесь рассчитывать?

– Значит, ты скоро выходишь?

– Да.

– Наверное, рад?

– Да.

– Чем будешь заниматься на свободе?

– Учиться на каменщика.

– Нашли ему мастера, возьмет его под крыло. Кевин ответственный и трудолюбивый парень, – добавляет Седрик.

– Ну и брат, наверное, поможет? Я его знаю, мы вместе работаем, когда меня вызывают на вокзал.

Обескураженный его молчанием, утвердившись в подозрениях, я бросаю взгляд на товарища, который очень ловко переводит разговор.

– Смотри-ка, а ты умеешь обращаться с животными, пес теперь уходить не захочет!

Кевин Симоне с улыбкой смотрит на Блума, который положил морду ему на ногу. Помолчав, парень начинает говорить, не глядя на нас.

– Брат мне точно не поможет. Плевать он на меня хотел. Думает только о своей шкуре. Позавчера приходил, сказал, что какой-то говнюк сует нос не в свои дела и интересуется моим делом. Это вы?

– Я.

– Зачем?

– Скажу тебе правду... На задании, куда нас с Блумом вызвали проверить подозрительный багаж, твой брат пересекся с Капуциной Клодель – это дочь супругов, погибших в аварии, которая случилась по твоей вине одиннадцать лет назад.

Блум открыл глаза и смотрит на напрягшуюся руку, которая гладит его судорожными движениями. Кевин, кажется, поймал его взгляд и взял себя в руки, жесты вновь становятся плавными.

– Твой брат странно отреагировал, когда услышал фамилию Клодель, как будто что-то было не так. Поскольку я его немного знаю, могу точно сказать: желание помочь тут ни при чем, он действительно думает только о себе.

– Как у нее дела?

– Она справляется. Трудно, но она справляется, и ее младшая сестра – тоже.

Мы с Седриком видим, как со щеки на руку, которая все еще гладит собаку, скатывается слеза. Кевин вытирает ее быстрым, неловким от стыда жестом. Мой друг встает, заявляя, что ему нужно решить один вопрос и он будет ждать меня в коридоре. Я беру быка за рога.

– Я говорил с Альбером Петершмиттом. Он рассказал о вашей переписке.

– Под конец уже было трудно разобрать, что он пишет. И мы ее прекратили.

– Он очень сожалеет, что больше не может тебе писать.

– Вы его знаете?

– Он жил в доме на перекрестке, где произошла авария. Он не спал. Он все видел, Кевин. Все, что произошло до приезда скорой.

Глаза молодого человека следят за моими, цепляются за них, чтобы удержать то, что рвется наружу.

– Ты хочешь мне об этом рассказать?

Мы встречаемся с Седриком через пятнадцать минут.

По дороге к выходу я рассказываю ему обо всем.

– Ну и что ты собираешься делать?

- Поразмыслю о зоотерапии. Это же просто магия!
- Я все думаю как-нибудь с лошадьми попробовать, осталось убедить директрису.

Глава 63

Последняя вещь

Припарковавшись у дома Капуцины, я пытаюсь оставить в машине откровения заключенного парня, о которых вот уже несколько дней не могу перестать думать. Я просто хочу снова ее увидеть, выяснить, кто такой Оскар, обнять ее, не думая об аварии и обо всем, что там произошло. Еще меньше – о том, что она почувствовала бы, узнав тайну.

Не успел я поздороваться, как она взяла меня за руку и молча потащила в подвал. Такая решительность мне нравится. Мы на мгновение останавливаемся у деревянной двери. Капуцина стоит передо мной, не оборачиваясь, может, не решается на меня посмотреть. Она открывает двери, и мы заходим. Мне любопытно, что за срочность гнала ее сюда. Мизансцена безупречна. Единственная лампа освещает заднюю часть комнаты, выхватывая из полумрака причудливое создание. Чудесно пахнет опилками и деревом.

Подхожу ближе. Я восхищен и поражен лежащим передо мной творением.

- Он восхитителен!
- Познакомься, это Оскар.
- Оскар? Мужчина, с которым тебе хорошо?
- Ну да.

Капуцина смущенно смотрит себе под ноги, пока я со всех сторон разглядываю модель на шарнирах. Скелет как в школьном кабинете биологии, только из дерева. Благородная древесина, с темными округлыми прожилками. Груша, уточняет она. Я спрашиваю, можно ли его потрогать. Идеально отшлифованное дерево хочется погладить. Кости собраны на тонкой металлической проволоке, что придает конструкции большую гибкость. Я аккуратно приподнимаю кисть, за ней мягко следует вся рука, с легким перестуком. Невероятно гладкая на ощупь. Все детали тщательно отшлифованы и покрыты воском. Матовый блеск делает их более рельефными, почти живыми.

Я поворачиваюсь к Капуцине и протягиваю ей руку, предлагая ко мне присоединиться.

– Ты была права в некотором смысле. Он действительно часть твоей жизни.

– Но ты подумал, что...

– Признаюсь, я вдруг сразу стал как будто меньше ревновать. Почему ты мне не сказала, кто такой Оскар?

– Боялась.

– Меня?

– Себя. Ты разве не боишься?

– Чего?

– Нас.

– Страх не мешает желанию. Если бы я останавливался всякий раз, когда чувствовал страх, я бы далеко не уехал. И точно не вернулся бы из Мали. Впрочем, я бы там никогда и не оказался.

Я обхватываю ее лицо руками. На фоне моей черной ее полупрозрачная кожа кажется фарфоровой. Я признаюсь, что сейчас, например, мне страшно ее поцеловать. Капуцина приподнимается на цыпочки, чтобы дотянуться до моих губ.

Мы нежно касаемся друг друга.

– Расскажешь мне его историю?

– Мой отец начал этим заниматься в начале своей карьеры. В юности он выбирал между профессией хирурга и краснодеревщика. Хорошо, что выбрал медицину. Столько детей спас. У него были очень умелые руки, и он увлекался анатомией. Именно скелет в кабинете биологии внушил ему интерес к человеческому телу. Так что он отдавал дань Оскару своей юности. Главным образом Оскар был нужен, чтобы переключаться после операций. Оперировать на младенческом сердце – изматывающее занятие. Отец приходил сюда, чтобы оставить все свои страхи в этих кусочках дерева. Я часто сидела возле него. Мы болтали, слушали музыку, он учил меня обращаться с инструментами. Он вкладывал в это душу.

– Заметно...

– Когда он погиб в аварии, Оскар остался незаконченным, и я продолжила. Я не могла его бросить.

– Ты такая же талантливая, как твой отец, – на глаз не определишь, где ты переняла эстафету.

- Не хватало одной руки и черепа.
- Все готово?
- Почти. Закончу вторую теменную кость, и можно будет закрыть черепной свод. Но перед этим я должна сделать последнюю вещь.
- И что это?

Глава 64

Пылающая

Диана тихо плачет на нашей кухоньке.

Она поставила разогреваться еду. Из кофеварки уже струится кофе – к нашим традиционным квадратикам шоколада. Ей нравится любой шоколад, лишь бы был с характером. А мне нравится ее характер, хотя иногда бывает непросто.

Сегодня – слезы. Я подхожу и обнимаю ее.

– Правда трудно.

– Быть женщиной?

– Я сплю по пять часов в сутки, весь день потею, а уж про свои интимные проблемы не говорю.

– Я о них знаю, милая. Мне пациентки рассказывают, ты ведь не одна такая.

– Мои тоже.

– Почему ты отказываешься от лечения, которое назначил врач?

– Потому что мне страшно.

– Риск небольшой, маловероятный. А вот что ты переносишь симптомы все хуже и хуже и годами так продолжаться не может, совершенно очевидно.

– Как бы мне хотелось, чтобы менопауза проходила спокойней.

– Ну что поделать. Смирись с этой мыслью. Смирись, что не все тебе подвластно. Согласись на помощь.

После долгих пререканий она в конце концов соглашается, что я прав. Зная ее, не сомневаюсь, что пройдет еще несколько дней, прежде чем она решится принимать таблетки, которые уже неделю скучают на полочке в ванной. Главное, процесс пошел. Больно смотреть, как она безуспешно воюет со своим телом. На что мы вообще жалуемся, бедные несчастные мужчины, когда женщины переживают такое...

Я чувствую, как ее сердце начинает учащенно биться, отдаваясь у меня в груди, а тело – пылать. Она отстраняется, делает глубокий вдох и идет открывать окно.

– Кажется, Адриан пришел. Видел в саду собаку. – Я пытаюсь ее отвлечь.

- Прекрасная встреча, не так ли?
- Ты была права.
- Значит, можно попробовать еще разок?
- Может, установим квоту? Раз в год? И при условии, что ты начнешь лечиться!
- Какой подлый шантаж!
- Ты же прекрасно знаешь, что это необходимо.
- Когда к тебе в следующий раз придет Капуцина?

Глава 65

Бороться

За эти годы я привязался к Диане и с вниманием отношусь к ее самочувствию и моментам слабости. Я позволил себе испытывать симпатию к своему терапевту.

– Что-то вы неважно выглядите...

– Неужели настолько заметно? Это, конечно, уже край, когда пациент думает, что с его психотерапевтом что-то не так.

– Я вас все-таки немного знаю.

– Устала.

– Приливы?

– Их сложно скрыть. Они мешают спать. Но не беспокойтесь. Давайте лучше поговорим о вас. Что вы хотели мне рассказать?

– Кучу всего. Даже не знаю, с чего начать.

– Ваше самое сильное впечатление после нашей последней встречи?

– Губы Капуцины.

Я снова почувствовал, что такое нежность. Чистая человеческая нежность. Оазис посреди моей пустыни. То, как она прижалась ко мне в первый раз, уже напоило и освободило меня, но поцелуй – словно посреди сухих обжигающих песков забил родник. Губы – новая стадия, открывающая дверь к гораздо более волнующим ощущениям. Я говорю Диане о том, что двигаюсь навстречу Капуцине маленькими шажками. Об очевидной необходимости не спешить, не перескакивать через этапы, о ее хрупкости и ранимости и о моем страхе показаться навязчивым. Если сжать синицу в руках слишком сильно, можно помять ей крылья.

– Вы становитесь поэтом...

Рассказываю об Оскаре. В какое замешательство я пришел, услышав о нем. Это внезапное бегство показалось мне немного жестоким. Но она быстро вернулась, и теперь я лучше понимаю ее страхи и мои чувства к ней. Я действительно поверил, что у нее есть парень, и мои надежды почти рухнули, как будто та очевидность,

которую я чувствовал, была обманом. Потом я выяснил, кто такой Оскар, и сразу наступило облегчение, по всему телу разлилось тепло, из пепла возродилась надежда. И вера в то, что можно вот так случайно встретить женщину и тут же понять, что она – та самая.

– Приятно чувствовать себя влюбленным, правда?

– Я чувствую себя живым. Благодаря ей мне захотелось воссоединиться с той частью себя, что осталась в Мали. Снова стать цельным, крепким. Ради нее и ради меня. Я снова ощущаю потребность бороться.

– С кем?

– Просто бороться. Неважно, с кем и с чем. Бороться.

– Вы ощутили прилив жизненных сил? Вы говорите о ней как о зеркале.

– Я открываю себя в ее глазах. И вижу, как она узнаёт себя в моих. Как будто у нас есть ключи друг к другу, от потайных дверей.

– Как вы прекрасно описали. Что ж, во всяком случае вы сумели побороться со случаем. Бросить ему вызов. Не упустить. В этом сила по-настоящему важной встречи. Почувствовать нужный момент. И нужного человека.

Меня периодически терзают сомнения, а возможна ли такая встреча в принципе. Не слишком ли это хорошо, чтобы быть правдой? Не буду ли я страдать, упав обратно на землю? Представив себе такое развитие событий, я чувствую ту же зияющую пустоту, что и тогда, когда болтался в воздухе, вцепившись в вертолет. Но с меня хватит головокружительных падений.

– Вы удержались тогда. Отчего же сейчас должно быть по-другому?

– То, что будет дальше, зависит не только от меня.

– Опасность удариться при падении – только от вас.

– Я боюсь потерять ее, если слишком привяжусь.

– Все зависит от того, как привязаться. Не всякая связь – это кандалы. Некоторые узы можно развязать, не оторвав кусок кожи. А может, вы и не захотите их развязывать.

– А что, если наши пути разойдутся?

– Вы все равно можете хранить ее в своем сердце. Настоящая любовь не исчезает вместе с человеком.

После трех лет терапии я понимаю, что стоит потянуть за ниточку, разматывая клубок, как тут же вылезет тысяча узлов, о которых ты и не подозревал. Я каждый раз думаю о тех, кому претит сама мысль говорить о себе, потому что они не сумасшедшие, потому что от психотерапевтов никакого толку, потому что это дорого, а у них все в порядке, спасибо.

Эти сеансы помогают мне принимать важные решения.

– Я собираюсь уйти со службы. Я написал заявление об уходе.

– Вас сподвигло что-то конкретное?

– Всё разом. Объятия Капуцины, ее собственные блуждания.

С меня хватит человеческой низости, бомб, террористов и похищений. Мне нужна красота.

В оставшееся время я рассказываю ей о страшных вещах, которые обнаружились в ходе моего расследования. О встречах со стариком свидетелем и с молодым Симоне в тюрьме.

– Сначала я подумал, что у старого Альбера поехала крыша, что он выдумал всю эту историю, – пока он собирал газетные вырезки и переписывался с обвиняемым, она могла стать его навязчивой идеей, чем-то очень личным. Но Кевин подтвердил, что все так и было. Его волнение, когда он мне это рассказывал, говорило за себя.

– Ничего не понимаю. Похоже, вам придется объяснить подробнее.

Она встает, на несколько секунд открывает окно и просит меня продолжать.

– Когда произошла авария, Альбер Петершмитт еще не спал. Он читал, сидя в кресле в гостиной, окно которой выходит на улицу. Удар был такой силы, что он подпрыгнул и выронил книгу. Естественно, насторожился. С трудом встал, опираясь на трость. Больное колено причиняло ему сильные страдания. Перед тем как приоткрыть штору, он выключил свет, чтобы лучше разглядеть, что происходит снаружи. Разбитый автомобиль превратился в груды покореженного железа. Машина, которая в него врезалась, была мощнее и выдержала удар. Капот был смят, но салон практически не пострадал. С водительской стороны вышел мужчина, потом вышел пассажир, он явно был в шоке. Держался за дверцу, чтобы не упасть. Водитель пошел осмотреть

разбитую машину. Альбер подумал, что он хочет узнать, сколько там пострадавших, и вызвать скорую. Водитель подумал, направился к пассажиру, который держался за живот, и за шиворот поволок его на водительское место. Альбер слышал растерянный вопль: «Что ты делаешь?!» и рывканье: «Закрой рот!» Водитель сел на место пассажира и стал ждать. И все. Альбер не знал, вызвал ли тот скорую помощь из машины, поэтому сам с трудом добрался до телефона на кухне и набрал номер экстренной службы. Он хотел спуститься, но нога болела слишком сильно. В гостиной он снова выглянул в окно и вдали, на дороге, которая спускалась с холма, увидел синие огоньки скорой, она ехала из ближайшей деревни.

Диана с грохотом захлопывает окно. Садится в кресло и смотрит на меня, потрясенная услышанным.

– Они даже не пытались спасти тех, кто находился в другой машине?

– Очевидно, нет.

– А те были еще живы?

– В протоколе написано, что мать скончалась на месте, отец – сразу после приезда скорой, третья пострадавшая получила очень серьезные травмы. Мне не удалось ее найти. Знаю только, что после аварии она перестала значиться в реестре медицинских работников. Ее жизнь тоже пошла под откос, я не интересовался подробностями. Альбер слышал через открытое окно, как врач скорой помощи говорил жандармам, что мужчину, вероятно, можно было спасти, подоспей они на пару минут раньше.

– Но зачем они поменялись?

– Кевин сказал, что брат напился, выкурил несколько косяков и проехал на знак «Стоп» на полной скорости. Что он хотел работать в правоохранительных органах, а с судимостью нельзя. Поэтому он подставил брата, принес в жертву.

– Кевин сам принес себя в жертву, разве нет? Он же мог отказаться.

– Он был в семье паршивой овцой, плохо учился, замкнутый, слабый. А Ивон всегда громко выступал, всеми манипулировал, включая родителей, чтобы добиться своего, а младшего брата смешивал с грязью, и тот его боялся. Все произошло очень быстро, от потрясения у Кевина кружилась голова. Он едва стоял на ногах и не мог сопротивляться. Когда приехали жандармы, было слишком поздно. Они

увидели его за рулем с пристегнутым ремнем безопасности – брат поставил жирный крест на его будущем. И поскольку Кевин тоже пил, курил травку да еще был молодым водителем, то получил по полной. Когда мать навещала его в изоляторе, он пытался рассказать ей, что произошло. Но она не поверила и укоряла его, что он пытается переложить вину на старшего брата. Ивон, естественно, уже изложил ей официальную версию событий. И Кевин понял, что ничего не докажет.

Диана молчит. Она переваривает услышанное, как и я в свое время. Я рассказываю ей о переписке Кевина со стариком. Тот так и не признался, что все знал, он просто хотел поддержать парня в годы несправедливого заключения, помочь ему сохранить связь с миром через эту болтовню обо всем и ни о чем. Он единственный, кроме Ивона Симоне, знал, что Кевин сидит ни за что.

– Переписка – это, конечно, трогательно, но, если бы он заговорил, парень не провел бы столько времени за решеткой.

– Никто не задавал ему вопросов. Никто не опрашивает свидетелей, когда факты кажутся очевидными и есть признание обвиняемого. Прибыв на место, полицейские увидели Кевина за рулем, пристегнутого. Кто бы поверил Петершмитту, даже если бы он вышел и начал утверждать обратное? Все решили бы, что старик выжил из ума.

– Ну и история! Капуцина в курсе?

– Нет. Не знаю, стоит ли ей говорить.

– Что ж, оставляю вас поразмыслить над этим. Нам пора завершать сеанс. Лично я бы ничего ей не говорила.

Глава 66

Безобидный скелет

В приемной появилась небольшая елочка – традиционный подарок хозяйки в середине декабря. Жене нравится ее наряжать. В этом году она украшена красными шарами и большими белыми перьями. Нежно мигает изящная гирлянда. Наверное, нарядила елку вчера вечером, пока я был на бадминтоне.

Переключаясь с темой елочных украшений этого года, Капуцина легка и воздушна. Словно порхая, она проходит в кабинет, жмет мою руку, садится в кресло напротив. Я замечаю, что пациенты физически распрямляются, по мере того как отпускают то, что их тяготит.

– Я познакомила его с Оскаром.

– Они поладили?

– Он нашел его очень милым. И главное, безобидным.

Мы смеемся.

Она рассказывает о том, что почувствовала, когда Адриан ее поцеловал. О его таких желанных губах, о запахе, которым не могла насытиться, сладостном, как первый вдох. О совершенно новом для нее внутреннем трепете, от которого она почувствовала себя живой. О постоянной потребности прижаться к нему, большей, чем просто влечение.

– Вы будете смеяться...

– Конечно, нет. Говорите как есть.

– Когда он меня обнимает, мне кажется, что я в гнездышке.

– Значит, вы что-то такое вынашиваете – точнее, высиживаете.

– Вы все-таки издеваетесь!

Она снова смеется.

– Вы ему сказали?

– Да. Он ответил, что все дело в его глаголе жизни. Они определили его с вашей женой.

– Ей нравится находить глаголы людей. Вы знаете свой?

– Нет. Я думала, «лечить», но все больше в этом сомневаюсь.

Капуцина изменилась. Как будто присутствие этого мужчины помогло ей наконец перевернуть печальную страницу. В нем она нашла

защиту, которую потеряла со смертью отца. Моя задача – показать ей, что она может не зависеть от Адриана, построить с ним здоровые отношения.

– Откуда эта потребность в защите?

– Наверное, в детстве мне не хватало защищенности. Моя мать была не создана для воспитания детей, какая уж там защита... Когда Адриан рассказывает мне о своей матери, я понимаю, сколько я недополучила.

– Вы думаете о ней?

– Часто. Думаю, что с ней стало, вспоминает ли она обо мне, раскаивается ли, есть ли у нее другие дети. Как бы я отреагировала, если бы она появилась.

– У вас есть ответ?

– Нет.

– Вам хотелось бы этого?

– Не знаю. Мне трудно не злиться на нее. Трудно понять, почему она меня бросила. Отец умер, с этим ничего не поделать. Он любил меня, и это навсегда останется со мной. Но моя настоящая мать жива, и ее нет рядом. Это еще хуже. Пока она жива – я брошена ею. Наверное, я просто хочу перевернуть эту страницу, эти страницы, всю эту книгу и написать новую. Сохранить главных героев и изменить сюжет.

– А кто главные герои?

– Сестра, дядя, Адриан, несколько друзей. Может, это и есть ключ к освобождению. Придумать новый рассказ, действие которого начнется прямо сейчас. Перестать быть девочкой, которую бросила мать и у которой умер отец, оставив ее с младшей сестрой на руках. Я не хочу больше определять себя так.

– А как бы вы себя определили?

– Как свободную старшую сестру, как женщину, которой хочется, чтобы ее любили. Я хочу сама решать, добиваться, а не проживать то, что мне предназначено судьбой.

Как же я рад видеть ее такой решительной, готовой броситься в бой. Жаждающей обновления.

– Я ездила смотреть один старый дом, в абсолютной глуши, по другую сторону Вогезов – природа и простота. Я больше не чувствую себя дома в этой громадной роскошной вилле с бассейном,

но без души. Души отца там точно нет. Еще я почитала о пчелах и пчеловодстве, нашла курсы и записалась. В мае начинаю.

Я заканчиваю сеанс, взяв на вооружение для других пациентов идею о том, что можно написать книгу заново.

Глава 67

Когда все выстраивается

Вот уже несколько недель улицы гудят, магазины мигают праздничными огнями, а на площади перед мэрией открываются ярмарочные киоски. Рождественский рынок в Оберне пользуется популярностью: сюда приезжают издалека, чтобы побродить, выпить глинтвейна, купить конфет, домашние паштеты, деревянные, глиняные, матерчатые украшения и сантоны – фигурки святых для вертепа. Колокольня подсвечена разноцветными прожекторами, из громкоговорителей звучит музыка. Рождество в Эльзасе – целое искусство.

Адели рада вновь ощутить эту атмосферу волшебства. Она приехала накануне вечером. Самюэль отправился к родителям. Семейная передышка в их ежедневной борьбе за планету.

Когда Капуцина проснулась, сестра еще спала. Старшая всегда вставала рано, как будто спать по утрам – это пустая трата времени. Она была счастлива и тронута, что младшая приехала провести с ней Рождество.

Накануне на вокзале Капуцина встретила цветущую радостную девушку с гордо поднятой головой. Преобразившуюся, счастливую от того, что она делает. Целый вечер они говорили о климате, местной солидарной экономике, прямых поставках, преступных транснациональных корпорациях, об уже принятых и предстоящих мерах. «Знаешь, Кап, атмосфера там одновременно серьезная и праздничная. Мы верим в это. Мы боремся. И есть результаты».

Капуцина наконец смогла рассказать сестре, как волновалась за нее все эти годы. Какой шок она испытала, когда Адели бросила то, от чего ей самой когда-то пришлось отказаться. О своем ощущении, что все впустую.

Капуцина больше не осуждает младшую сестру – восхищается ею. Адели сумела решительно сделать выбор, а сама она с трудом строит планы. Хотя что-то начинает вырисовываться.

Было нелегко вслух высказать на одной из консультаций сложную смесь чувств к сестре, которые долгое время зрели в Капуцине.

Конечно, любовь. Движимая безусловной любовью, в ночь аварии она не задумываясь пообещала заботиться об Адели. Но и обида тоже. Невзирая на сильную привязанность, она злилась на нее просто за то, что та существовала. Эта тяжкая двойственность вызывала чувство вины. Признание и ответ специалиста, что это абсолютно нормально, но что теперь она может убрать обиду в дальний ящик, оставив одну любовь, – сняли с ее души огромный камень.

Ей пришлось одной заменить обоих родителей, да еще в таком юном возрасте. Она старалась изо всех сил, по своим меркам. Адели наплевала на эти мерки, выбрав другой путь. И когда воспитанная ею младшая сестра отказалась от успешной карьеры, Капуцина приняла это как свой личный провал. «Но, Кап, именно ты научила меня бороться за жизнь, этим я сегодня и занимаюсь. Вот самое главное из всех достижений».

Капуцина плачет, и вместе со слезами утекает пресловутая обида. Она отпускает ее, оставляя любовь, одну лишь любовь.

За чашкой дымящегося чая Капуцина вспоминает круговерть недавних событий. Как от решения сестры скрутило желудок, свои слова, действия, падение и попытки выкарабкаться. Как потом, работая с доктором Дидро, поняла причины столь бурной реакции. Какой огромный шаг благодаря ему она сделала к пониманию и принятию себя, начала двигаться вперед. Сегодня она отреагировала бы по-другому. Сегодня она бы не забыла в поезде чемодан, потому что ее мир не рухнул бы от того телефонного звонка. Воскрешая в памяти все случившееся за последние недели, она понимает, что каждый элемент был неслучаен, все они выстраиваются в упорядоченную цепь, даже забытый чемодан, потому что из-за него она встретила Адриана.

Пусть иногда приходилось нелегко, это было необходимо. Она держалась, держалась, держалась все эти годы. И должна была наконец ослабить хватку. Сейчас все успокаивается. После шторма еще ходят большие волны. Но волны есть всегда, они могут и качать, и нести, не только топить.

Капуцина думает об Адриане, который уехал на Рождество к матери в Лион. На Новый год он вернется. «Я свободен, если вдруг у тебя нет никаких планов», – бросил он невзначай.

Капуцина никогда по-настоящему не праздновала Новый год. В восемнадцать лет, когда другие ночь напролет пьют, танцуют с друзьями и ложатся под утро, она сидела с младшей сестрой. А когда Адели сама доросла до новогодней пьянки, друзья Капуцины успели стать родителями и сидели по домам со своими малышами.

Адриан предложил ей милую программу: никаких безумств, просто провести время вместе. Посмотреть хороший фильм, прогуляться ночью и полюбоваться фейерверками, а можно и поплавать в бассейне, раз уж он есть. Ночное купание? Они оба развеселились от этой мысли.

Адели проснулась какое-то время назад. Она хотела немного побыть одна в своей комнате. Она листает детские фотоальбомы, и фотографии плывут перед глазами. Иногда ей кажется, что после аварии она превратилась в бульдозер. Она идет напролом, без колебаний и зачастую без особой деликатности. Она винит себя за то, что была груба и с Капуциной, и с одноклассниками. Но она тоже справлялась с трагедией, как могла. Ей хотелось бы быть мягче, уметь скруглять острые углы. Она делала, что могла. Некоторые бунты справедливы, другие – лишь отказ принять неприемлемое. С течением времени она постепенно примиряется с собой, во многом благодаря любимому человеку, и очень надеется, что Капуцине удастся сделать то же самое.

Адели вытирает слезы и убирает альбомы на розовую этажерку, напоминающую ей о том, что когда-то она тоже была маленькой девочкой, такой же, как и все, милой и беззаботной, любила единорогов и блестки. Комната сохранила следы ее беспечности, и всякий раз, возвращаясь сюда, она их отыскивает, как археолог, бережно расчищающий камни в поисках крошечных деталей прошлого.

Наконец она спускается вниз в старом фланелевом комбинезоне в радужную полоску, который нашла в шкафу и который ей по-прежнему впору. Она спала как сурок. Завтрак готов. Чай заварен, тосты еще теплые. Она молчит. Капуцина смотрит, как Адели намазывает масло. Долгие годы за нее это делала старшая сестра. Ей нравилось радовать младшую простыми мелочами. В обмен на гигантский бутерброд или вафлю с сахаром она получала широкую улыбку, которая придавала ей сил. Капуцина любит прекрасной

молодой женщиной, в которую превратилась Адели, и понимает, что спокойно может оставить в прошлом свою роль матери и отца и быть просто сестрой.

– Я кое-кого встретила.

– О! Кап, я очень за тебя рада. Все серьезно? Давно?

– Несколько недель, но он успел стать для меня важным человеком, а я – для него.

– Познакомишь?

– Смотря когда ты уезжаешь.

Адели пробудет недолго. Буквально пару дней. Она собирается со своим парнем в какую-то Богом забытую деревушку в Альпах, пожить в ветхом домике с печкой.

Капуцина сообщает, что хочет продать дом. Построить что-то новое в другом месте. Начать с чистого листа.

– Чем ты займешься?

– Пока не знаю. Но мне нужно твое согласие на сделку.

– Ты уверена, что хочешь его продать?

– Ты хочешь его оставить?

– Нет. Слишком большой, слишком роскошный. Знаешь, мы с Самюэлем склоняемся к тому, чтобы жить в мини-доме или фургоне, так что гигантская вилла с бассейном на склоне Насьональ – это не мое. С нашими идеалами как-то не сочетается.

– Не будешь скучать по отчужденному дому?

– Я учусь не привязываться к материальным вещам.

– Половина твоя. Этих денег вам надолго хватит. Думаю, что страсбургскую квартиру все-таки стоит оставить.

– Можем сдавать студентам, если хочешь.

Конечно, хочет. Капуцина знает, как туго с жильем в Страсбурге. О старом доме в глуши она не сказала. Слишком рано. Нужно все хорошенько продумать, потом уже делиться.

– Как его зовут?

– Адриан.

– Чем он занимается?

– Бывший военный, раньше был снайпером, а теперь кинолог в жандармерии.

- Ого, ничего себе!
- Он только что уволился. Эта работа ему больше не подходит.
- А ты ему подходишь?
- Мы отлично понимаем друг друга, и нам хорошо вместе. Он был там, на вокзале, со своей собакой, когда я пыталась забрать у полицейских свой чемодан.
- Симпатичный?

Капуцина ищет фотографию в телефоне. У нее только один его снимок. Во взгляде довольство и усталость, смесь упрека – зачем, мол, его фотографируют – и искренней улыбки. Это было сразу после душа, после пробежки. Эндорфины и обжигающая вода смягчили его черты. Она несколько секунд рассматривает фотографию, затем поворачивает экран к Адели – первой, кто о нем узнает. Она еще никому не говорила, кроме доктора Дидро.

- Очень симпатичный.
- Я собираюсь сказать дяде сегодня вечером.
- Ты же знаешь, как он отреагирует?
- Что ж теперь, скрывать?
- Нет, конечно, ты права. Я просто говорю, чтобы ты не расстроилась и не удивилась. Может, хотя бы не во время аперитива?
- Дождусь десерта.

Еще никогда Капуцина не чувствовала такой близости с сестрой. Новое удовольствие от легких сестринских отношений говорит о том, что пройден большой путь. И она пойдет по нему дальше. Расчистит и другие свои внутренние джунгли. И другие страхи предстоит прогнать или приручить, чтобы превратить их в движущую силу.

Вчерашние долгие разговоры с Адели, статьи и цифры, которые сестра присылает ей с тех пор, как переехала, заставляют Капуцину задуматься. Раньше она не осознавала всю серьезность положения дел в мире, сосредоточившись исключительно на сохранении уцелевшего семейного кокона, хрупкого, как треснувшее яйцо, которое нужно очень осторожно высиживать, пока не вылупится птенец. И вот ее сестренка, этот вылупившийся птенец-завоеватель, уже бросается в бой, скачет и клюет всех, до кого может дотянуться. У Капуцины нет и не будет

такого боевого характера и уверенности в себе. Но у нее есть другие возможности, таланты и стремления.

Трепетать.

Дышать.

Творить, действовать. Перебороть страх того, что все может оборваться.

Не спешить.

Глава 68

Танцевать

Мама невероятно трогательна. С момента моего приезда она только и делает, что меня балует. «Ты так редко бываешь, кто еще о тебе позаботится!» Целый час варила горячий шоколад. Нашла на рынке футболку, которая совершенно точно мне пойдет. Купила Блуму игрушку. Ворчит, когда он путается у нее под ногами на кухне, но украдкой так и норовит сунуть ему под столом кусочек пожирнее. «Мама, я все вижу!» Я непреклонен. Она хмурится, как наказанная девочка, и тут же заливается смехом.

На Рождество съезжается семья. Тетя, двоюродные братья и сестра, которые тоже живут во Франции. Другая тетя с семьей будут праздновать в Сенегале. Мы договорились созвониться вечером. Мама собирается готовить яссу из курицы с лаймом, пюре из батата, рис и всякие десерты. Много жира, много сахара, много любви.

Я опять объемя, как всегда, когда приезжаю к ней в гости. Отец был худой как палка. Отцовские гены спасают меня от ожирения. Радио работает с утра до вечера, и мама целый день подпевает заводной музыке. Она поет, когда готовит, моет посуду и пылесосит. После смерти отца это ее противоядие от горя. То, что раньше она просто любила, теперь стало необходимостью. Кажется, они познакомились на танцевальном вечере, когда он был в командировке. Она пела в местной группе. И с тех пор больше не расставались. Мне нравится их история, несмотря на грустный конец.

Мама потребовала, чтобы я отдыхал, пока она готовит ужин, я сижу в углу кухни и наблюдаю, как все ее округлости перемещаются вслед за ней с небольшой задержкой. Она одаривает меня широкой улыбкой – ей абсолютно плевать, что я думаю по этому поводу. Ее большая грудь колыхается в декольте. Грудь, которая обильно питала меня больше года. До полугода я набирал по килограмму в месяц. Она называла меня «мой Будда». И кормила меня повсюду, не обращая никакого внимания на косые взгляды. Она всегда держалась с невероятным апломбом. Наверное, именно это и привлекло отца, затаятого в подполковничью форму. Его Эмилия, которую он встретил

во время военной операции и на которой во Франции женился, была цветком в его винтовке, насмешкой над дисциплиной и аварийным выходом из жесткой иерархии.

У Капуцины маленькая грудь, едва заметные бугорки, обтянутые спортивной футболкой. Я думаю о том дне, когда, возможно, познакомлю ее с мамой. Я знаю, что она скажет. «Этого кузнечика надо подкормить. А то ее сдует ветром».

Капуцина и есть ветер.

Глава 69

Пересекающиеся жизни

Не люблю опаздывать. Наверное, привык на заводе – там отмечают, когда пришел, когда ушел. Поэтому у меня все четко организовано, особенно на кухне. И уж тем более если дело касается праздничных блюд, долгих и сложных в приготовлении.

Я приготовил индейку с гарниром. Останется только разогреть. Я всегда заказываю ее в мясной лавке у мэри. Там меня знают. Знают, что мне нужно. Немного колбасного фарша, шпик и топленое сало. Пакет готов, даже говорить ничего не надо. И каждый год молодая кассирша все-таки спрашивает, не забыл ли я каштаны. Нет, не забыл, я их готовлю сам. Одно из удовольствий моей одинокой жизни – собирать их осенью в лесу. У меня есть свои секретные места, куда никто не ходит. В часе ходьбы от Сен-Набора растет огромный каштан, который всегда дает крупные плоды. Я их надрезаю и жарю на дровяной печи, а потом очищаю от кожуры, обжигая пальцы. И замораживаю, чтобы был запас до следующего года. С красной капустой очень вкусно. Еще будет пюре. Адели требует на каждое Рождество «маленький вулкан». Я должен большой ложкой выкопать кратер и до краев наполнить его соусом. Надеюсь, ей никогда не надоеет эта маленькая радость.

Девочки готовят закуски и десерт. После аварии мы всегда празднуем Рождество втроем. Три потерянные души вместе всяко лучше, чем один грустный Робинзон.

Перед тем как выехать к Капуцине, я получил сообщение от своей маленькой мышки. Думает обо мне, пишет, что ей было бы гораздо приятней встретить Рождество со мной, чем со своими свекрами. Надеется, что я хорошо проведу время с племянницами. Скучает.

Иногда я думаю, лучше все это прекратить, чем так тосковать по ней. Разочарование и обман причиняют слишком сильную боль. Я обещал ей не добиваться, чтобы она ушла от мужа, а просто ждать. Но очень больно надеяться на то, чего никогда не произойдет. Упрямитесь, когда все прекрасно понимаешь. Она счастлива с ним, я несчастен без нее. Но я не могу решиться ее бросить. Отказаться от ее

горячего тела, хоть я и прикасаюсь к нему пять раз за год. От трогательных, опьяняющих, успокаивающих сообщений. От ее присутствия в моих мыслях.

Вот уже одиннадцать лет я не позволяю себе встретить кого-то еще. Одиннадцать лет наши жизни пересекаются, не соприкасаясь по-настоящему. Коллеги подкалывают, племянницы дают советы, все отправляют меня на сайты знакомств, предлагают познакомиться с разведенной знакомой или поехать в тур для одиночек. Никто не знает о ней. Она мой потаенный секрет, мое спрятанное сокровище. Говорить о ней – значит все испортить. Некоторые вещи ценны тем, что существуют только для тебя, ни для кого другого. Да и кому сказать? Изменять стыдно. Подло сбивать с пути истинного замужнюю женщину. Вовлекать в отношения, в которых ей хорошо.

Иногда мне хочется, чтобы она сама прекратила наш роман. Мне было бы легче. Я смог бы распоряжаться своей свободой, не чувствуя, что предаю ее. Не я был бы виноват в том, что все закончилось. Не я был бы причиной горя. Это я играл бы красивую роль безутешной вдовы. Ты меня бросила, сам бы я не ушел. Наконец-то я смог бы погрузиться в депрессию, оставшись один на один со своей пустой пресной жизнью. Она – мой сахар, соль и специи. Она придает мне вкус. Она винит себя, что, оставаясь с мужем, не может дать мне то, чего я хочу. Я для нее вишенка на торте. Добавка, чтобы потешить себя, когда все есть. Может, однажды ее чувство вины перевесит, и мы положим этому конец.

Может быть.

Тогда я сделаю сборник всех своих стихотворений и подарю ей на прощание. Чтобы вспоминала обо мне, о нас. О наших безумных взглядах и украденных мгновениях.

О том, что могло быть и чего не было.

*Голос сладкий усыпит,
Если снова я не к месту,
Смелости забуду жесты,
Одиночеством разбит.
Ты в объятиях чужих.
Я в лесу, как дуб бездомный,
Брошен, предлагаю скромно
Свить гнездо в ветвях моих.*

*Сердце без тебя болит,
Словно пес его кусает,
Жизнь мученье доставляет,
Грудь желанием горит.
В грезах – милая моя
На привале королевском.
Но в твоём камине с треском
Поддаю лишь жару я.*

Глава 70

О!

Пока никто не пришел, я рассказал маме. Предпочитаю сообщать такие вещи в узком кругу. А потом, еще слишком рано делать официальные заявления. Она обернулась ко мне и рассмеялась сквозь слезы.

– Наконец-то! Наконец-то ты решил вернуться в мир живых! Любовь – это жизнь, мой милый. Как ее зовут?

– Капуцина. Не увлекайся, мам, мы только познакомились.

– Капуцина – это же настурция, мой любимый цветок! Значит, она точно красавица.

Мама засыпала меня вопросами. Как я с ней познакомился, добрая ли она, умеет ли готовить, веселая или нет, чем занимается, умеет ли танцевать, познакомился ли я уже с ее родителями, когда собираюсь ее привести. Пришлось объяснять. Про аварию, младшую сестру, про все эти годы, словно взятые в скобки. Обронив короткое «О!», она какое-то время молчит.

– Смелая она, выходит. Как ты! Лучшее из качеств.

– Мам, еще хочу сказать тебе, что ухожу со службы. Я думал об этом с момента аварии, а в последнее время все как-то ускорилося, и я принял окончательное решение.

С ее губ срывается еще одно «О!». Что оно значит, я не понял. Может, она и сама не знала. В нем было одновременно и облегчение, и тревога. Мама всегда за меня волновалась. Сначала армия, потом жандармерия задавали жесткие рамки, что идеально для такого раздолбая, как я, сверхчувствительного и неровно учившегося в школе. Встав в строй, я быстро научился приказы ставить выше эмоций. Особо чувствительные справляются как могут. Приходится объяснить маме, что маятник качнулся в другую сторону.

– Что ты будешь делать?

– Пока думаю. Блуму ведь пора на пенсию, ты знала? Я его беру себе. Как с ним можно расстаться? Думаю, мы еще натворим великих дел. Я в поисках.

– Ты всегда хотел защищать других. Двоюродных братьев, одноклассников, с самого детства.

– Я знаю, мам. Мой психотерапевт то же самое говорит. Защищать можно по-разному.

– Да и после школы, помнишь, когда тетю Фелисите бил муж. Тебе было четырнадцать, ты хотел поехать в Сенегал, набить морду этому негодяю. Еле тебя остановила. Ты бы и впрямь поехал.

– Я помню. До сих пор думаю об этой истории. На свете столько людей, которых некому защитить.

– Знаешь, может, и ты один из них. Как твой отец. У него были свои слабости. Хватит у твоего цветочка сил?

– С лихвой.

Прижав к груди, мама принимается качать меня во все стороны. Ее тело похоже на большую уютную пуховую перину. И чем крепче она обнимает, тем плотнее обволакивает этот кокон. Хочется спрятаться в него целиком, как дети зарываются под одеяло, из-под которого слышны лишь далекие приглушенные звуки внешнего мира. Потом она попросила показать фотографию. У меня есть одна – и только потому, что прямо перед этим Капуцина сама меня сфотографировала. Она стоит, прислонившись к кухонной столешнице, и смеется. Волосы еще не высохли, легкий макияж, глаза радостно блестят. Я только что сказал ей, как благодарен зайчикам-попрыгайчикам, что привели меня на платформу номер три, но, по мне, лучше бы у нее было какое-нибудь другое хобби: петанк, например, или настольный теннис.

Нацепив на нос очки, мама долго ее рассматривает. Я жду вердикта. Как долго! Впрочем, я и так его знаю. Тут я спокоен. Мама доброжелательна, она никого не судит, и чужое мнение никогда не производило на нее ни малейшего впечатления. Про маму точно можно сказать, что ей все как с гуся вода. Лейте сколько хотите, ей нипочем.

– У нее добрые глаза. И веселая улыбка. Она сделает тебя счастливым. Только тебе надо будет готовить ей сытную еду. Худовата больно, скажешь, нет?

Я уже знаю, что получу в дорогу авоську, набитую ведерками из-под мороженого с остатками рождественских яств, и напутствие поделится с Капуциной.

И проследить, чтобы она как следует поела.

И взяла добавки.

Дважды.

Глава 71

Столетие неловкости

Бертран привез огромную корзину, такую тяжелую, что Адели и Капуцина тащили ее на кухню вдвоем, пока дядя вынимал из машины подарки. Он поставил чугунную кастрюлю на слабый огонь, а противень с овощами и пюре – в духовку. За эти годы он освоился в доме племянниц, и у него появились свои маленькие привычки.

Аперитив легкий, никакого алкоголя. Капуцина приготовила смузи из сезонных фруктов. На низком столике красиво разложены канапе. Адели рассказывает, чем теперь занимается и какие планы у них на весну. Бертран делится опытом работы в саду и огороде. Ранняя смена времен года, засуха, нашествие доселе неизвестных вредителей. Соседи постарше ничего подобного не припомнят. Когда живешь близко к природе, сложно не заметить, что планета идет вразнос. Даже ему, человеку традиционных убеждений, не склонному голосовать за зеленых.

За столом, украшенным еловыми веточками, рождественскими шарами и гирляндой из сосновых шишек, которую Адели собственноручно сделала с друзьями, разговор идет о последствиях природных катастроф, которые будут становиться все масштабнее и разрушительнее, о количестве жертв, о гибнущих деревьях. Тему миграционных потоков старательно избегают.

Индейка восхитительна, соус с каштанами – просто объедение.

Адели привезла фермерские сыры из маленькой полуавтономной общины в Веркоре, ряды которой они планируют пополнить. Она могла бы заниматься разведением ангорских коз – она любит вязать, а свитера, перчатки, шарфы и пледы будут нужны всегда. Самюэль? Он работает по дереву. В душе он строитель. Хотят ли они детей? Пока нет. Они слишком молоды. Сначала нужно убедиться, что у них и у планеты есть будущее.

Адели показывает фотографии длинношерстных коз, Капуцина с дядей смеются, глядя на них. Бертран дает козам имена своих коллег – самых нудных и противных, которые постоянно бурчат. А Капуцина мечтает присутствовать при окоте.

Установилась легкая атмосфера, вкус сливочных сыров напоминает о сесте на стог сена возле хлева.

Сестры приготовили рождественское полено с клубничным муссом. Ягоды замороженные, из дядиного сада. Полено провело весь день в морозилке и теперь красуется на столе. Обменявшись взглядами с сестрой и получив моральную поддержку, Капуцина решается начать.

– Дядя, я должна тебе кое-что сказать.

– А? Что-то серьезное? Ты вон даже в лице изменилась.

– Нет. То есть для меня – нет. Для тебя – возможно. Я тебя все-таки немного знаю.

– Да что случилось?

– Я встретила одного хорошего человека. Мы как-то сразу сошлись. Адриан очень мне помогает.

– Что ж, это хорошая новость!

– ...

– Он мулат, – уточняет Адели, чтобы вытащить сестру из зыбучих песков, в которых Капуцина увязает, то ли от страха, то ли от досады, молча и не сопротивляясь.

Бертран молчит. Он переваривает услышанное, держа в руке ложку с десертом. Наконец он отправляет ее в рот, кусок попадает не в то горло. Молчание длится еще одну долгую секунду, похожую на столетие неловкости за рождественским столом.

От праздника не осталось и следа. Сестры переглядываются. Капуцина давит хлебные крошки кончиком ножа и собирает хлебную пыль в кучку. Адели пытается разрядить обстановку, говоря что-то вроде: «Но его цвет кожи, естественно, не имеет никакого значения, да, дядя?»

– Ты уверена, что ему не деньги твои нужны? Будь все-таки поосторожней. Это же известная история.

Капуцина ищет спрятавшиеся крошки и какой-нибудь ответ, желательно дипломатичный и беззаботный.

Но не находит.

Она чувствует, как в ней закипает что-то похожее на ярость. Возмущение несправедливостью, нелепостью. Но к этому примешивается и сочувствие.

Все-таки дядя.

Брат отца.

Но даже если так...

– Ты знаешь, Капуцина...

– Да, знаю. А главное, я знаю, кого выберу, если попросишь. И это будешь не ты, – она уже почти кричит.

Гнев проникает в каждый сантиметр ее кожи, каждый миллилитр крови, каждый волосок, каждую клетку. Глухой медленный гнев поднимается как цунами, которое вот-вот обрушится на мирный город и затянет в свои чудовищные недра то, что оказалось на пути. Цунами Капуцины вынесло на поверхность все, ушедшее на глубину после аварии, все, чем она пожертвовала ради других, оставшись нагишом, без желаний, стремлений и удовольствий. Прямо какое-то землетрясение в морских глубинах.

– Я все делала для других, от всего отказалась, на всех мечтах поставила крест. На всем! Я больше не жила, а заботилась об Адели, о тебе, когда тебе было плохо, помнишь? Я была рядом. Чтобы ты не натворил глупостей. Ночи не спала, беспокоилась за тебя. За младшую сестру беспокоилась. Все думала, как она справится, как будет взрослеть со мной. О себе и мысли не было, только бы вам помогать, быть рядом в любой момент – днем, ночью. Я никого ни о чем не просила. Я не обязана была это делать, но считала, что так для вас будет лучше. А для меня сейчас лучше, когда я с ним. Да, он черный, но ему плевать, что он черный. И мне тоже. Он – это он, красивый, добрый, мой защитник. Кто меня когда защищал после смерти папы? Ты? Одинокий и наполненный ядом? Уж точно нет! А теперь ты недоволен, что он черный, и даже не спросил, что он за человек, что он мне дает и хорошо ли мне с ним. Как можно быть таким узколобым! Папа был другим. Папа бы за меня порадовался.

Еле сдерживая рыдания, она выходит из комнаты, швыряет туфли о стену прихожей, взбегает по лестнице и хлопает дверью своей спальни так яростно, что в коридоре на первом этаже падает рамка, звонко разбиваясь об пол. Разлетевшиеся осколки словно подтверждают, что их маленькая семья тоже только что распалась.

– Она никогда раньше со мной так не разговаривала.

– Не было повода, – замечает Адели.

– Пойду-ка, пожалуй, домой, – говорит Бертран, проглотив комок в горле.

Он белый как мел. Выброшенный цунами, ни на что не годный обломок. Ему очень хочется выпить чего-нибудь покрепче. И побольше. Одурманить мозг сладкими парами и забыть. Но он не станет этого делать. Нет уж. Будет только хуже. Однако волевое усилие лишь добавляет веса к и без того тяжелому грузу.

Адели слышит, как он бормочет «извини», переступая порог. Затем машина трогается, звук мотора постепенно удаляется, как и Рождество, после пары слов растворившееся в ночи.

Глава 72

Секретная защита

С Рождеством, Адриан!
Надеюсь, у тебя все хорошо.
И что ты отлично проводишь время с семьей.
Обнимаю,
Капуцина.
С Рождеством, моя дорогая настурция!
У нас весело, праздник в самом разгаре.
Я уединился на минутку, чтобы тебе ответить.
Я рассказал о тебе маме.
Естественно, она теперь хочет с тобой
познакомиться.
И накормить.
Надеюсь, мы это скоро осуществим.
А ты? Рассказала своим обо мне?
Обнимаю,
Адриан.
Да.
Но тут все прошло не так гладко.
Хотя это неважно.
Дядя свыкнется. Ну а нет так нет.
Я знаю, чего хочу.
Хочу укрыться в твоих руках, что бы кто о них
ни говорил.
Мои руки никому ничего не должны, кроме
тебя.
Я каждый день их тренирую, чтобы они могли
обнимать тебя еще крепче.
Не переживай.
Если ситуация не изменится, я познакомлю
маму с твоим дядей.
Она может уладить любой конфликт.
Ей бы в ООН работать.

Когда ты возвращаешься?
Мы по-прежнему встречаем Новый год вместе?
Еще бы!

Глава 73

Едва хватает кислорода

Раздается легкий стук в дверь. Капуцина не спит. Она впускает Адели и прыгает под одеяло. Макияж не смыт – это сделают слезы. Раздевшись, она легла в постель с телефоном, чтобы написать Адриану. Адели приподнимает краешек одеяла и ложится рядом. Она ласково гладит лицо сестры и шепчет, что все наладится. Дядя поразмыслит, передумает и в конце концов примет его. И Капуцина права, высказав все, что было на сердце. Адели так благодарна ей. Не сдала в детский дом, не отдала на воспитание бабушкам и дедушкам, обеспечила почти беззаботное детство. Дала все необходимое, чтобы справиться с любыми сложностями, даже самыми страшными. Адели шепчет, как она рада, что сестра встретила Адриана.

– Он ведь позаботится о тебе?

– Да, я уверена. Рядом с ним как будто не может случиться ничего плохого. Все так естественно и очевидно, как никогда еще не было в моей жизни.

– Звучит прекрасно.

– Наша встреча абсолютно прекрасна. И кстати, отчасти я обязана этим тебе.

– Мне?

– Если бы ты не объявила о своем решении, я бы не забыла чемодан. Так что мы чуть было не разминулись.

– Чуть было – так ведь со всем. С мамой и папой тоже.

– Я нашла папины дневники. Читаю, и мне становится легче. Я покажу тебе завтра. Он был добрым человеком.

В приглушенном бледно-розовом свете небольшой спальни, где едва хватает воздуха на двоих, сестры встречаются заново, хотя никогда на самом деле и не расставались. Два маленьких обнаженных тела, хрупких и сильных одновременно, соединенных сестринской любовью. Их пути разойдутся, но всегда будут проходить рядом. Капуцина рассказывает Адели о книге по пчеловодству и о своей мечте начать с чистого листа.

– Знаешь, я ездила смотреть заброшенный дом в Вогезах. Большое каменное здание с участком. Несколько гектаров на краю леса, пруд с лягушками и стрекозами. Такое биоразнообразие, что твои друзья обзавидуются. И сам дом невероятный. Есть где развернуться, обустроить уютное пространство. Все надо перестраивать, так что можно дать волю фантазии. Считай, одни стены да крыша, которую надо перекрыть. Есть куда поставить ульи.

– О, серьезно? Я прямо вижу тебя там. Ты смеялась, когда я лет в восемь с диким криком убегала от каждой букашки. А ты и бровью не вела. Никогда их не боялась.

– Я уже записалась на курсы пчеловодов.

– Чудесно!

– А на первом этаже можно делать и продавать мед.

– Мы приедем с Сэмом тебе помогать. Ты одна ездила?

– Да. Но хочу еще раз поехать с Адрианом.

Адели улыбается. Она в восторге от этой идеи. А главное, от того, что сестра проснулась, зашевелилась, нашла себя.

Этой ночью они будут спать в одной кровати. Как когда маленькая Адели требовала спать в обнимку, чтобы спрятаться от пустоты, оставшейся после смерти мамы и папы. Сегодня пустота сменила сторону. Но завтра ее заполнят любовь и мед. Адели от всего сердца желает этого сестре перед тем, как уснуть.

Глава 74

Шероховатости времени

В канун Рождества у Дианы всегда немного щемит сердце. Каждый год я стараюсь найти для нас какое-нибудь необычное сказочное местечко, чтобы отвлечь ее от мыслей, что у нас нет детей.

Некоторые раны так до конца и не заживают и кровоточат от малейшего прикосновения.

Мы давно свыклись со своим положением, что не мешает периодически предаваться меланхолии. У меня была плохая спермограмма. Практически нулевой результат. Причину выяснить так и не удалось, и мы смирились. Диана и думать не хотела о том, чтобы носить не моего ребенка. Мы долго думали об усыновлении, но пришли к выводу, что ситуация с двумя родителями-психиатрами будет непростой. Мы настолько счастливы вместе, что редко ощущаем неполноту. Только когда видим жизнерадостные семьи друзей.

В канун Рождества Диана обычно топит свои печали в количестве алкоголя, достаточном для того, чтобы отвлечься и при этом не испортить вечер.

Я снял небольшое шале на вершине горного хребта. Мы сидим перед камином, закутавшись в плед. Ей уже несколько дней лучше. Лечение, на которое она наконец-то решилась, оказалось эффективным.

Обычно в этот вечер мы подводим итоги года. Вспомнили Эдуарда, моего лучшего друга, который наконец-то обрел спокойствие, бросив жену, работу и Париж. Судя по последним новостям, он счастлив. Мы запланировали поездку в Бретань на лето, навестим его.

На прошлой неделе хозяйка, у которой мы снимаем место для практики, предложила нам купить дом. Хочет переехать в более подходящее для ее возраста жилище. Идея весьма заманчивая.

Что касается профессиональных итогов, первым на ум приходит наш общий случай, который нас очень порадовал. Капуцина и Адриан, разумеется. Диана не припоминает мне, что изначально я воспринял идею неохотно. Она знает, в этом нет необходимости. Я способен признать ее правоту.

Интересно, как они проводят сочельник. К некоторым пациентам так привязываешься, что начинаешь беспокоиться за них между консультациями.

В конце концов, устав от разговоров, мы исчезаем под пледом. После долгих лет брака тело жены вызывает все то же сильное возбуждение. Иногда она пытается скрыть какие-то несовершенства, которые неизбежно оставляет время, я же рад находить их – для меня они не менее очаровательны.

Она благодарит меня за безусловную любовь к ней. Я ее – за то, что она моя жена.

Жизнь прекрасна.

Глава 75

Руки солдата

Уже два дня идет снег. Все покрыто легкими пушистыми хлопьями, ветер гоняет и разметывает их по всем углам. Местами слой сантиметров в пятнадцать. По прогнозу, начало года будет солнечным и морозным. Капуцина утром вышла на пробежку. По длинному маршруту. Не побоялась скользких тропинок. Она вернулась невредимой, а в глазах продолжали искриться снежинки, мелькать пригнувшиеся под снежными шапками ветки, льдинки в ручье и следы на снегу. Ей бы очень хотелось разделить эту прогулку с Адрианом.

Он должен приехать вечером и привезти остатки праздничных яств. Ей не терпится попробовать сенегальскую кухню. Сперва познакомиться с блюдами, которые готовит его мама, а потом и с ней самой. Это хорошее начало. К тому же экономия времени: готовить не надо. Вот уже несколько дней, как она с головой ушла в книги по пчеловодству, заказав их с десятков. Она всегда основательно прорабатывает тему, чтобы точно ничего не упустить.

Кажется, она нашла свой глагол жизни. Она скажет Адриану.

Капуцина захлопывает очередную книгу. Рой фактов гудит в голове. Она бросает взгляд на рисунки, долгое время пролежавшие в папке на чердаке. После Рождества чердак был перерыт сверху донизу. Хороший способ уйти от действительности, погружившись в далекие убаюкивающие воспоминания. Рисунки из детства удивительным образом перекликаются с реальностью и подтверждают ее выбор.

Капуцина могла бы просидеть в пчелином царстве еще не один час, но нужно накрывать на стол и прихорашиваться. Положить маленькие тарелки в большие и немного серых теней на веки.

Ей хочется прижаться к нему, как только он придет, и больше не шевелиться. Этот магнетизм ее удивляет. Вряд ли такое влечение объясняется только долгим отсутствием отношений. Тут есть что-то еще. Физика эпидермиса? Химия запахов? Феромоны, совместимость иммунных систем?

Или просто ощущение безопасности, которое вызывают у нее эти руки солдата. Сильные руки, а еще, надо думать, серьезная подготовка, физическая и психологическая, какую мало кто из мужчин способен выдержать. Тот факт, что он сориентируется в экстремальной ситуации, успокаивает. Даже если для нее риск попасть в такую ситуацию невелик. Пусть он не смог бы предотвратить аварию – зато спрятал бы ее в своих объятиях и вобрал часть горя, облегчив его. Всякий раз, когда между ними происходила эта алхимия, ей хотелось вдохнуть Адриана целиком. Чтобы с глубоким вдохом он проник в каждую ее клеточку, стал частью ее ДНК. Его успокаивающий запах, размеренная мягкость, надежная сила. Он говорит, что душа воина покинула его, но она никуда не делась. Капуцина это чувствует. Воин других времен, других сражений. Воин-гнездо.

Иногда она волнуется из-за того, что непонятно почему полностью поддалась этому влечению. Есть в этом что-то животное, первобытное, выходящее за рамки разума и сознания. Она и не знала, что в ней столько архаики.

Сама их встреча архаична, она не подчиняется никакой разумной, понятной человеческой логике.

Как порядок вещей не зависит от хода событий.

Их встреча самодостаточна, вот и все.

Удивительно, как быстро все меняется, думает она. Сколько можно разрушить за долю секунды и построить, всего лишь обменявшись взглядами. Сколь быстро все может пойти как в одну, так и в другую сторону. Иногда темп задаешь ты, иногда нет.

С Адрианом она хочет быстрее двигаться вперед. Довольно потерянного времени!

Прошло два часа. В доме все готово.

Только она не готова. После разлуки это невозможно. Неизвестность мешает мечтать, не дает думать. Капуцина хочет скоротать время за книгой о пчелах. Читает и перечитывает по три раза один абзац и наконец захлопывает книгу с колотящимся сердцем.

«Не заморачивайся», – написал он ей накануне. Он не хотел, чтобы она трудилась ради него не покладая рук. «Ради тебя любые хлопоты

в радость», – ответила она. Он отправил ей смеющийся смайлик, сердечко и две ладони.

Адели уехала встречать Новый год в тишине гор.

Хорошо было вновь ее увидеть, спокойно провести время вместе. На одну ночь они поменялись ролями. Младшая заботилась о старшей. Теперь они будут заботиться друг о друге на равных. Сироты повзрослели, и зияющая пустота внутри постепенно заполняется.

Слышно, как подъехала машина. Капуцина почистила снег возле гаража после утренней пробежки, достаточно разгоряченная, чтобы орудовать лопатой. Адриан отстегивает ремень безопасности, широко улыбаясь из-под солнечных очков. Он похож на американского актера. Капуцина тут же вспоминает их поцелуй в мастерской.

Он в первый раз подходит поздороваться, не выпустив Блума. Пес выпрыгивает из багажника, едва его открывают. Крутится вокруг Капуцины, лает, прыгает, играет и забегает в дом через приоткрытую входную дверь с починенным замком.

– Он уже чувствует себя как дома, – извиняется Адриан.

– И правильно делает.

Подписанные ведерки из-под мороженого стоят в холодильнике, Блум обнюхивает каждый угол в поисках новой информации. Адриан распахивает объятия. Маленький кузнечик устремляется в них, наполнив долгожданной радостью. Шаг за шагом, незаметно она увлекает его на диван. Сев к нему на колени, она устраивается поудобнее, прижимаясь как можно теснее, чтобы ни один сантиметр кожи не остался снаружи, и закрывает глаза. Они дышат, не глядя друг на друга. Просто наполниться присутствием другого. Но этого недостаточно. Капуцина приподнимает свитер Адриана, его футболку. Ей хочется чувствовать его кожу. Тепло, идущее изнутри. Ее пальцы пробегают по как будто знакомому телу. Она скидывает толстовку, оставшись в лифчике. Снова прижимается к нему. Утыкается носом в шею. Вдыхает его запах, впитывает, сохраняет про запас его частички. Он смеется. Прижимает ее чуть сильнее. Она похожа на тоненькую веточку, которую страшно сломать. Ему кажется, что он, со своим крепким торсом и мускулистыми руками, ее раздавит. Она прирастает к нему, как плод к плаценте, как кора к древесине.

Они не занимаются любовью, не так, не сейчас. Достаточно простого слияния. Они не хотят ничего пропускать – ни этапов, ни желаний. Их губы вновь находят друг друга и соприкасаются.

На журнальном столике лежат детские рисунки. Адриан увидел их через плечо Капуцины. Заинтригованный, он выпрямляется, чтобы получше их рассмотреть. Улы, цветы, солнце и пчелы, всюду пчелы, маленькие, большие, целый рой. Цвета красиво подобраны, все очень гармонично. Образцовое прилежание девочки, которая все делает правильно. В том, что это рисунок маленькой девочки, нет никаких сомнений.

- Нашла на чердаке.
- Классные! Ты явно любила пчел!
- Похоже на то...
- Ты разве не помнишь?
- Не очень хорошо.

Парочку ждет сладостный вечер и плотный ужин, который согреет их во время морозной ночной прогулки. Варежка прильнет к варежке. Ночь будет не такой размеренной, но не менее счастливой.

Они встретят Новый год, сплетясь в объятиях, начав новую книгу.

Глава 76

Околпачить

Я не поздравляю своих пациентов. Я и так весь год желал им всего самого доброго. То, что говорится в январе, не более чем условность. Поскольку они ожидают услышать от меня поздравления, а я ничего не говорю, они тоже ничего мне не желают, кроме тех, кто поздравляет на автомате либо из особого расположения. Тогда я за это цепляюсь. «А что вы желаете себе?» Что может быть проще! Но нет. Мы так привыкли заниматься другими, что забываем пожелать хорошего себе. Кто в полночь желает себе счастливого Нового года? Я. С тех пор как Диана подкинула мне эту мысль.

Капуцина заветных слов не произносит. Я спрашиваю, хорошо ли она провела праздники. Она рассказывает о дяде, о его реакции и о силе, которая вскипела в ней, заставив выкричать все, что было на сердце. И как она сожалеет и боится, что больно его задела. О невозможности сдержаться и необходимости действовать. Собраться с духом ей помогла моя фраза «Кто под кого должен подстраиваться?». И в итоге ей полегчало.

– Не думаю, что человек, который пишет стихи, может быть по природе злым. Возможно, такой жесткий разговор был необходим, иначе он не узнал бы, насколько для вас важно, чтобы он принял Адриана.

Затем она рассказывает, как они встретились с сестрой. У них наладились отношения. Мне нравится наблюдать, как быстро любовь отвоевывает позиции, стоит только искоренить пырей обиды, который захватывает все свободное пространство и на корню забивает самые прекрасные цветы.

Она благодарит меня. Говорит, что без меня так быстро не разобралась бы и надолго застряла бы в мутной воде стоячего пруда. А терапия расчистила доступ к источнику, откуда наконец струится чистая, прозрачная вода, неся обновление и движение. Я замечаю, что склонность к поэзии – явно их семейная черта. Что ей, возможно, тоже стоило бы взяться за перо.

Заходит речь об Адриане. Капуцина улыбается. Я чувствую, что она хочет поделиться, но смущается. Пока я ищу слова, чтобы подбодрить ее, в глазах у нее мелькает что-то вроде «ну и черт с ним» и она начинает рассказывать.

– Он приехал ко мне на Новый год. Ночь была странная.

– Странная?

– Мы весь вечер обнимались, вместе плавали, целовались, смеялись, говорили о своих желаниях и планах. Даже прогулялись по снегу. Была полная луна, светло как днем. Просто восхитительно. А потом мы перешли красную черту, и все разладилось. Но это не было неприятно. У него никак не получалось, потом вроде да, потом опять нет. У меня тоже все было как-то сложно. В общем, не буду вдаваться в подробности. Мне немного неловко рассказывать вам о таких вещах, доктор.

– Это останется врачебной тайной и не выйдет за стены кабинета, а вас, кажется, тревожит эта странность. Давайте поговорим.

– Мне сложно сказать, что я чувствую. Все было как-то запутанно, но очень радостно. Не гладко – а я все равно чувствовала себя счастливой. В итоге мы отказались от этой затеи. Подумали, может, в следующий раз будет лучше, а теперь мы слишком много ели, пили и волновались.

– Первые разы редко проходят гладко. Может, он боялся сделать вам больно? Или поторопить вас?

– Он не сказал. Мы посмеялись над этой ситуацией. Много смеялись. Засыпая, прошептали друг другу на ухо, что в жизни есть проблемы и посерьезнее.

Капуцина рассказывает, что ей было дико страшно, когда он кричал во сне. Понадобилось много времени, чтобы его разбудить и успокоить. На крик пришла собака, скреблась в дверь и легла рядом с ним. У него сильно колотилось сердце, он прерывисто дышал. Она не знала, что делать, как ему помочь. Обняла покрепче, гладила лоб. И заснула первой. Он сказал ей утром, что заснул сразу после нее.

Она достает из большой сумки картонную папку и протягивает мне без объяснений. Я снимаю резинки и раскрываю ее. Капуцина нашла несколько рисунков, которые ее взволновали. Я просматриваю их один

за другим. Аккуратные, точные, красочные. Везде пчелы. Когда я поднимаю голову, она улыбается.

– Что у вас вызывают эти рисунки?

– Ж-ж-ж, – улыбается она.

– А еще?

– Мне кажется, я нашла себя. Как будто я совсем себя не знала, а сейчас узнаю. Жаль, что отца нет рядом, он мог бы мне объяснить, рассказать, направить. Но у меня нет выбора. Поэтому я цепляюсь за вещественные доказательства, чтобы побольше узнать о своем детстве. Согласитесь, это волнующая находка, учитывая, что сейчас я не вылезаю из книг по пчеловодству.

Она рассказывает о своих планах на заброшенный дом в уединенном месте. Сразу за домом начинается густой непроходимый лес, она могла бы поставить там ульи. Еловый мед, ее любимый. Темный и терпкий.

– И я вижу Адриана частью этой конструкции. Но что, если все это просто картонные декорации? Нужно все-таки хорошо знать друг друга, чтобы затеять такое предприятие. Возможно ли это всего через несколько месяцев?

– Вы говорили, что вам кажется, будто вы знаете друг друга целую вечность.

– Да, но что, если это иллюзия и я ошибаюсь? Что, если я нужна ему только из-за денег, как думает дядя?

– Он знал о вашем финансовом положении до того, как захотел снова с вами встретиться?

– Нет, вряд ли. Но, с другой стороны, он полицейский, у него наверняка есть доступ к такой информации.

– Думаете, он навел о вас справки и теперь пытается околпачить?

Посреди серьезного разговора Капуцина заулыбалась, опустив голову, потом тихонько прыснула, извинившись. Что-то от меня ускользает, я не понимаю, чем вызвана такая реакция. Может, это нервный смех, учитывая, что разговор затрагивает глубокие старые эмоции, тяжелые воспоминания, переработанное горе. Бывает, что смеются на похоронах, от эмоционального переполнения. Я прошу ее объясниться.

– Да просто я не знаю, сколько лет – или столетий – назад мне последний раз встретилось слово «околпачить». На самом деле это не первое устаревшее слово, что я от вас услышала, но я как-то раньше не обращала внимания. Это совсем не вяжется с вашей внешностью. По тому, как вы одеваетесь, вам можно дать на двадцать лет меньше, а по тому, как говорите, – на двадцать лет больше.

– Не обращали внимания, а сегодня смеетесь надо мной. Из этого я могу заключить, что вам действительно лучше.

– Я не смеюсь.

– Немного все-таки смеетесь, – отвечаю я, улыбаясь. – А вы не можете пригласить его в ваш проект, не вовлекая ни финансово, ни административно? Чтобы защитить себя от возможных рисков?

– Могу.

– Это должно развеять ваши страхи. И дядины.

– Я ненавижу, когда меня обманывают.

– Вы говорили, что вы с Адрианом понимаете друг друга с полуслова. Что вы одинаково устроены. Что он точно знает, что вы чувствуете, и наоборот.

– Да.

– Значит, он тоже должен быть добрым и великодушным.

– Да.

– И ему тоже должно быть больно, когда его доверием злоупотребляют.

– Да. Он это говорил. Мы с ним в этом похожи.

– Тогда как он может подвергнуть вас чему-то, чего не выносит сам? Надо быть полным извращенцем. Он кажется вам извращенцем?

– Нет. Он сказал, что хотел бы найти какое-то место, где можно было бы принимать людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации или которым просто нужна передышка. Выдохнуть, вновь обрести уверенность в себе. Среди прочего – с помощью зоотерапии. Адриан заметил, как его собака помогает людям расслабиться. Он мне рассказывал об избитых женщинах и инвалидах.

– И в вашем старом доме это было бы возможно?

Ей хочется строить вместе с ним, подпитываться его нежностью и отдавать свою взамен. Она уверена, что план, который начинает вырисовываться у нее в голове, – одна из самых прекрасных картинок,

виденных ею за долгое время. Пчелы, мед, природа, лес, дом, в котором все нужно будет переделать под пристальным взглядом пожилого господина на скамейке, новая жизнь, которую предстоит придумать, с этим мужчиной и его собакой.

Глава 77

Хитренькая!

Привет, Адриан.

Ты говорил, что живешь в служебной квартире.

А если ты уволишься, что будет с квартирой?

Привет, Капуцина.

Я должен буду ее отдать вместе с формой, что вполне логично.

Где ты будешь жить?

Как раз подыскиваю варианты.

Мой дом слишком велик для меня одной, ты сам говорил.

Думаю, в нем найдется для тебя местечко...

Это чудесно, но получится ли у нас жить вместе?

Я не уверена!

И потом, я не один. Еще есть Блум.

Вот именно.

Ты хочешь, чтобы я оставил тебе собаку, а сам подыскал себе квартиру?

О! Неплохая мысль!

Хитренькая!

Я подумаю.

Ты уже пыталась впарить мне огромную машину. Теперь вот еще и совместное проживание.

Ты уверена? А что, если я обычный нахлебник, мерзавец, который манипулирует тобой ради денег?

Это так?

Нет, конечно!

Ну, тогда все в порядке.

Подумай.

Я – за!

Глава 78

Чертова жертвенность

Январь всегда пролетает с невероятной скоростью. Кончаются праздники, и хочется взять паузу, восстановиться после застолий и поздних пробуждений, но наступивший год никого не ждет, стремительно несется к февралю. Мне в кои-то веки удалось увильнуть от дежурства на Рождество и Новый год, так что я сказочно провел время с Капуциной. Уже середина января, и я снова иду к Диане. Мы не виделись четыре недели. Она выглядит отдохнувшей, не такая изможденная, как в декабре. Я решаюсь пожелать ей счастливого Нового года без приливов жара. Она смеется и сообщает, что с мучениями покончено – она начала принимать гормоны. И добавляет, выразительно подмигнув, что иногда нужно собраться с духом и лицом к лицу встретить свои страхи.

Намек понят!

– А вам чего пожелать?

– Пожалуй, оставлю свои пожелания при себе.

– Что это вы вдруг стали таким недотрогой?

– Это очень личное. Скажем так, сексуального плана.

– Разве секс – что-то более личное, чем самые сокровенные мысли, кошмары, страхи, о которых вы мне столько лет рассказываете?

Она права. Секс не интимнее, чем все остальное, он просто табуирован. Я рассказываю о неустойчивой эрекции и о своем стыде. Об ощущении, что я недостаточно мужественен. О страхе – что подумает Капуцина.

– Она смеялась над вами? Была разочарована? Что-то сказала?

– Нет, наоборот. У нее тоже все пошло не слишком гладко, если вы понимаете, о чем я.

– Это был ваш первый раз?

– Да.

– У вас обоих осталось плохое воспоминание?

– Да нет, наоборот. Мы посмеялись. С ней все просто. Ей как будто достаточно крепких объятий.

– А вам?

Я привязываюсь к Капуцине как к подруге, младшей сестре, части меня самого – и мне просто необходимо ее оберегать. Мысль, что кто-то может причинить ей боль, что она может страдать после всего пережитого, что я могу ее потерять, невыносима. Как бы мне хотелось набить морду этому Симоне, который на свободе, который убил ее родителей и ничем не поплатился.

– Так и не знаю, надо ли рассказать ей, что я раскопал. Сколько ни ломаю голову, у меня нет ответа.

– Спросите себя: что ей принесет это открытие?

– Правду.

– Вам трудно держать что-то от нее в секрете?

– Немного.

– Вы боитесь, что скрытность подорвет ваши отношения? Но скрытность присутствовала с того момента, как вы начали совать нос в это дело, и не помешала вашему расследованию.

– Это точно.

– Как она воспримет эту правду? Вы говорите, что очень хорошо друг друга понимаете. Поставьте себя на ее место.

– Я бы страшно злился, возмущался несправедливостью, хотел, чтобы он за все заплатил, – что совершенно невозможно, так как дело закрыто. Ну, и это пробудило бы печальные воспоминания.

– Вы хотите, чтобы она все это почувствовала?

– Нет, наоборот. Я хочу, чтобы она была спокойна, умиротворенна и счастлива.

– Вот вам и ответ.

– Тогда почему меня распирает от злости, с тех пор как я узнал правду? Почему я не могу просто забыть об этом, сделать вид, что ничего не было?

– Что вы чувствуете по отношению к младшему Симоне, который оказался в тюрьме?

– Это ужасная несправедливость.

– Но ведь он сам это допустил.

– Он пожертвовал собой, у него не было выбора.

– Ну-ну!

Чертова жертвенность, о которой мы говорим все эти годы. Это она заставила меня идти в армию, чтобы быть как отец, не разочаровать его, занять его место. А еще мне было невыносимо видеть, как люди страдают, и не помочь им, не защитить. Неважно, близкие или чужие. Защищать, оберегать, забывая о себе, лишь бы искоренить всю ту несправедливость, что сводила меня с ума. Жертвенность, которая чуть не убила меня, которая изводит меня после Мали. Я уже осознал, что дальше так продолжаться не может. Подал в отставку. Ищу себе другое занятие. Но Диана давит на больное. На рану, которая еще не затянулась. Это долгий путь. Невыносимо долгий. Как было бы здорово ставить в голове галочки – отмечать, что мне подходит, что не подходит, – и переформатировать себя по обновленным настройкам по мере их осознания.

– Мы бы остались без работы, если бы пациенты решали свои проблемы, ставя галочки в таблице, как будто это лото! А что вы можете сделать, чтобы утихомирить свой гнев?

– Ничего. Дело не возобновят. Нет никаких доказательств. Кроме показаний старика из дома престарелых.

– Знаете, я думаю, что для этого молодого человека, отбывшего срок в тишине и безразличии, ваш приход, сам факт того, что вы знаете правду, что вы ему об этом сказали, уже принес огромную пользу.

– Но справедливость не восстановил.

– Даже Супермену не под силу спасти мир. Этот старый господин отдал вам папку, сказав, что не хочет уносить это дело с собой в могилу. Свою часть он выполнил. И вы тоже. Может, и вам оставить эту папку?

– Кому?

– Просто сжечь?

– Я все равно не могу отделаться от чувства собственного бессилия.

Она хватается за это слово, чтобы вернуться к моей сексуальной жизни. Вечно ко всему цепляется, к каждому слову. Она объясняет, что потенция бывает несовместима с желанием защитить любимую, потому что, проникая в ее тело, пусть и по взаимному согласию, ты получаешь на него какие-то права.

– Возможно, ваше стремление ее защитить настолько сильно, что вы не осмеливаетесь делать резких движений. Но секс – это движение, встряска, голые тела, натиск на линии обороны, в котором нет места

размышлениям, что-то немного дикое, немного «сделай мне больно». Это проникновение друг в друга в прямом и переносном смысле.

Затем она спрашивает, насколько страшно не заниматься с любимым человеком сексом в оргазмическом понимании этого слова.

С Капуциной ничего не страшно. Единственное, что для нас важно, – проводить время вместе и чувствовать кожу другого своей.

– Вы мне напоминаете двух черепах без панциря. Вот они встретились – о, ты тоже черепаха? Не гиена, не акула, не шакал. И когда вы обнимаете друг друга, каждый как будто становится панцирем для другого.

Глава 79

Душа дома

Девчонка с красным помпоном вернулась. Одна. Без риелтора. От них в любом случае никакого толку, лишь бы на ком-нибудь нажиться... К тому же в дом можно попасть и без ключа, через заднюю дверь, через дровяной сарай. Я знаю, потому что часто туда хожу. В кухне еще стоит старый сервант, а на втором этаже в спальне – кровать Мадлены. Все прогнило от сырости. Тоска берет. Надо смотреть, куда ставишь ногу. Не хватало еще сквозь пол провалиться.

А девчонке-то дом приглянулся. Сегодня холодно. На Новый год выпал снег и до сих пор лежит. По ночам доходит до минус двенадцати. А днем вот уже две недели как не больше, чем минус шесть. По телевизору сказали, небывалые арктические холода. Но в моем детстве так было каждую зиму.

Деревьям, конечно, несладко приходится. Молодые березки погнулись. Некоторые до самой земли. Пруда не видно. Лед застыл, а сверху снегом присыпало.

Сижу вспоминаю, как Мадлена колола дрова в снегу. Я бы помог, но мне и ступить во двор нельзя было. Ее отец гонял. Сволочь. Настродалась с ним моя Мадлена.

Сегодня девчонка приехала на внедорожнике. Наверное, из-за снега.

Вот она обошла пруд и дом, потом показалась в разбитом окне второго этажа. Нашла-таки вход через сарай. Не побоялась. Молодец. Отошла подальше, любит пейзажем.

И исчезает в лесу.

Время идет, ее нет. Ядрена вошь! Я подмерз. Пора бы домой, но как уйти? Самое интересное пропустишь!

– Здравствуйте!

Етить твою за ногу! Я подпрыгиваю. Так внимательно смотрел за домом, что не услышал, как она сзади подкралась по тропинке.

Спрашивает, можно ли ей посидеть со мной на скамейке. Я протягиваю край одеяла. Дерево холодное, точно ледышка.

Какое-то время сидим, глядя на старый дом, разговариваем о погоде.

– Вы здесь живете?

– В конце дороги, вон тот дом, кусок крыши виднеется.

Показываю тростью. Так-то недалеко, но пешком досюда у меня выходит полчаса, особенно по снегу. Сиделки ругаются. Говорят, скользко, и пугают переломом шейки бедра. Плевать я хотел. Сказал же – здесь хочу помереть!

– Вы домом интересуетесь? – спрашиваю я у нее.

– Да вроде. Место мне нравится. Спокойно. А какие возможности открываются, если хорошенько потрудиться. Чувствуется, что у дома есть душа.

– О, это...

Девчушка растрогала меня – ведь там и правда витает душа Мадлены. Спрашиваю, что она собирается там делать. Нечасто встретишь молодую девушку, которая захочет похоронить себя в такой глуши.

Она рассказывает об ульях, пчелах, меде. О том, что, наверное, будет жить не одна, что собирается устроить приют для инвалидов и женщин, которые подверглись насилию.

К счастью, на улице холодно, а я стар. Можно все глаза выплакать, и никто не подумает, что это настоящие слезы.

Видишь, Мадлена, твою душу еще будут уважать в этих стенах.

Глава 80

Исцелиться от Мали

Мы вышли пройтись по снегу в сапогах и пуховиках. Бегать слишком холодно. Капуцина в шапке с красным помпоном – на фоне белого пейзажа он похож на клоунский нос. Давно я так не смеялся. Она заряжает меня энергией. Я вспоминаю, как мы в школе проводили опыт на уроке биологии: делали в мензурке раствор, клали на дно кусок магнита и ставили на магнитную мешалку. Она – тот самый магнит в моем растворе. И решение многих вопросов, которые я ношу в себе целую вечность. Может, потому что ей они тоже знакомы и она ищет на них ответ.

Лес сказочно красив и спокоен. Скованный холодом, сверкает на солнце. На ветвях narосли сосульки, они ночью замерзают, а днем подтаивают и падают. Я протягиваю Капуцине сосульку. Она подбирает другую. И обе засовывает в рот, изображая моржа.

Я качнул ветку, когда она проходила под ней. Снег насыпался за шиворот. Она фыркнула и хотела запустить в меня снежком, но снег не лепится, слишком сухой. В конце концов мы повалились в сугроб и, прижавшись друг к другу, с радостным смехом катались по поляне.

Последний раз мое тело перекатывалось по африканскому песку, и тогда я думал, что умру.

Капуцина исцеляет меня от Мали. С ней мне хочется верить, что я не умру никогда.

Мы вдвоем залезли под душ. Чтобы почувствовать тепло воды на озябшей коже и тепло друг друга в нашем одиночестве. Нашу наготу. Она говорит, что ей нравится мое тело, темная кожа, запах, мышцы, татуировки. Она проводит по ним кончиком указательного пальца, как будто заново прорисовывая. И мои шрамы, которые она нежно целует. А мне нравится ее тело, стройные ноги, маленькая грудь с выступающими сосками, тонкие руки, плоский живот, поврежденный пупок – неудачно зарубцевался шрам от пуповины, уточняет она, поймав мой взгляд. Хочет сделать татуировку. Но пока думает.

Спрашивает моего совета. Просит угадать, когда я интересуюсь, какой будет рисунок.

Пчела?

Она улыбается.

Угадал.

Она шепчет мне в ухо, почти неслышно из-за шуршащих капель тропического душа: «Хочу тебе кое-что предложить».

Целую ее, чтобы она пока ничего не говорила.

Боюсь, что слова утекут с журчанием воды и я их не расслышу.

Ее шепот был о чем-то серьезном. Я не хочу торопиться.

Она открыла бутылку шампанского и предложила сделать коктейль с сиропом из трав. Пара брецелей, кругляшки моркови, свежий сыр. Она начинает рассказывать. Я готов согласиться еще до того, как узнаю, о чем речь.

– Я несколько раз ездила смотреть один дом. Далеко отсюда, по другую сторону хребта, – уточняет она, показывая на вогезские предгорья за огромным, во всю стену, окном. – Старое здание из песчаника, с аркой. Заброшенное, потолок протекает, все нужно перестраивать. Но там огромный участок, гектаров десять, за домом лес, очень уединенное, спокойное место, и вид чудесный. Я могла бы там поставить ульи и делать еловый мед. Огромные перемены – но я чувствую, что они необходимы. И мне хочется, чтобы это было с тобой.

Она продолжает говорить, но я слышу ее через слово. Пытаюсь осознать, что она мне предложила. И не могу. Слишком красиво, слишком просто. Она замолкает, видя мое обалдевшее лицо, а я думаю, что пережил крушение вертолета именно ради этого момента. Что смерть несколько лет назад махнула на меня рукой и передала мою судьбу в руки Капуцины.

– Все в порядке?

Конечно, в порядке. Точнее, нет, не в порядке, все просто обалденно, волшебно и восхитительно. Чудесно, сказочно и упоительно. Я ставлю бокал, сажусь рядом с ней и крепко сжимаю ее в объятиях. Но в следующую секунду все меркнет, затуманивается и рушится.

– Но мне нечего принести в этот проект. У меня нет ни накоплений, ни сберегательных счетов. Даже военной пенсии нет!

– У тебя есть руки, ноги, идеи и собака. Большого я не прошу. Учитывая, сколько стоит эта вилла, я могу отдать половину сестре, и еще останется и на дом, и на ремонт.

– Я не хочу, чтобы все думали, что я тебя использую.

– Мы никому не позволим так думать! Будем все делать по порядку. Немного поживем здесь. Обдумаем проект, подготовим документы, и каждый сохранит независимость. Ты сможешь в любой момент уйти, или я смогу тебя об этом попросить, если что-то пойдет не так. Но, как говорит Дидро: «А если предположить, что все пойдет хорошо?»

Она трясет меня за плечи, пытаюсь вывести из оцепенения. Говорит, что пора перевернуть страницу. Она прожила часть жизни с сестрой, и сейчас, когда та уехала, ей хочется переехать и начать новую главу. И она видит меня частью этой новой книги – вместе нам есть что рассказать.

– Ты уверена?

– Я была уверена, что буду заниматься медициной. Что увижу, как состарится отец. Что Адели пойдет по его стопам. Может, пора перестать быть уверенным и начать делать?

Я вот уверен, что просто обожаю зайчиков, Эпикура и Спинозу, вместе взятых. Какая разница, могло или не могло этой встречи не быть. Главное – она случилась.

Меня вдруг переполняет нетерпение. Мне хочется, чтобы Капуцина как можно скорее показала мне дом, начать планировать ремонт и чтобы уже наступила весна и я ушел со службы, хочется переехать сюда пожить, засучить рукава и броситься в эту новую битву, наконец что-то строить, а не разрушать.

Она чуть сильнее прижимается ко мне, так что я чувствую на шее ее теплое дыхание.

– Кажется, я нашла свой глагол...

Глава 81

Перестать сопротивляться

В почтовом ящике Капуцины лежит письмо. Без марки. Дядя оставил.

В письме стихотворение и одна-единственная фраза.

«Я бы хотел заехать к тебе, поговорить».

Адели рассказала сестре, что после Рождества он снова ходит к психотерапевту. Чувствует себя виноватым. Прорабатывает свои страхи и внутренние конфликты. Что у него никого нет, кроме племянниц, и он боится их потерять.

Капуцина вспоминает фразу доктора Дидро: «Кто под кого должен подстраиваться?»

А если он готов подстроиться?

Капуцина ждет его к чаю.

Она слышит, как подъехала машина.

Она открывает дверь, на пороге под дождем сконфуженно мнется дядя, без зонта, в одной руке букет, в другой – шоколадный торт.

Она относит цветы и торт на кухню, пока он разувается и вешает куртку в прихожей. Проходить дальше он не решается.

Она возвращается, обнимает его и проводит в гостиную.

– Кажется, тебе есть что мне рассказать, – говорит она, ставя поднос с десертом на журнальный столик.

– Я злюсь на себя, Капуцина. Злюсь, что я такой. Старый психованный дурак. Но я работаю над этим. Я снова хожу к психотерапевту.

– Адели мне сказала. Я рада, это пойдет тебе на пользу.

– Благодаря ему я понимаю, откуда взялись эти идеи. Мы долго копались, чтобы найти причину.

Бертран рассказывает племяннице о своем детстве то, что никому раньше не говорил. Никогда. Даже Жан-Батист не знал. Тщательно

хранимый, немного стыдный секрет. Брошенность, в которой самому себе не хочется признаваться.

– Когда родился твой отец, мне было пять. Мать рожала одна. Ты знаешь, наш отец был дальнобойщиком, мог уехать на неделю, а то и на несколько. По дороге в роддом мать завезла меня к своим родителям. И забрала только через два года.

– Два года? Она что, даже не видела тебя?

– Ну как, заезжала иногда вечером, иногда в воскресенье. Показать родителям младенца, а мне сказать, что слишком устала, чтобы забрать меня, но что скоро ей станет полегче.

Капуцина смотрит на него со слезами на глазах. Выходит, и он тоже. Также носит в себе эту рану, также знает, что такое отсутствие матери, ее отторжение и «я для нее пустое место».

– Бабушка однажды сказала матери, чтобы та меня забрала. У бабушки было плохое здоровье, она боролась с раком. Отчитала ее тогда. Бабушка видела, что я несчастен.

– Ты стал счастливее, когда вернулся домой?

– Не знаю, не уверен. Но как сложилось, так сложилось, выбора у меня не было. Никто в семье больше об этом не вспоминал.

– А сегодня ты решил мне рассказать?

– Да. Потому что эти два года мной занимался дед. Он всему меня научил в саду, в огороде, я ему даже самогон гнать помогал. Я был совсем маленький. Он болтал обо всем на свете. О неграх и арабах, понаехавших псах, которые приехали нас захватить. Так-то он был не злой, но питал лютую ненависть к чужакам и не скрывал этого. Хотя жил в чисто эльзасской деревне, где пришлых отродясь не было.

– Неизвестное пугает.

– Я был погружен в эти рассуждения, когда во мне назревал внутренний разлом. Психотерапевт считает, что именно в тот момент расистские бредни проникли мне в голову и прочно закрепились. Он помогает мне потихоньку расчистить стены, а заодно подлатать брешь.

Капуцина тронута дядиными откровениями. У него глаза на мокром месте. Она никогда не видела, чтобы он плакал, даже когда умер брат. Всегда держал свое горе при себе. Наверное, научился сдерживать слезы раньше, чем ходить и говорить. Интересно, какая

ситуация разрушительнее: когда мать ушла или когда она отвергает тебя и любит младшего сына.

Капуцина подходит к Бертрану и снова обнимает его. Он не поддается слезам. Крепость слишком тверда, стены тройной толщины, контрфорсы, рвы и всего один подъемный мост – для племянниц и его маленькой мышки.

Старшая племянница достает из-под журнального столика папку с рисунками и показывает дяде. Он улыбается, не спеша внимательно разглядывает.

– Не знаешь, почему меня так привлекали пчелы?

– Думаю, знаю. Я не сказал тебе, когда мы говорили о твоей матери. Накануне ее отъезда произошла невероятная история. Я помню рассказ твоего отца, как будто это было вчера. Был прекрасный июньский день, не слишком жарко, легкий ветерок. Они поехали на пикник в Нидермюнстер. Ты начинала ходить, но в основном передвигалась на четвереньках, причем с невероятной скоростью. И на секунду ускользнула из-под родительского присмотра – они пытались совладать с очередным невротическим приступом твоей матери. Ты сидела на опушке возле дуба, вытянув ручки в стороны, и смеялась. Вокруг тебя вились пчелы, садились на ладони, руки, спину, волосы. Ты смеялась, но не шевелилась. Сотни пчел, может, тысячи. Коринна запаниковала, хотела броситься к тебе, а Жан-Батист схватил ее за руку и сказал: «Ни в коем случае». У нашего деда, того самого, были ульи, и он часто рассказывал нам о пчелах. Твой отец пытался объяснить Коринне, что роящиеся пчелы так нагружены медом, когда вылетают из улья, что не жалят, а если вмешаться, это может их растревожить. Но твоя мать жутко рассердилась и убежала в машину, не хотела этого видеть, считала, что он безответственный. Он еще долго наблюдал за тобой издали, бдительно, но спокойно. А тебе, похоже, не доставляла никаких неудобств уйма насекомых. Потом без всякой видимой причины рой поднялся в воздух и присоединился к другому, который обосновался на ветке у тебя над головой. Когда через пару дней Жан-Батист в подробностях пересказывал мне эту сцену, он все еще был взволнован.

– Поэтому он называл меня своей крошечной королевой?

– Да, из-за этого и других случаев. Ты потом часто встречалась с пчелами и всякий раз без малейших последствий. Уже не в таком

количестве, конечно. Но если другие маленькие девочки убегали, заслышав жужжание, ты не шевелясь спокойно наблюдала за пчелой, севшей тебе на руку.

– Как тогда, когда ты пришел меня навестить после больницы.

– Точно! И смотри, сколько рисунков ты нарисовала.

– Пчел я никогда не боялась, это правда, но я совершенно не помню того, что ты рассказываешь.

– Ты была совсем крошка, еще не могла ничего запомнить. И потом, мне кажется, твое исступленное желание поступить в медицинский затмило это детское увлечение. Если что, я даже дедовы ульи сохранил.

– Правда? Ты их до сих пор хранишь?

– Да, на чердаке. Занимают почти все место, но я так и не решился их выбросить.

– Покажешь?

– Конечно, покажу.

– Как думаешь, смогу я в них поселить черных пчел или дед в гробу перевернется?

– Думаю, плевать, даже если он не будет в восторге.

– Папа часто говорил с тобой обо мне?

– Постоянно.

– И что он говорил?

– Какая ты необыкновенная, умная, щедрая и чувствительная.

– Мне не хватает его.

– Знаешь, мне тоже.

*Как злюсь я на себя за свинские идеи!
В противовес тебе к границам тяготею.
Малышка, ты душой открыта для других.
Как я могу судить геев и цветных?
Не знаю, почему питаю отвращенье.
В нутре моем живет смешное опасенье.
От глупой и пустой боязни чужаков
Тебе во благо я избавиться готов.
Как не было порой бы сложно измениться,
Себе поставлю цель к иному приобщиться,
Тебя чтоб не терять, не ранить твоих чувств.
Достаточно уже с нас судьбы злосчастной буйств.*

*Клянусь его принять, свою раскрывши душу.
Малышка, твою пару я бредом не разрушу.
Достойна, как сестра, ты счастье обрести
И жизнь поцеловать – твоя пора цвести.*

Глава 82

Шепот под одеялом

Мысль пришла в голову Капуцине, Адриан ее поддержал. Они подождали до февраля, чтобы дать Бертрану немного времени. Она не станет ничего ему говорить. Пусть будет сюрприз – тут уж либо пан, либо пропал. Когда Адриан позвонил матери и предложил выбрать день, она танцевала от радости, по голосу было слышно.

Сказала, что все берет на себя, в чемодане привезет особые ингредиенты, специи, которые покупает в одном специальном магазине в Лионе, и немного овощей. Остальное – в списке покупок, который она прислала Адриану эсэмэской.

Он поехал встречать ее на вокзал. Капуцина осталась ждать дома. Она присматривает за Блумом. Сидя на ковре в гостиной, прислонившись к дивану, гладит его морду, которую Блум положил ей на бедро, и думает об Оскаре. Нужно его доделать, чтобы он наконец стал цельным. Она невольно проводит параллель между эволюцией скелета и ее собственной перестройкой. Дидро оценит такой символизм, надо будет ему сказать. Жан-Батист своими руками начал создавать деревянный скелет, когда дочь формировалась у него на глазах. Потом произошла авария. Капуцина переняла эстафету и, вооружившись отцовскими инструментами, продолжала вырезать, шлифовать и вытачивать – и в конце концов самостоятельно построила себя. Теперь все готово. Доделана последняя кость, осталось закрепить ее, и Оскар закончен. Капуцина чувствует, что тоже готова, как будто ее собственный скелет стал целым и она может двигаться.

Ей нравится это сравнение. Осталось сделать последнюю вещь.

Блум поднимает голову, наострив уши. На улице припарковалась машина. Он направляется в прихожую и садится в нескольких метрах от двери, прислушиваясь. Капуцина становится за ним, прислонясь к стене. Приветственная делегация в полном составе.

На Эмилии просторное синее платье, тюрбан и полусапожки. Она протягивает пальто Адриану и распаивает объятия Капуцине. Разве откажешься от такого приглашения?

– Как я рада с тобой познакомиться, – говорит она, обнимая тоненькую, как веточка, девушку.

Окутанная нежностью и лаской, Капуцина с трудом сдерживает нахлынувшие эмоции. Этот момент искреннего единения, когда тело одной женщины принимает тело другой, болезненно напоминает о матери, которой нет. Которая не выдержала и сбежала. Своей простой радостью и мягкой округлостью Эмилия заштопывает детскую прореху, кладет заплатку из новой ткани.

Вечер наполнен радостью и яркими красками. Капуцина приготовила эльзасский шукрут – квашеную капусту с копченостями, чтобы местная кухня тоже была представлена. Разговаривают о кулинарных традициях, семье, разных странах и регионах. Эмилию устраивают в гостевой спальне. Она хочет отдохнуть, чтобы завтра быть в форме.

Адриан с Капуциной перешептываются под одеялом. Они любят произносить важные слова тихо.

– Она обожает тебя.

Капуцина думает о дяде. Хотелось бы ей сказать Адриану то же самое. Потом об отце – он принял бы его с распростертыми объятиями. Но будь здесь Жан-Батист, Адриан не лежал бы в этой кровати. Судьба – странная штука, она ветвится, как крона большого дерева. Одни ветки обламываются, новые прорастают. Очень странная штука, ни в чем нельзя быть уверенным. Только в настоящем. Да и то. Эта странная судьба все течет и течет, даже когда перестаешь о ней размышлять.

– О чем ты думаешь? – спрашивает он.

– О деревьях, которые продолжают стоять.

Этой ночью они занимаются любовью. Просто, без фанфар и зрелищных трюков. Он проникает в нее, она его принимает. Им приятно дополнять друг друга, приятно быть одним целым. Они дышат друг другом и защищают друг друга, их панцири соприкасаются, превращаясь в один большой. Этого укрытия им достаточно.

К черту мир.

Водителей, боевиков, вертолеты и аварии.

Они здесь, под одеялом, растворяются друг в друге.
Сливаются воедино.
К черту все остальное.

* * *

Блюда почти готовы. Эмилия провела на кухне большую часть дня. Чистила, резала, мыла, обжаривала на целый полк. Еда всегда должна оставаться. Не дай Бог, не хватит. Такое даже представить страшно...

Дом наполнен ароматами. Жареная курица, специи, бульон.
Дом гудит и вибрирует. В нем гремела музыка. Пела Эмилия.

Вот-вот приедет Бертран. Капуцина ждет, затаив дыхание. Пан или пропал.

Поесть он любит. Она рассчитывает, что это компенсирует шок и, если что, поможет сгладить углы.

После их последней встречи две недели назад, когда он сказал, что хочет освободиться от прошлого, она надеется на лучшее.

Блум встает, направляется к двери. Звенит звонок. Адриан ничего не сказал матери о реакции дяди. Импровизация лучше, чем хорошо отрепетированные сцены.

Капуцина целует дядю в щеку. Она счастлива его видеть. Он и подавно. Он вешает пальто, снимает ботинки, надевает тапочки. Гладит собаку и проходит в дом.

Ему представляют гостей: «Адриан, его мама Эмилия. Бертран, мой дядя».

Совершенно неожиданно, а может, именно так было суждено, Эмилия прижимает его к себе. Тут-то все и решается.

Эмилия смеется, говорит, как рада с ним познакомиться, какая Капуцина расчудесная и какое счастье, что они так хорошо поладили.

Оробевший и смущенный Бертран нервно улыбается. Никто его не предупредил. Он садится в кресло со стаканом мангового сока, Эмилия тут же уточняет, что алкоголя там нет, и делает это так естественно, будто ее нисколько не заботит его прошлый алкоголизм, о котором ее явно предупредили. Он чувствует не осуждение, а что его

принимают таким, какой он есть, каким он был. Он смотрит на них и думает, что эти трое счастливы и он не имеет права портить им настроение. И что, быть может, ему тоже перепадет немного счастья. Он не сводит глаз с Эмилии, которая жестикулирует и взрывается смехом в конце каждой фразы, и думает, что она сама – поэма.

О поэзии речь заходит чуть позже, когда Капуцина с Эмилией уходят на кухню заняться последними приготовлениями. Адриан нарушает молчание. Потом это будет труднее.

– Капуцина говорила, что вы пишете стихи?

– Да, бывает. Это меня занимает и помогает привести в порядок мысли.

– Я тоже писал, когда был в Мали. Чтобы подняться над ситуацией, которую сложно было переварить. Жаль, потерял их, когда вернулся во Францию.

Бертран расспрашивает его о боевых заданиях и полевых условиях, о том, вернется ли он в армию. Адриан рассказывает о джихадистах, вертолете, кошмарах и решении пройти переподготовку. Блум обратился в слух – говорят о нем.

Бертран гладит собаку, внимательно слушая ее хозяина. В нем растет нечто сродни восхищению. Он никогда не умел ввязаться во что-то серьезное, он делает свое маленькое дело в своем углу, возвращается домой и ухаживает за своим маленьким садом. Ничего ни у кого не просит и никому ничем не обязан. Но и ничего великого в его жизни нет. А этот парень рассказывает о военных базах, сражениях и ранах, встречах со смертью, возвращении и реабилитации, посттравматическом синдроме, безопасности, оборудовании, оповещении, бомбах, форме и службе.

Капуцина издали поглядывает на них. Может, все и сложится.

Весь вечер она наблюдает за Берtrandом. Ее черно-белый дядя постепенно обретает новые краски. Расслабляется и начинает улыбаться. Соглашается взять добавки, хвалит повара. Оставляет место для десерта. Варит кофе. Эмилия ему помогает. С кухни доносится приглушенная музыка. Адриан подмигивает Капуцине. Его мать уже показывает Берtrandу танцевальные па. Взяв за руки, учит его двигаться

под музыку. Прямой, как палка, он пробует за ней повторять. Она подбадривает, пританцовывая вокруг него. Не перестает смеяться и хвалит, обнимая его.

Они танцевали вместе. Они танцевали...

Глава 83

Украденная сумка

Друг сообщил мне день и время.

Я припарковался на стоянке. Блум сидит у моих ног. Если бы я курил, то сейчас точно достал бы сигаретку.

Я достаточно далеко от входа, меня трудно заметить. Но достаточно близко, чтобы наблюдать.

Наконец он выходит. Спортивная сумка переброшена через плечо. Для промозглой февральской погоды одет слишком легко. Я вижу, как он поднимает воротник куртки. Оглядывается по сторонам, ждет. Как я и предполагал, за ним никто не приехал. Он идет к автобусной остановке. Я команду Блуму: «Принеси сумку!»

Пес срывается с места и в считанные секунды оказывается рядом с парнем. Тот сначала удивляется, но потом узнает его, приседает, чтобы погладить, и сумка соскальзывает на землю. Воспользовавшись этим, Блум хватается за тяжелую сумку и трусит к машине. «Эй, отдай!» Сумка периодически падает, Блум тащит ее, подхватывает, бежит быстрее и роняет. Заметив меня, парень переходит на шаг. Они подходят одновременно с Блумом, который плетется, высунув язык.

– Я не был уверен, что тебя кто-то встретит.

– Я справлюсь.

– Залезай, подброшу.

Я перекидываю картонную папку на приборную панель, чтобы он мог сесть, запираю собаку в багажнике и сажусь за руль, он – на переднее сиденье. Трогаемся молча. Что сказать после стольких лет? Что сказать, если чувствуешь себя настолько брошенным и когда сидел в тюрьму, и когда выходишь?

– Почему вы все это для меня делаете?

– Заканчиваю одно дельце.

Мы выезжаем на автостраду. Проезжаем мимо тюрьмы. Он смотрит прямо перед собой и оборачивается, только когда она остается позади. За окном мелькают тополя, болота, заправки, торговые центры,

машины, грузовики, стоянки, магазины, жизнь. Он пожирает ее глазами, будто пытаюсь воссоединиться с ней. Ее много, она так быстро накатывает, это какая-то оргия.

Когда я поворачиваю на съезд, он говорит, что я ошибся, дом родителей не там. Я отвечаю, что мы кое-куда заедем.

Голые поля, первые домики, деревня, мы поворачиваем направо, потом налево. Сиреневая аллея. Я останавливаюсь на другой стороне дороги, напротив учреждения и выключаю двигатель.

– В папке твоя переписка с Альбером. Все статьи, которые он хранил. И письмо, в котором он рассказывает, что видел.

– Почему он ничего не сказал?

– Почему ты ничего не сказал?

– Я не мог, было слишком поздно.

– Он тоже. Его никто не спрашивал. А потом было слишком поздно. Но никогда не бывает слишком поздно. Прошое, может, и не исправишь, но всегда можно решить, что ты хочешь делать со своим будущим. Я высажу тебя здесь. В папке есть контакты адвоката. Хорошего, правильного. Он любит исправлять то, что осталось неисправленным. Если вдруг. И немного денег. Делай с ними что хочешь. Можешь вызвать такси и вернуться к родителям, можешь купить билет на поезд и уехать подальше отсюда. Можешь провести ночь в недорогом отеле, чтобы поразмыслить. Но сперва, думаю, ты мог бы заглянуть к Альберу, он будет рад тебя видеть.

Он медлит, берет папку, выходит из машины, забирает сумку, благодарит меня и захлопывает дверцу.

Я машу ему рукой и трогаюсь.

Я не хочу знать.

Я больше не хочу ничего знать.

Свою часть я выполнил.

Глава 84

Дуть на искру

Возможно, это одна из ее последних консультаций.

Капуцина сидит в кресле, очень уверенная в себе, такой я ее еще не видел. Она стала на якорь. Я вспоминаю, как она пришла сюда в первый раз, выброшенная на необитаемый остров, одинокая, как Пятница. Она сидела в кресле, почти его не касаясь. Сиденье едва примялось. Она бы предпочла улететь, а не оставаться в кабинете. Говорить о себе ей было неинтересно.

«А зачем?» Таких пациентов у меня были сотни. Мало кто является на первый прием с энтузиазмом. Приходят нехотя, маленькими шажками, говорят сквозь зубы, делают вид, что зашли случайно, упираются изо всех сил. Наша работа в радость только старым клиентам, которые уже поняли, насколько грандиозной, мотивирующей и потрясающей может быть психотерапия. Все случаи по-своему интересны: и первые, и последние, и случайные, и постоянные пациенты, и дети, и старики. У всех есть история, которую нужно рассказать, боль, которую нужно переварить, конфликт, который нужно разрешить, и бомба, которую нужно взорвать.

– Все встает на свои места. Когда я пришла первый раз, мне казалось, что внутри у меня все сломано, разбросано, как кусочки пазла. А теперь все выстраивается. Просто поразительно.

– Потому что вы упорядочили детали. Собирать уже легче. Чисто вопрос методологии.

– Мне кажется, мы с Адрианом никогда не станем нормальной парой.

– А что такое нормальная пара?

– Та, что укладывается в рамки: бурная сексуальная жизнь, причесанные дети, разбитые тарелки, отпуск на море, ревность – все как у всех.

– Если бы вы знали, сколько существует способов жить вместе. Есть пары без детей, без сексуальной жизни; одни никогда не ссорятся, а другие любят друг друга, только когда таскают за волосы, – и не смейтесь над моими выражениями. Некоторые пары складываются

за несколько дней, другие – за много лет. Незаконные пары, расставшиеся и воссоединившиеся, пары между соседями, пары, которые рвут друг друга на части, чтобы потом с упоением мириться.

А есть пары как они.

– Мне хотелось бы, чтобы это было навсегда.

– Вы можете работать над этим. Уважать друг друга, разговаривать, принимать другого, принимать себя. Не давать обещаний, которые не сможете выполнить. Не стремиться любить друг друга как в первый день, потому что каждый миг меняет любовь и этот маленький нежный огонек нужно беречь и ежедневно подпитывать, чтобы он не погас.

Я думаю о Диане, о том, что нас связывает, о раскаленном свечении, о котором мы никогда не забываем, но продолжаем раздувать, чтобы горело ясным пламенем. Между Капуциной и Адрианом есть эта искра. Мне неизвестно, сумеют ли они ее взлелеять, поддержать, сохранить. Но она есть, и это первый шаг.

Капуцина говорит, что будет заходить время от времени, что они ждут нас в гости, как только перестанет течь с потолка.

– Где вы будете жить, пока идет ремонт, раз дом в таком плачевном состоянии?

– Сестра говорила об одном крошечном домике. Места в нем мало, но, учитывая, что мы проводим большую часть времени, прижавшись друг к другу... Как думаете, это пройдет?

– Надеюсь, что нет. Что может быть прекраснее, чем соприкоснуться кожей с любимым?

Глава 85

Сердечные рикошеты

Мы пришли вместе. Нам назначено на одно и то же время. Тонкий намек на их небольшую махинацию. Чтобы их поблагодарить.

Я рассказываю Диане, что младший Симоне вышел из тюрьмы. О том, как я в итоге поступил. Об облегчении при мысли, что дело закрыто. Я продолжаю об этом думать, но меня это больше не касается. Как и Мали – я еще вспоминаю об этом, но меня там больше нет. Диана очень помогла мне расставить все по местам. Одному мне было бы не под силу. Или я бы сделал это плохо и окончательно погряз бы в неразберихе.

Я рассказываю о предложении Капуцины, о доме, новой жизни, возможности открыть там приют для женщин, подвергшихся насилию, или бывших заключенных, чтобы помочь им встать на ноги. Сколько еще таких Кевинов выходит из тюрьмы потерянными, брошенными и одиноко стоит на автобусной остановке. У них есть право начать заново.

– Только не впадайте снова в жертвенность. Найдите в этом настоящий смысл, ладно?

Я говорю о маме. Когда она вернулась домой, ей написал Бертран. Поблагодарил за вкусный ужин и за ее простоту. За радость, которую она излучает, и за все, что она в нем пробудила. За прекрасный вечер. Она вернула ему желание путешествовать, открыться миру, людям, выйти за калитку своего сада.

– Он тоже прошел изрядный путь благодаря Капуцине. Часто, когда один член семьи выздоравливает, он вылечивает весь клан. Сердечные рикошеты.

Я сообщаю, что после консультации мы поедем смотреть дом. Я еще его не видел, только фотографии. Последняя поездка перед сделкой. Капуцине не терпится. Она чувствует, знает, что это наше место.

Глава 86

Я научился танцевать

*Я, мышка, без прикрас
Хочу сказать сейчас:
Всё кончено у нас.
Устал бесменно ждать,
Надеяться, страдать,
Учусь я танцевать.
Ты, словно свет во тьме,
Была причиной мне,
Чтоб жить в пустой тюрьме.
В душе храню секрет,
Желаний жарких след,
Но не спешу вослед.
Желаю быть свободным
И женщине угодным
В союзе благородном.
Теперь я буду смелый,
Вновь мудрый, может, зрелый,
И лист открою белый.*

Глава 87

Они приехали

Я стараюсь зацепиться за что-нибудь взглядом, чтобы не закрыть глаза, держаться, не проваливаться, дожждаться помощи. Сейчас пришлют спасателей, скорую, вертолет. Я думаю о дочках, о Капуцине, которая ждет дома, мне хочется позвонить ей. Сказать, что мы выберемся, что я просто уснул и мне снится дурной сон. Я зову жену.

Рашель не отвечает.

Я медленно считаю до десяти, до пятидесяти, до ста. Считаю, чтобы держаться. Первая машина уже близко, сейчас приедут, я вот-вот услышу сирену. Тень, которая смотрела на меня через стекло, куда-то исчезла. Может, после такого шока кажется, что время идет медленнее? Сто пятьдесят. Я думаю о маленьких пациентах, которых вчера оперировал. Натан, дефект межпредсердной перегородки; малышка Эмма, стеноз легочной артерии. Двести. Шарля я должен оперировать в понедельник, полная форма открытого атриовентрикулярного канала. Сложная операция, я должен быть в полном порядке. Двести пятьдесят.

Я чувствую, как дыхание становится все более поверхностным, легкие словно плавают в жидкости. Боль в груди усиливается с каждым вдохом. У меня уже не получается звать Рашель. Я сбился со счета.

Я умру. Я это знаю. Чувствую. Я застрял на заднем сиденье искореженной машины, и я умру. Я только хочу знать, жива ли жена. Выкарабкается ли она. Катрин продолжает стонать.

Рашель не отвечает.

Я постепенно отключаюсь и куда-то плыву. Мое тело словно обернули в вату, мне трудно держать глаза открытыми. Я делаю последнее усилие и вижу, как вокруг меня повсюду пляшут голубые огоньки. Они приехали.

Глава 88

Преобразать

Капуцина смотрит на Оскара.

В левой руке она держит теменную кость, в правой – письмо.

Она дышит спокойно.

Оскар помогал ей выстоять все эти годы, поддерживать связь с отцом, продолжать его дело, привыкнуть к его отсутствию, сохранив какую-то часть его рядом с собой.

Она встает, засовывает конверт в черепную коробку, вставляет последнюю кость, прикрепляет ее маленькими тонкими винтиками и отходит на два шага.

Ну вот.

Все готово.

Отец может уходить.

Он здесь навсегда.

Папа,

мне столько всего нужно тебе рассказать. Все то, что я не осмеливалась и что не успела. Мне тебя очень не хватало все эти годы. Я держалась. Адели была такой маленькой. Я злилась на нее, это плохо. Мне хотелось бы извиниться за те мысли, за свою обиду, за те минуты, когда я проклинала тебя и Рашель, родивших этого ребенка. Она не была моей дочерью, я получила ее в наследство. Я не выбирала. Так произошло. И в то же время я так сильно ее любила.

Авария меня заморозила. Заставила сидеть в темном углу и ждать, когда пройдет время и Адели вырастет. По-настоящему я сломалась одиннадцать лет спустя. В самый подходящий момент. Потому что в восемнадцать лет я бы не смогла так быстро прийти в себя, не встретила бы тех же людей и не осознала

определенные вещи. Вообще хорошо, что я в итоге сорвалась. Кто знает, сколько еще я бы протянула в автоматическом режиме с той ночи, когда случилась авария? Я прошла большой путь, держась за своего психотерапевта, как за поручень, и за твои тетради. Я лучше узнала тебя, я поняла, как сильно ты меня любил, как сильно любил Адели. И как сильно я хотела, чтобы ты мной гордился. Какие стратегии выработала, чтобы существовать. Существовать для тебя вдвойне, раз я не существую для мамы. Я не могла пойти на такой риск – разочаровать тебя, меня мучил дурацкий страх, что ты тоже меня бросишь. Я решилась прочитать твои записи и поговорила с дядей. После того как он рассказал мне о пчелином рое и о моем детском увлечении пчелами, во мне проявилось то глубинное, что психотерапевт Адриана называет глаголом жизни. Я наконец нашла свой. Я долго думала, что это – «лечить». Но это – «преобразжать». Превращать во что-то более прекрасное. Пыльцу – в мед. Старое заброшенное здание – в гостеприимный дом, куски дерева – в ключичные или подвздошные кости. Потому что мне удалось преобразить смерть в силу жизни.

Возможно, именно эта сила жизни позволила мне встретить Адриана. Он бы тебе понравился. Мы понимаем и дополняем друг друга. Мы связаны, как парные предметы, которые по одному бесполезны. Нужно два глаза, чтобы видеть рельеф, две руки, чтобы аплодировать, две чаши весов, чтобы установить равновесие. Два предсердия и два желудочка, чтобы билось сердце. Наши тела притягиваются друг к другу, как два магнита, и успокаивают друг друга, как два друга.

Он появился ровно в тот момент, когда все рушилось, – как ангел-хранитель, который спасает утопающего за секунду до того, как вода заполнит

легкие. Как Кларенс в фильме «Эта замечательная жизнь». Может, это ты мне его послал оттуда, где ты сейчас. Я представляю, как ты направляешь скальпель хирурга, когда он в затруднении, как стоишь за плечом Адели, когда она сомневается. Как дышишь на сердечки новорожденных, которые забывают дышать сами. Рядом с Рашель, которую так любил. И рядом со мной. Везде, всегда, просто по-другому.

Хотелось бы тебе звонить, когда грустно, когда я не знаю, что делать, когда страшно. Хотелось бы как раньше слушать твои истории о спасенных малышах, потому что это было как бальзам для моего сердца. Оно работало исправно. Разве что колотилось из-за всяких глупостей.

Сейчас мне хочется, чтобы оно билось ровно, ради правильных людей и правильных целей.

Дом стал для меня слишком велик. Он больше подойдет для семьи, для детей. Он должен быть наполнен шумом, гамом, криками, смехом, играми, радостью. Я выставила его на продажу. Оскара я, конечно, заберу. Мне разонравилось жить в городе. Знаешь, папа, мне кажется, я устала от людей, от этого стада, о котором я говорила доктору Дидро, от всех этих материалистов, оппортунистов, пофигистов, эгоистов. Я мечтаю о гуманизме, чуткости, простоте. О том, что ты воплощал в моих глазах. Ты держал в руках человеческие жизни, ты относился к делу серьезно, ты никогда не жаловался. Ты знал, что такое сообщать членам семьи трагические новости, и умел радоваться с теми, кого коснулось чудо. Я хочу вырваться из этого потока грустных озлобленных людей, которые думают только о себе и настолько заняты своими мелкими заботами, что забывают о крупных.

Адели борется за планету – и правильно делает. Она задает хорошие вопросы. Мне кажется, она состоялась. У меня нет ее силы, задора и смелости. Я хочу оставаться в тени, никому ничего не быть должной, хочу, чтобы обо мне забыли.

Я нашла заброшенный рай в одной горной деревушке. Земля недорогая. Нам места хватит. Да, нам. Адриан будет мне помогать, и у него есть своя задумка. Предстоит огромная работа, но нам хочется работать, потому что мы живые.

Знаешь, папа, вот я смотрю на него, вдыхаю его запах, обнимаю его и чувствую ужасную двойственность. Думаю, а вдруг он рядом со мной, потому что тебя больше нет? И все обстоятельства так причудливо сложились. Задумавшись глубже, я спрашиваю себя, что бы я выбрала, если бы могла управлять судьбой? Вернулась бы в прошлое, чтобы выбрать другой вариант? Сохранить тебя, но потерять его? Доктор Дидро говорит, что я напрасно мучаю себя бесплодными размышлениями, ведь то, что было, прошло, а то, что будет, еще не наступило, имеет значение лишь реальность настоящего момента. И его сладость.

Ты умер. Изю дня в день ты мертв. Ты был жив – и больше тебе не быть живым. Ты умер, но я чувствую, что ты где-то рядом. Как будто ты приглядываешь за мной, как будто все знаешь и шепотом подсказываешь правильные решения. Мне нравится так думать. Я очень боюсь ошибиться. Может, потому что мама ошиблась, зачав меня? Бывает, что наследство слишком тяжело. А ты – ты сделал все, чтобы мне было легче, и направлял меня.

Я верю: все, что остановилось, может начаться заново, и это происходит сейчас. Адриан

добрый и веселый. Он защищает меня, смешит, лелеет. Любовь и мед – вот и все, что мне нужно.

Что ж, папа, я никогда не стану врачом, но буду счастлива. Я никогда не стану такой, как ты, но я буду с тобой. Ты можешь идти с миром, подальше от людской суеты, я нашла здесь свое место, немного в стороне – ровно то, что нужно. Буду преобразать цветы в мед. И свою жизнь – делать ее прекрасной.

Твоя крошечная пчелиная королева

Глава 89

Они

Освещенный вечерним солнцем дом готовится встречать весну. Дикий виноград, заполонивший фасад и пробравшийся на крышу, пускает первые почки. Через разбитые окна беспрепятственно гуляет ветер.

Дом на склоне холма, у подножия соснового леса, поросшего папоротником, выходит из зимней спячки. Несколько месяцев снега, ледяного холода, заморозившего камни, и сквозняков не оставили паркету ни малейшего шанса.

И вот первые теплые лучи начинают нагревать толстые каменные стены, мягко пробуждая их ото сна.

Иногда мимо дома прогуливаются группки пенсионеров или семьи с детьми. Сорванцы похрабрее норовят бросить камень в зияющие проемы второго этажа.

Лиса, которая прошлой весной поселилась в ежевичной изгороди и вывела потомство, может быть, снова вернется. Ласточки вот-вот прилетят в свои гнезда под крышей сарая, вдохнув в эти развалины подобие жизни.

Развалины – вот во что превратился дом, более века дававший приют радостям и горестям. Кто захочет жить в развалинах? У кого хватит духа взяться за поле, заросшее непроходимым кустарником и плющом, а местами и березовым подлеском? Кто решится вытащить из паутины, плотной, как льняное полотно, старые инструменты, все еще готовые пилить, резать и колоть?

Они.

Те, кто не вписывается в рамки.

Кто хочет начать жить с чистого листа.

Старик на посту. Он узнал машину. И девушку, даже без шапки с помпоном. Рядом с ней высокий крепкий мужчина с военной выправкой. Осматривается с интересом, сразу видно.

Они обходят участок, целуются, обнимаются, показывают руками в разные стороны. Издалека ему ничего не слышно, но, должно быть, делятся друг с другом задумками и мечтами. Вот тут разобьем огород. А тут вырубим деревья. Эти заросли надо будет расчистить. Плакучую иву пересадим в другое место.

Адриан в восторге. Капуцина взволнована. Все сходится – решено: они покупают.

– Думаешь, у нас получится?

– А почему нет? Спешить некуда, будет нужно – попросим помощи. Твоим пчелам есть где кормиться. А моим собакам – резвиться. Можем завести лошадь или ослика и кроликов. Да, без зайчиков никуда.

Они идут к старику сообщить новость. Новые соседи. Собака его уже очаровала. И он хочет попробовать первую банку меда. Капуцина ему обещала.

Он немного подождет, но помирать можно уже сейчас. Дом не рухнет, а оживет. Зимой снова будет гореть камин, летом – цвести сад. Ручьи уберут в дренажные канавы, пруд очистят, дожждаться бы только весны и долгих летних вечеров.

Старик возвращается к себе. Он думает о Мадлене. Наконец-то она может упокоиться с миром. Он больше ни о чем не жалеет. Здесь будут жить двое других влюбленных, они заштопают прошлое и засеют плохие воспоминания цветами.

Целым полем цветов.

Примечания

Сцена крушения вертолета основана на реальном событии – спасении экипажа вертолета «Газель» экипажем «Тигра» в ночь с 13 на 14 июня 2019 года в Мали во время операции «Бархан».

Этому была посвящена программа «Суббота 13:15»^[5], вышедшая в эфир 11 июля 2020 года.

Приводя этот эпизод в романе, я выражаю свое восхищение людьми, которые сражаются, защищая нас.

Старший капрал Максим Бласко погиб в бою 24 сентября 2021 года в Мали.

В этом романе он украдкой появляется под видом Пьера во время эвакуации Адриана.

На протяжении всей своей службы он демонстрировал образцовое мужество, и я отдаю дань его памяти.

Автомобильная авария также произошла на самом деле – 15 сентября 2015 года.

Вместо Рашель за рулем была я, рядом со мной сидела подруга, на заднем сиденье – мой муж. Наш сын, которому только что исполнилось восемнадцать, остался дома присматривать за шестилетней сестрой.

Окажись мы на перекрестке на секунду раньше, тот водитель врезался бы в нас на полном ходу и все развивалось бы по тому же сценарию, что и в книге, с тем же фатальным исходом. Эта секунда уменьшила силу удара и позволила нам уцелеть.

Идея этого романа, вероятно, родилась в последовавшую за аварией бессонную ночь, когда я пыталась переварить ужас от того, что наши двое детей чуть не остались сиротами.

Написав роман, я смогла трансформировать пережитый опыт в важное послание о хрупкости человеческой жизни перед лицом чудовищной дорожной преступности.

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить жандармов Алена и Фредерика, кинолога Франка, полицейских-кинологов Норберта и его коллег, Давида с его собакой Пагай (компания «Собачья надежда») и Фабьена (компания «Калина») за их ценные объяснения, которые помогли мне создать персонажей Адриана и Блума.

Спасибо Роджерии за наши беседы и все пояснения, касающиеся, в частности, посттравматического синдрома.

Спасибо замечательному издательству Flammarion, чья неизменная поддержка, доверие и профессионализм мотивируют и поддерживают меня. Эта книга не состоялась бы без работы команды. И какой команды! Отдельное спасибо Луизе и ее топорику, который ловко обрубает все лишнее и способствует росту новых, гораздо более здоровых побегов.

Спасибо Валери, чья чуткость, творческий подход и опыт помогают мне постоянно учиться, развиваться, дерзать и гордиться своей работой. Этот новый роман – очередной результат нашего сотрудничества и нашей дружбы. Это бесценно.

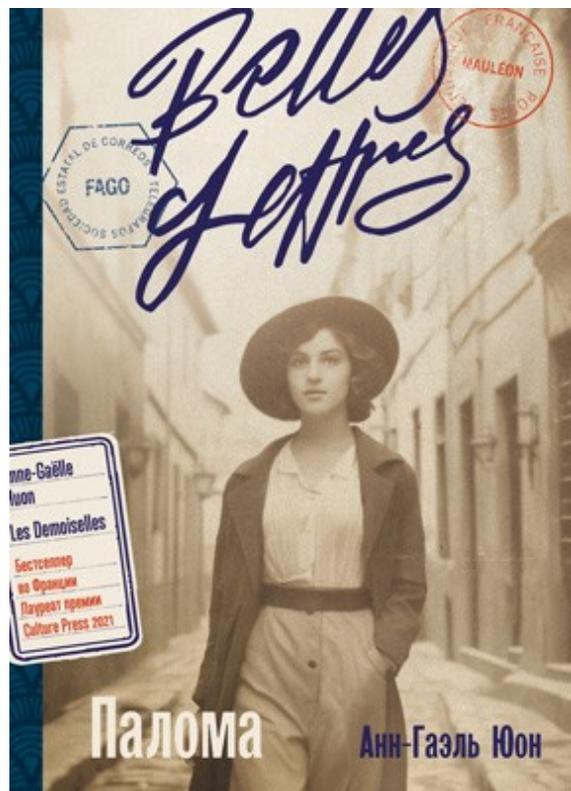
Спасибо моим близким, которые сопровождали меня в таком порой беспокойном путешествии, каким является написание романа да и жизнь в целом, особенно Фредерику и Джонатану, долгие беседы с которыми неизменно учат меня человечности.

Спасибо Эммануэлю за неизменную любовь и огромное терпение. Спасибо, что принимаешь мои страхи, мои радости, мои безумные идеи, мои новые проекты... и за то, что так долго разделяешь со мной жизнь.

Спасибо жизни за то, что позволила нам пережить эту страшную аварию и не потерять себя.

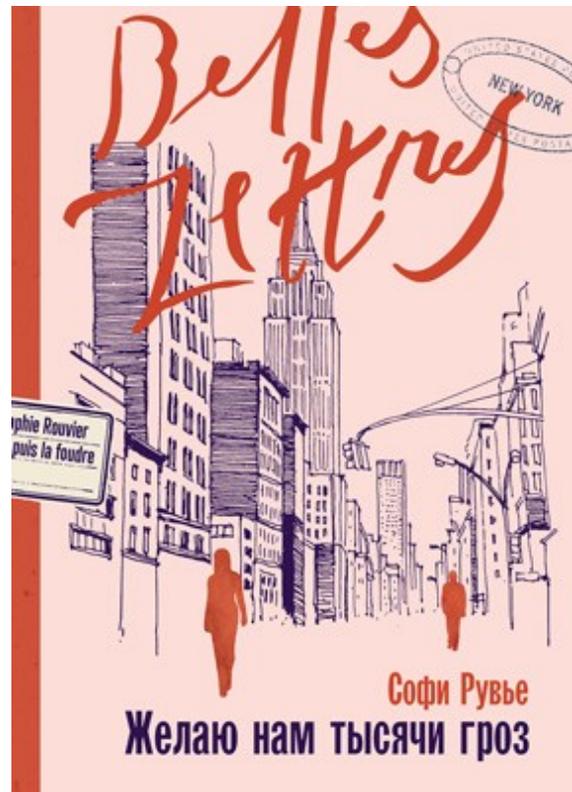
Иногда испытания становятся надежными столпами для строительства замков любви.

Рекомендуем книги по теме

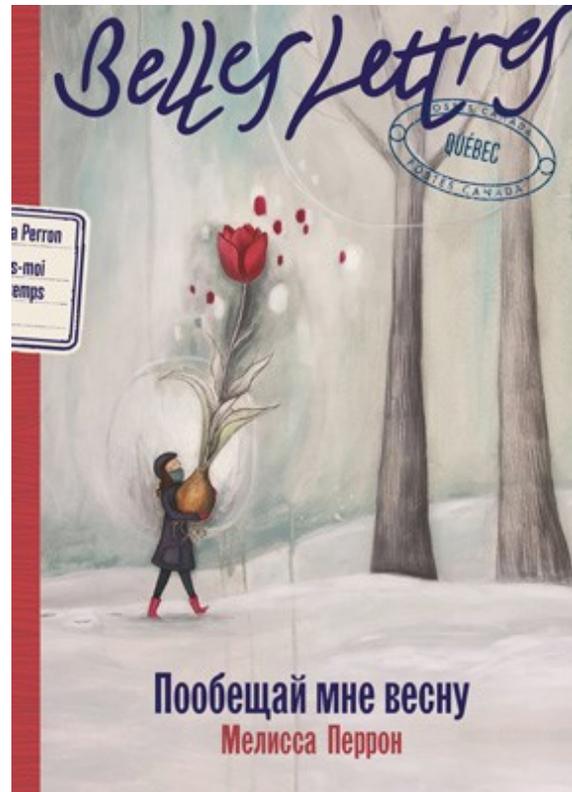

[Палома](#)

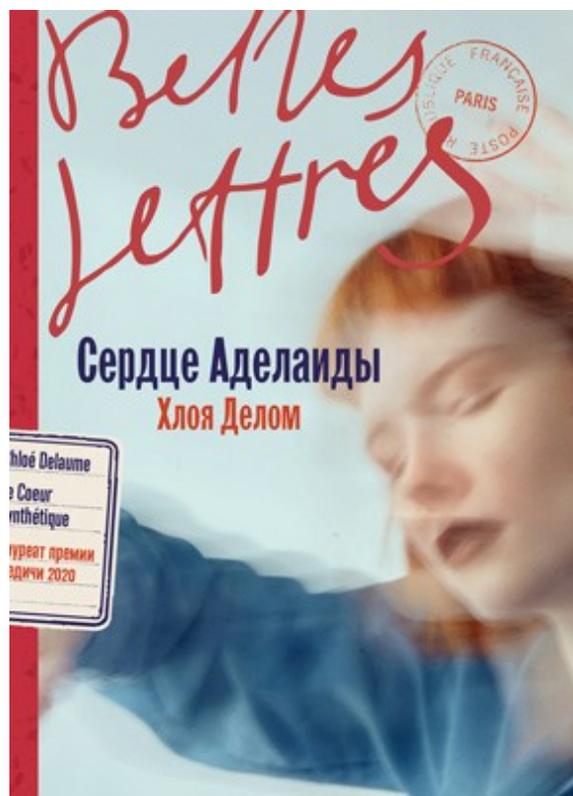
Анн-Гаэль Юон

[Желаю нам тысячи гроз](#)
Софи Рувье

[Пообещай мне весну.](#)
Мелисса Перрон

[Сердце Аделаиды](#)
Хлоя Делом

notes

СНОСКИ

1

«Арвенский щит» (Le Bouclier arverne) – 11-й альбом из серии комиксов об Астериксе (1968); речь идет о вожде племени Абраракурсиксе, у которого прихватывает печень после праздничного банкета.

Луций Анней Сенека. О провидении // Философские трактаты / Пер. с лат. и комм. Т. Ю. Бородай. – СПб.: Алетейя, 2001.

3

Если «эрос» в древнегреческой философии обозначает чувственную или страстную любовь, то «филия» описывает другой вид любви – братскую или дружескую.

4

Майевтика (от *др.-греч.* «повивальное искусство») – созданный Сократом и описанный в диалоге Платона «Теэтет» метод философствования, позволяющий извлекать скрытое знание путем последовательных наводящих вопросов и тем самым помогать «рождать истину».

5

Телепередача 13h15 le samedi выходит на канале France 2.

Table of Contents

[Аньес Ледиг Я возвращаюсь к себе](#)

[Глава 1 Два имени на почтовом ящике](#)

[Глава 2 Мотылек](#)

[Глава 3 Такая роль](#)

[Глава 4 Пробудиться от хаоса](#)

[Глава 5 Рашель не отвечает](#)

[Глава 6 Плотская пустыня](#)

[Глава 7 Скала слез](#)

[Глава 8 Соленый душ](#)

[Глава 9 Если бы только](#)

[Глава 10 Несмелое желание](#)

[Глава 11 Немного помочь случаю](#)

[Глава 12 Магия яблочных пончиков](#)

[Глава 13 Ценная древесина](#)

[Глава 14 Маленький ключ](#)

[Глава 15 Кружево](#)

[Глава 16 Отпустить педали](#)

[Глава 17 Смутные воспоминания](#)

[Глава 18 Перемешанный салат](#)

[Глава 19 Секреты дома](#)

[Глава 20 Последний день счастливого человека](#)

[Глава 21 Простодушие новичка](#)

[Глава 22 Прежде чем заговорить](#)

[Глава 23 Трогательный кошмар](#)

[Глава 24 Контроль и выбор](#)

[Глава 25 На нашей скамейке](#)

[Глава 26 Военные советы](#)

[Глава 27 Клубок](#)

[Глава 28 Письмо-подарок](#)

[Глава 29 Уход](#)

[Глава 30 Философия случая](#)

[Глава 31 Случай, путешествующий инкогнито](#)

[Глава 32 Тирамису](#)

[Глава 33 Даже с лучшими из нас](#)

[Глава 34 Любовь к цветам](#)
[Глава 35 Одна-единственная храбрость](#)
[Глава 36 Утечка любви](#)
[Глава 37 Горожане](#)
[Глава 38 Глагол жизни](#)
[Глава 39 Путь, который того стоит](#)
[Глава 40 Болеутоляющее средство](#)
[Глава 41 Сердце растет как на дрожжах](#)
[Глава 42 Изящное приглашение](#)
[Глава 43 Зарождающиеся мечты](#)
[Глава 44 Защищенная от всего](#)
[Глава 45 Золотой луч](#)
[Глава 46 Прощайте](#)
[Глава 47 Сближение в молчании](#)
[Глава 48 На край света](#)
[Глава 49 Когда все возвращается](#)
[Глава 50 Зов книги](#)
[Глава 51 Терапевтические свойства стиральных машин](#)
[Глава 52 Кинетическая энергия жизни](#)
[Глава 53 Великий поток жизни](#)
[Глава 54 Половина тарталетки](#)
[Глава 55 Красный помпон вдалеке](#)
[Глава 56 Отойти в сторону](#)
[Глава 57 Путь медоносных цветов](#)
[Глава 58 Оскар между ними](#)
[Глава 59 Мулат](#)
[Глава 60 Когда речь о ней](#)
[Глава 61 Моя милая Мадлена](#)
[Глава 62 Лязг засовов](#)
[Глава 63 Последняя вещь](#)
[Глава 64 Пылающая](#)
[Глава 65 Бороться](#)
[Глава 66 Безобидный скелет](#)
[Глава 67 Когда все выстраивается](#)
[Глава 68 Танцевать](#)
[Глава 69 Пересекающиеся жизни](#)
[Глава 70 О!](#)

[Глава 71 Столетие неловкости](#)
[Глава 72 Секретная защита](#)
[Глава 73 Едва хватает кислорода](#)
[Глава 74 Шероховатости времени](#)
[Глава 75 Руки солдата](#)
[Глава 76 Околпачить](#)
[Глава 77 Хитренькая!](#)
[Глава 78 Чертова жертвенность](#)
[Глава 79 Душа дома](#)
[Глава 80 Исцелиться от Мали](#)
[Глава 81 Перестать сопротивляться](#)
[Глава 82 Шепот под одеялом](#)
[Глава 83 Украденная сумка](#)
[Глава 84 Дуть на искру](#)
[Глава 85 Сердечные рикошеты](#)
[Глава 86 Я научился танцевать](#)
[Глава 87 Они приехали](#)
[Глава 88 Преображать](#)
[Глава 89 Они](#)
[Примечания](#)
[Благодарности](#)
[Рекомендуем книги по теме](#)
[Сноски](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)

